

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ»

УДК 1+3+9 ББК 63+66+87 А 43

А 43 «Актуальные вопросы философии, истории и политологии»: материалы международной заочной научно-практической

материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть І. (10 марта 2011 г.) – Новосибирск: Изд. «ЭНСКЕ», 2011. – 151 с.

ISBN 978-5-91711-030-1(1)

Сборник трудов международной заочной научнопрактической конференции «Актуальные вопросы философии, истории и политологии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной философии, истории и политологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической философии, истории и политологии и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития данного направления науки.

ББК 63+66+87

ISBN 978-5-91711-030-1(1)

Оглавление

Секция 1: Философия	5
ПРОПОВЕДЬ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА КАК ФОРМА УТВЕРЖДЕНИЯ СЛОВА ВЕРЫ В ГРЕКО-РИМСКОМ МИРЕ	5
Дьяченко Ольга Николаева ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	9
Есина Оксана Юрьевна УЧЕНИЕ И. КАНТА О «ГЕНИИ»	13
учение и. канта О «гении» Загороднева Юлия Александровна	13
РАЗЛИЧИЕ МОРАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО В	19
ИНДИВИДУАЛЬНОМ БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА	13
Исмаилов Анвар Юрьевич	
ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В	25
КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ	
Калантарян Ирина Григорьевна	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК НОВАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ	29
РЕАЛЬНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	
Касумова Гюльнар Камран кызы	
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО	35
ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ	
Латыпова Зухра Ильгизовна	00
ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЛОСОФИИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ	39
ПРОБЛЕМА Лобанова Нина Исааковна	
лобанова пина исааковна ИСТИННОСТЬ ГЕРОИЗМА: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	43
Лукьянова Рушания Абдурахмановна	40
МЕХАНИЗМ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	49
В НАУЧНОМ ЗНАНИИ	.0
Морозова Нелли Игоревна	
СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК	53
НРАВСТВЕННАЯ СУБСТАНЦИЯ СВОБОДЫ ИНДИВИДА	
Сергеев Виктор Алексеевич	
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ОЦЕНКА ДИСФУНКЦИЙ	62
КУЛЬТУРЫ, СТАВШИХ СЛЕДСТВИЕМ КУЛЬТУРНЫХ	
ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ	
Сиверина Юлия Юрьевна	
ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	66
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ «НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ»	
Тихонова Валентина Львовна	

ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ПРИРОДЫ И АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА	71
Тищенко Нонна Дмитриевна	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ	75
РУМАПИТАРПОМ ЗПАПИИ Федулов Игорь Николаевич	
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ	82
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ	02
«МАССОВОГО ОБЩЕСТВА»	
Харьковская Ирина Николаевна	
ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ	87
ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	
Хахалева Ольга Александровна	
ХРИСТИАНСТВО И ПЛАТОНИЗМ В ПОИСКАХ	94
ПОДЛИННОГО ОСНОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИИИ	
Хитрук Екатерина Борисовна СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМА И АРХЕОЛОГИЯ ЗНАНИЯ –	404
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА М. ФУКО	101
методологические аспекты тво-чества м. Фуко Яшин Антон Владимирович	
	106
Секция 2: История	
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ	106
(НА ПРИМЕРЕ МОНИТОРИНГА РЕГИОАНАЛЬНЫХ СМИ)	
Баутина Полина Вячеславовна ПОТОМКИ КУЧУМА В XVII в. И ИХ РОЛЬ В	113
ПОТОМКИ КУЧУМА В XVII В. И ИХ РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ АНТИРУССКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА	113
ЮЖНОМ УРАЛЕ И В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	
Васьков Дмитрий Александрович	
ОБРАЗ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЛИФОНИИ	125
СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «РОССИЙСКОМ	
ИМПЕРИАЛИЗМЕ» И ЕГО ПЕРСПЕКТИВАХ	
Волошин Дмитрий Алексеевич	
РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТУДИЙ КИНОХРОНИКИ В	132
РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ДУХОВНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ	
НАРОДА НА РАЗГРОМ ВРАГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ	
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
Заводчиков Василий Васильевич СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ	146
СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОИ ПОЛОВИНЫ 1950-Х ГОДОВ О ПОЛОЖЕНИИ ПРОЦЕССА	140
1.35.51.55.1.5.11.11.11.11.11.11.11.11.11.1	
ОБРАЗОВАНИЯ В УССР ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	

СЕКЦИЯ 1: ФИЛОСОФИЯ

ПРОПОВЕДЬ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА КАК ФОРМА УТВЕРЖДЕНИЯ СЛОВА ВЕРЫ В ГРЕКО-РИМСКОМ МИРЕ

Дьяченко Ольга Николаева

аспирант кафедры философии Курского государственного университета, г. Курск E-mail: dyachenkoolga13@yandex.ru

Проповедь как форма выражения истин веры возникла вместе с христианством и неотделима от христианского учения. Благовествование апостолов концентрировалась на Личности Христа, и главный аргумент здесь - историческая и содержательная достоверность.

Речь «мужей апостольских», несомненно, была, в большей степени, духовным размышлением и артикуляцией богооткровенных истин, в которой присутствовали не только отдельные части Священного Писания, но назидания верующим, имеющие сугубо практическое назначение.

С распространением христианства насущной потребностью истолкование вероучительных утверждений разнородной аудитории слушателей. Христианские гомилии звучали, в основном, на собрании общины, сущность которых была в пояснении конкретного фрагмента Откровения, или же они содержали наставления, предназначенные для нехристиан. В поучениях этого периода отсутствовали четкие правила и предписания в построении высказываний и назиданий, искренняя вера - единственное условие и основа любой проповеди, поэтому проповедником мог быть любой христианин: «И ни весьма сильный в слове из предстоятелей церковных не скажет иного в сравнении с сим учением, ибо никто не выше Учителя, — ни слабый в слове не умалит предания. Ибо, так как вера одна и та же, то и тот, кто многое может сказать о ней, не прибавляет, и кто малое, не умаляет» [5, с. 29]. Проповедь вероучительных истин становится важнейшим и необходимым действием для каждого члена общины, то есть практическим осуществлением веры.

К III веку появляются книги, в которые вошли лучшие образцы наставлений христианских учителей Церкви. Проповедь оказывается единственным инструментом в борьбе с ересями и утверждении слова веры, оружием против язычников и средством обращения слушателей.

Наставление призвано помочь разуму обрести согласие с Божественным Логосом и разъяснить те утверждения, которые приняты благодаря вере. Именно проповеднический настрой христианской речи впоследствии формирует язык средневековой философии, ее стиль и манеру изложения — убеждать в том, что для верующих уже и так признано истиной, а теология выступает как практическая наука.

Слово Августина предстает не просто как назидание, но как распространение и утверждение христианских идей в греко-римском мире. Дело в том, что язычники часто не понимали Откровение, другие были поверхностно знакомы с его содержанием, но и те и другие неуклонно отвергали эту книгу. И первым, кто выступил не только с апологией христианства, но главное, с защитой фундамента новой религии – Откровения был Ориген. Как совершенно справедливо Тригг, «Для отмечает исследователь Д. язычников представляла собой недостойный предмет рассмотрения, поскольку была написана на чрезвычайно нелитературном языке и не отвечала эстетическим образцам греков. Кроме того, ни одна из книг Священного Писания не соответствовала определенному жанру, существовавшему в античной литературе» [6, с. 52]. Поэтому в полемике с эллинистическим миром Августин неизменно использует приемы риторического искусства греков, а внутренняя речь его «мыслящей души» строится на диалектических положениях античности.

Священное Писание христиан в учении Августина оказалась книгой, властно подчиняющей себе сферу культуры и раскрывающей новый мир внутри текста, поскольку Евангелие, по мысли философа, «как живое слово Божие, проникающее в глубину души и судящее самые тайные помыслы сердца, доступно для всех нас; оно не говорит никому лично, если только человек не относит к себе слова его. Оно предложено нам, как зеркало, в котором мы можем видеть самих себя, и если однажды заметим в себе что-нибудь нечистое, то должны тщательно стараться, чтобы в другой раз мы могли без стыда увидеть самих себя в оном. Евангелие повествует, что некогда за Иисусом Христом следовало множество людей, и что Он, обратившись, начал говорить им; но, все сказанное им, относится и к нам, хотя нас тогда не было» [3, с. 143].

Августин жил в эпоху, когда отдельные элементы христианской проповеди звучали в самых неожиданных обстоятельствах и интерпретациях, а теологические вопросы обсуждались всеми и повсеместно. Так Григорий Нисский описывает интересные, а порой и

курьезные фрагменты, которые, тем не менее, указывают на актуальность и остроту переживания проблем, имеющих исключительно теологическую направленность.

К середине IV века христианские общины Малой Азии, Египта, Сирии становятся центром напряженных богословских дискуссий. Ожесточенные споры среди христиан начинаются с появлением Ария и его преемника Евномия. В Сирии возникновение еретических идей инициирует Апполинарий и Македоний, в Константинополе родоначальником новой доктрины выступает Патриарх Несторий, попрежнему сохраняются влияние гностицизма среди христиан. К V веку интеллектуальной атмосфере главенствующее положение завоевывают донатисты, религиозные чувства которых поражали людей и увлекали примерами мученичества и пелагиане с верой в свободную волю и силу добродетели. В данный период реальную угрозу для христианства представляло не язычество как таковое с его идеями и тысячелетними традициями, но внутренние противоречия, существовавшие внутри самой Церкви и грозившие ей утратой единства. Ведь представители еретических учений апеллировали к Откровению и говорили на языке, понятном каждому христианину. И в сложившейся ситуации проповедовать и учить должен был всякий представитель общины, чтобы сохранить единство веры и внутреннюю нераздельность Церкви.

В этой появляется книга Аврелия связи «Христианское учение», которая была первой работой отвечавшей запросам времени и продиктованная сложившимися обстоятельствами. Будучи епископом, он понимает, что роль проповедника состоит не только в том, чтобы открывать истину язычникам и разъяснять символику Откровения, но побудить всякого верующего исполнять первостепенную задачу для каждого христианина - проповедовать Слово веры. Августин говорит о том, что «вера требует от нас служения сердца и языка. В самом деле, и Апостол говорит: Сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению (Рим 10:10)» [2, с. 48]. Не случайно в другом своем произведении он отмечает: «не трудное дело преподать то, чему должно веровать, с чего начать и до чего доводить повествование, как изложить оное, чтобы в одном случае оно было кратко, а в другом пространно, но всегда полно и совершенно, и когда надобно употреблять первое и когда последнее: но как произвести то, чтобы каждый наставлял с охотою?» [4, с. 11]. Философ ставит перед собой и каждым цель - предотвратить искажения, исходящие из уст еретиков, и защитить то, что содержится в Символе веры.

Аврелий Августин оказывается первым, кто стремится описать и классифицировать все известные ему еретические доктрины. В работе «О ересях» он излагает специфические особенности того или иного течения, детально разбирает имеющиеся искажения с позиции христианского учения.

Августин уверен в том, что могут быть найдены универсальные приемы, способствующие пониманию богооткровенных истин и подтверждающие их неопровержимость и достоверность, как для язычников, так и заблуждающихся христиан. Он убежден - такой путь может быть указан только Богом, поэтому всегда обращается к нему с просьбой даровать: «...такую силу слова и такое умение ткать речь, чтобы и те, ко еще не в силах понять, каким образом говорит Бог, не могли бы отвергнуть слов моих, ссылаясь на то, что они превосходят их разумение...» [1, с. 182].

Таким образом, в проповеди Аврелия Августина обретают внутреннее единство Божественное Откровение и личный опыт веры, голос пророческого слова и диалектическое мышление философа, благодаря чему речь Августина оказывается универсальной и в назидании язычников, и увещевании заблуждающихся христиан.

Список литературы:

- 1. Августин Аврелий. Исповедь; Блез Паскаль. Письма к провинциалу. Симферополь: «Реноме», 1998. 416 с.
- 2. Блаженный Августин Иппонский. О Символе веры // Альфа и Омега. М., 2002. №3 (33). С. 48.
- 3. Блаженный Августин Иппонийский. Слово в день святых мучеников Маккавеев. // Журнал «Христианское чтение, издаваемое при Санкт-Петербургской Духовной Академии». СПб.: В типографии Ильи Глазунова и К° 1839 г. Часть III. С. 143.
- 4. Блаженный Августин, епископ Иппонийский. О том, как оглашать людей необразованных. // Журнал «Христианское чтение, издаваемое при Санкт-Петербургской Духовной Академии». 1844 г. Часть III. С.11.
- 5. Сочинения Св. Иринея, епископа Лионского. Пять книг обличения и опровержения лжеименного знания. 2-е изд.: СПБ: Издание книгопродавца И.Л. Тулузова, 1900. 360 с.
- 6. Trigg J.W. Origen. The Bible and Philosophy in the Third-Century Church. London, 1985. P. 52.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Есина Оксана Юрьевна

соискатель кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского г.Саратов

E-mail: oksana801@inbox.ru

За последние два десятилетия в философии остро стоит вопрос о месте человека в современной действительности. Нередко встретишь мнение, что человек теряет свою идентичность, а на смену ему грядет человек-фактор, лишенный всяких желаний и чувств - робот с искусственным интеллектом. Опасения, вызванные такой трансформацией небезосновательны: человека во-первых, стремительное развитие инновационных технологий отодвигает деятельность познающего человека на задний план; а во-вторых, ситуацию осложняют разговоры представителей постсубъектной философии о «смерти человека».

Философская панорама конца XX века характерна течениями, устраняющими человека из процесса познания. Представители постмодернизма, поструктурализма, неопозитивизма объявляли идею человека с его психикой главным мошенничеством. Мышление и деятельность — вот главные субстанции, которые необходимо развивать и описывать без человека или, иначе, без субъекта действия[1].

М. Фуко один из первых провозгласил смерть субъекта познания — человека. Человек растворяется в своих отношениях с другими, исчезает, поэтому нужно мыслить в пустом пространстве, где уже нет человека. А всем тем, кто еще хочет говорить о человеке, кто хочет исходить из человека в поиске своей истины, можно лишь противопоставить безмолвный философичный смех [2, с.363].

Схожие идеи прослеживаются у Ж. Делеза. Техника берет реванш над естественным человеком, «генная инженерия, манипулируя человеческой телесностью, разрушает, деструктурирует его целостность как организма, уничтожая человеческую идентичность; победа над означающим означает ликвидацию субъектности и самости человека»[3, с.64].

По мнению неопозитивистов, в рациональном нет ничего, что могло бы быть сведено к субъективному опыту. Наука предполагает

только точные знания, а человек за основу берет чувственные данные. Показательной в этом отношении является работа К. Поппера «Логика и рост научного знания», в которой он делает акцент на том, что знание «не зависит от чьей-либо веры, <...> оно есть знание без познающего субъекта»[4, с.442-443].

Элиминация человека подразумевает отказ от истории, реальной действительности. Деантропологизация психологизма реальности ведет к представлению мира в виде знакового поля или диаграммы как чистой формы. «Демонтаж субъекта, пишет В. Е. Кемеров, <...> вписан в общий катастрофический пейзаж XX столетия», при этом «когда говорят о демонтаже или исчезновении гносеологического субъекта, <...> подразумевается утрата или разрушение конструкции, в которую помещался или которой познающий человек»[5, c.399-400]. подменялся По постсубъктного направления представители отказывались индивидуальной жизни человека, то есть речь шла о смерти человека эмпирического.

Безусловно, разговоры о смерти человека возникли не на пустом месте. Высокий темп развития техники привел к экологическому кризису, а с ним и к кризису самого человека. «Возникает все больше индивидов, характеризующихся «размытой идентичностью», сознание которых оказывается фрагментированным, и которые не могут ответить на вопрос кем они являются («кто я такой»)». Это не человек, если «не может нести ответственность за свои поступки, а тем самым не может считаться человеком в принятом до сих пор смысле слова»[6, с.12].

Современная тенденция в философии элиминировать человека из процесса познания, придать знанию виртуальный характер синонимична понятию постчеловеческой реальности. Постчеловеченость — значит бессубъектность, стремление освободить познавательный процесс от человека — субъекта познания. Вывести на подиум познания кого-то Другого, постчеловека, свергнуть с пьедестала Homo vitae sapiens и поставить на это место того, кто живет в среде информационных технологий, в виртуальной реальности.

Постчеловеческая среда и характерная ей рациональность переводят человека в состояние постчеловека. Вопрос существования реального человека не только не ставится, о нем в такой киберреальности и речи быть не может. При таких обстоятельствах человек перекладывает обязанности с себя на другого, снимая ответственность за происходящее. Поэтому ему проще быть постчеловеком или не-человеком, гомоутером, обезличенным своими же руками.

Размытая граница в киберпространстве между реальным и воображаемым оказывается близкой реальности сновидений. Создаваемое «виртуальное Я» сильно отличается от реального, а его создатель предпочитает жить в киберпространстве, нежели в обычной жизни. Примером может послужить фильм американского режиссера Джеймса Кэмерона «Аватар», где явно показано превосходство виртуального мира над реальным. Главный герой фильма — бывший калека-солдат предпочел обыденную жизнь виртуальной. Он может все, что не мог ранее: ходить, отлично прыгать, лазать по деревьям. Его вполне устраивает его новое тело, оно лучше и крепче прежнего. А в реальности он — никто, подопытный инвалид, а потому для него «виртуальное Я» ценнее реального. Герой фильма так и остается жить в виртуальном мире, а в настоящем его уже попросту нет.

Для многих такой переход в другую реальность, постчеловеческую, является не только возможным, но неизбежным будущим. А подмена человека постчеловеком становится очевидностью.

По мнению Г. Л. Тульчинского, человек в наши дни оказался перенасыщенным качествами прошедших столетий. Тело стало подобием костюма, поскольку его легко перелицевать. «Речь идет о посттелесности Я. Человек, личность перестает быть бесперым двуногим и т.д., чем-то натуральным по преимуществу. На первый план выходит метафизическое начало. А тело предстает не как вместилище человеческой сущности, а как канал, посредник между двумя планами человеческой обытия, двумя планами человеческой свободы: трансцендентальным и реальным»[7, с.532]. В такой ситуации необходимо самоосмысление Я, поиск новых путей – возможностей нахождения новых уникальных смыслов. Такие действия позволят по-новому поставить вопрос о человеке, а с нынешней позиции – о постчеловеке.

Схожей позиции придерживается М. Н. Эпштейн. По его мнению, в истории грядет смена парадигмы постмодерна протеизмом. Культура протеизма, еще находясь на первоначальной стадии, уже является перенасыщенной опытом прошедших столетий. «Поскольку человек, рубежа XX-XXI столетий вынужден за свою жизнь воспринять в десятки тысяч раз больше информации, чем его предок всего лишь 300 - 400 лет назад»[8]. Опыт человека в получении новых знаний оказывается поверхностным, беспомощным перед таким объемом информации. Поэтому можно только предвидеть то время, когда отдельные индивиды будут соответствовать уровню развития информационной цивилизации. Происходит смена природы человека,

то есть человек все более выходит за пределы своей биосоматики. В техносфере человек бытийствует в разных технических и искусственных формах существования. Человек как бы врастает в технику, которую сам создал. Человек технетизируется, а техника очеловечивается. Техносфера есть последняя инстанция, последний цикл в развитии человека познающего, после техносферы будет только миф нового человека. По мнению М. Н. Эпштейна, чтобы жить, мы должны создать новую реальность, а точнее искусственную среду для пребывания человека-гомоутера. Если нет — будем пребывать в мире киборгов-гуманоидов.

Настало время кризиса человека. Вступление общества в информационную стадию развития предполагает подмену умственных способностей человека искусственным интеллектом техники. Человек сплавляется с техникой в одно целое. Происходит потеря таких сущностных черт человека как субъектность, самотождественность, самостоятельность. Если ранее окончательное решение принимал человек, то в такой ситуации ответственность за происходящее несет техника. Захваченное техносом, сознание человека отрывается от времени и места жизни его тела. Остро стоит вопрос об идентичности вообще. Целерациональное поведение пост/не/человеческой рациональностью. «Новая искусственная среда «сканирует», принимает только информационный аспект человека, ввергая его как целостное существо в состояние кризиса. По своей сути, а особенно в тенденции, она является не античеловеческой просто постчеловеческой. Постчеловеческая среда и соответствующая ей рациональность рождает постчеловека» [9, с.13]. Постчеловек – это робот с искусственным интеллектом и кибер-органическими системами типа «гомоутер». Постчеловеческая реальность — это искусственная среда, не имеющая и намека на естественное измерение[3, с.66].

Современный этап развития цивилизации характерен не только быстротечной сменой одних процессов другими, но и повышенным уровнем рискогенных ситуаций, в которых оказывается отдельный человек. Выход из этих ситуаций требует от человека принятия нестандартных решений, творческого подхода. Это значит, что человек не может спрятаться за неким другим, он должен действовать один, на свой страх и риск. Что же касается способа жизни в виртуальной мире как новой постчеловеческой реальности, то не нужно забывать о том, что повседневная жизнь есть исходная и основная реальность, а все остальные реальности лишь производные от изначальной.

Список литературы:

- 1. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М.: Касталь, 1996. 641с.
- 2. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: издательство «A-cad» AO3T «Талисман»1994. –407с.
- 3. Кутырев В. А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) // Вопросы философии, 2003. №1. С.63-75.
- Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 302с.
- 5. Кемеров В. Е. Необходимость субъекта // Субъект, познание, деятельность / Отв. ред. и сост. Касавин И. Т. –М.: Канон +, 2002. С.395-412.
- Лекторский В. А. Умер ли человек. // Человек, 2004. №4. С. 10-16.
- 7. Тульчинский Г. Л. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы. // Я. (А. Слинин) и МЫ: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. (Серия «Мыслители». Выпуск X). С. 528-555
- 8. Эпштейн М. Н. Информационный взрыв и драма постмодерна// http://www.philosophy.ru/library/epstein/epsht.html.
- Кутырев В. А. Человек XXI века: уходящая натура // Человек, 2001. №1. – С.9-17.

УЧЕНИЕ И. КАНТА О «ГЕНИИ»

Загороднева Юлия Александровна

аспирант, Саратовский Государственный Технический Университет, г. Саратов E-mail: milenakc@yandex.ru

Основной этап в развитии научной эстетики XVIII века представлен Г.В.Ф.Гегелем, И.В.Гёте, И.Кантом, И.Г.Фихте, Ф.В.Шеллингом, И.К.Ф.Шиллером и другими мыслителями, и особенно велика в этот период оказалась роль И.Канта. В творчестве отмеченных философов и писателей, прежде всего, были развиты

некоторые положения немецких просветителей, но и сами И.Кант, И. К. Ф. Шиллер и И. В. Гете, в данном случае, выступали именно как просветите ли.

Так, например, произведение И. Канта «Критика способности суждения» (1790) явилось одним из основополагающих творений в истории мировой эстетики. И. В. Гете, Ф. В. Шеллинг и Г. В. Ф. Гегель, в той или иной степени, опирались на этот труд и развивали содержавшиеся в нём идеи, отвергая либо принимая их, но всегда оценивая их достаточно высоко. Так, например, Ф.В.Шеллинг, опираясь на учение И.Канта, развивает свою концепцию «о гении», основанием которой является то, что гений – это божественное начало в человеке. А И. К. Ф. Шиллер в своем учении пишет, что гений должен стремиться к разрыву с действительностью.

«Критика способности суждения» является единственной крупной работой И. Канта по эстетике. И в этом нетрудно убедиться, проследив духовное развитие философа, ибо оно и привело его к обобщающей идее, которая содержится в отмеченной работе. Общие контуры учения сложились у И. Канта давно, но они долгое время не стройной системы, поскольку единство составляли между теоретическим и практическим разумом представлялось недостаточным. У И.Канта не хватало связующего звена между «Критикой чистого разума» и «Критикой практического разума». И этим звеном целесообразности и красоты между природой и свободой выступает «Критика способности суждения».

В данной работе И. Кант рассматривает рефлектирующую способность суждения, причем, анализируя её, он особо отметил тот факт, что наряду с другими формами существует ещё и способность судить о вещах по правилу, а не в связи с понятийными обстоятельствами. Эту особенную способность он назовет «эстетической».

Философия в целом и эстетическая область исследования И. Канта, характеризуются внутренней противоречивостью, но в его эстетической теории содержатся рациональные моменты. Эти прогрессивные достижения философской мысли получили развитие у И. К. Ф. Шиллер, И. В. Гете, Г. В. Ф. Гегеля.

Свой главный теоретический труд по эстетике «Критика способности суждения» И.Кант создает в «критический период», во время которого он делает попытку рассмотреть специфику эстетических принципов. И. Кант отделяет сферу эстетического не только от нравственности, но и от практики познания, как впрочем, и ото всех других видов деятельности человека общественной

формации. Главной критике он подверг методологические основы рационализма и эмпиризма, присутствующие в научном осмыслении его современников, эстетики как таковой. И основным направлением в критике И. Канта явилось рассмотрение эмпирического и рационалистического изучения эстетических проблем и их анализ.

Примирение эмпиризма и рационализма как тенденция присутствует и в эстетике, и в этике И. Канта. Поскольку, по И. Канту, необходимость и всеобъемлющая суть суждений гарантируются априорными формами, присущими тому или иному субъекту, они и есть цель такого анализа, который позволяет найти соответствующие априорные формы для данной области. В сфере эстетических суждений роль отмеченной априорной формы играет принцип целесообразности. «Целесообразность природы, — пишет И.Кант, есть... особое априорное понятие, которое имеет свое происхождение исключительно в рефлектирующей способности суждения. В самом деле, продуктам природы нельзя приписывать отношение природы в них к целям; этим понятием можно пользоваться только для того, чтобы рефлектировать о них, имея в виду связь явлений в природе, которая дана по эмпирическим законам. Это понятие совершенно отличается также от практической целесообразности (человеческого искусства или же нравственности), хотя оно и мыслится по аналогии с ней» [1, с. 179].

Книга И. Канта «Критика способности суждения» не отличается композиционной стройностью. В ней прослеживаются различные проблемы, ибо многие положения его научного труда слабо аргументируются и, в целом, он достаточно противоречив. Поскольку И. Кант уделяет внимание проблеме художественного творчества в эстетике, он должен был принять во внимание и рациональный характер человеческой деятельности. Целесообразность, в этой связи, является своеобразным аналогом активности самой природы, поэтому Гений действует подчас, как и сама природа. Мысль об этом получит развитие в последующих эстетических построениях романтиков.

Вышеизложенное подразумевает, что эстетическое суждение, по И. Канту, происходит не из рассудка как способности понятий и не из чувственного созерцания или его пестрого многообразия, но лишь из игры воображения.

Осознание возвышенного и его реальное воплощение рождает идею абсолютного, бесконечного, но эта идея не может быть нами адекватно представлена. Абсолютное представляется нам через своеобразную непредставимость, хотя разум способен осмыслить и самое величайшее, что только может иметь место в чувственном мире.

И. Кант говорит о том, что в возвышенном мы представляем себя «маленькими», чувственными существами и «большими» как разумные существа.

Разум — это возвышенное, это нравственная природа человека. И так как человек верит, что непостижимое постижимо в его природе заложено желание выйти за пределы чувственно постижимого.

«Истинную возвышенность, — пишет И. Кант, — надо искать только в душе того, кто высказывает суждение, а не в объекте природы, суждение о котором дает повод для такого расположения у него» [1, с. 263]. Он ставит здесь проблему расширения сферы эстетического.

«...Вряд ли можно мыслить чувство возвышенного в природе, — пишет И.Кант, — не соединяя с ним расположения души, подобного расположению к моральному» [1, с. 278]. Эстетические учения И. Канта получили развития в его этических концепциях.

А так же И. Кант указывает, что прекрасное в природе - это прекрасная вещь, прекрасное в искусстве — прекрасное представление о вещи. Он считает, что для восприятия красоты нужен вкус, например, представить предмет и понять, нравиться он ему или нет. А для представления прекрасного требуется еще и другая способность человека — его гениальность.

В попытке прояснить природу гения И.Кант занимается анализом характерных особенностей искусства, считая главным отличием искусства от природы именно то, что искусство - это результат деятельности человека.

По И.Канту, искусство следует отличать от ремесла, ибо искусство является следствием свободного выбора, а ремесло — это деятельность для заработка, то есть по найму. Искусство, в известном смысле — игра или явление, которое приятно само по себе. Ремесло — «отчасти занятие обременительное или такая работа, которая не доставляет особого удовольствия и заманчива лишь по своему результату (например, заработку). Ремесло, в какой-то степени, является деятельностью по принуждению» [1, с. 319].

По мысли И. Канта творчество сохраняет свою свободу лишь в сфере художественной деятельности, которая отображает реальный исторический факт. А в области эстетического, считает И. Кант, творческий процесс выступает в качестве примиряющего момента между рассудком и чувствами.

Много внимания И.Кант уделил сопоставлению прекрасного в природе и прекрасного в искусстве. И он пришел к выводу, что прекрасное в искусстве не должно казаться умышленным!

Художественное произведение, следовательно, есть продукт творчества гения, а само искусство возможно только через призму гениальности. Гениальность — это суть-власть, формирующая правила или законы, представляющие собой абсолютное творческое начало. Гений, безусловно, оригинален и встречается лишь в искусстве.

В определённой степени И. Кант абсолютизирует специфику деятельности художника, как в трактовке, так и в виде творческого акта. Он делает уступки иррационализму и говорит что «Гений сам не может описать или научно показать, как он создает свое произведение; в качестве природы он дает правило; и поэтому автор произведения, которым он обязан своему гению, сам не знает, каким образом у него осуществляются идеи для этого, и не в его власти произвольно или по плану придумать их и сообщить их другим в таких предписаниях, которые делали бы и других способными создавать подобные же произведения» [1, с. 323-324].

Кант считал творчество непознаваемым процессом, что является слабой стороной его эстетических взглядов, обусловленных присущим ему агностицизмом. Эту сторону его теории впоследствии использовали романтики, придавая ей мистический ореол. Сам И. Кант окончательно не пришел к мысли о том, что творческий акт есть иррациональный или полностью подсознательный процесс. Он непоследователен в избавлении от реакционно-романтического культа гениальной личности и требует от художника развитого вкуса, но также и соблюдения некоторых правил, от которых нельзя считать себя полностью освобождённым.

При характеристике деятельности личности гения, И. Кант подчеркивает, что она отображается не столько в выполнении преднамеченной цели пластического изображения определенного понятия, сколько в раскрытии «эстетических идей». Вводя понятие «эстетической идеи» И Кант разрушает утверждение безвкусицы. В «Аналитике прекрасного» он подчеркивает всеобщность и необходимость суждений вкуса в эстетике, основываясь на том предположении, что существует общее чувство – всеобщее понимание прекрасного.

Анализируя прекрасное, И. Кант утверждает то, что оно нравится неосознанно, нравится почти всем вообще и прекрасно потому, что просто необходимо очень многим. Однако, И. Кант считал, что суждение вкуса выражает не качество предмета, а душевное состояние того, кто созерцает этот предмет. А именно по И.Канту «необходимость» вкуса есть «субъективная необходимость», которая коренится именно в субъекте — в «сознании вообще», не в

логическом, а в эмоциональном аспекте. Таким путем И.Кант стремится преодолеть релятивизм в эстетической сфере, ибо релятивизм, по его мнению, не может дать положительных результатов.

В заключительной части своей работы «Критика способности суждения» И.Кант снова возвращается к проблеме всеобщности эстетических суждений, и эта проблема предстаёт перед нами в виде «антиномии вкуса»: о вкусах не спорят, и о вкусах можно спорить.

Прежде всего, следует отметить, что И. Кант возвёл эстетику в принцип и попытался разобраться в специфике подобного явления Эстетику нельзя рассматривать изолированно, как некую замкнутую область, тем более что это достаточно непростая сфера деятельности человека и немаловажная составляющая такого понятия как культура. Эстетика может быть поставлена на службу разным общественным целям: познанию, нравственному воспитанию, организации досуга, украшению жизни, но эти цели могут быть благополучно осуществлены, если в их основе заложены подлинные эстетические ценности, достойные культурного наследия человечества.

Впервые И. Кант поставил вопросы о специфике эстетических суждений и достаточно глубоко проанализировал философские аспекты общечеловеческого опыта в области эстетического восприятия окружающей действительности. Разумеется, он использовал и собственный жизненный опыт, хорошо разобрался в существе проблемы и работал над доказательством жизнеспособности эстетических суждений, которые должны обладать всеобщностью и необходимостью.

А так же И. Кант ставил вопросы и всесторонне рассматривал своеобразие процессов художественного творчества. Действительно, труд ученого и труд художника имеет свои особенности и способности к непосредственному восприятию, воображению или мышлению человека, неодинаково выступают в субъективном творчестве человека творца. Проблемы эстетики до конца не исследованы до настоящего времени и по-разному себя проявляют в мировой культуре.

Список литературы:

1. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах / И.Кант. Пер. с нем. Гулыга А.С. – М.: Юбил. изд, Т. 5. 1994. 493С.

РАЗЛИЧИЕ МОРАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО В ИНДИВИДУАЛЬНОМ БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА

Исмаилов Анвар Юрьевич

ст. преп. каф. филос. Наук, Челябинская государственная академия культуры и искусств, г. Челябинск

E-mail: <u>auisma@gmail.com</u>

Жизнь любого человека соткана из ожиданий и обязательств, ритуальных и церемониальных действий, надежд и поступков, разрешений, табу, прав и обязанностей, и многих других не менее важных событий, обстоятельств, условий. Различные социальные нормы, регулирующие поведение человека, вступающего в те или иные общественные отношения, занимают важное место в его жизни. Вне зависимости от его рода деятельности, социального положения, социальные нормы оказывает значительное влияние на выбор им поведения в конкретной жизненной ситуации. Нормированность поведения индивида детерминирована моральными, религиозными, правовыми, семейными и иными социальными регуляторами.

Право и мораль — основные социальные регуляторы поведения человека. Наступившее время для нашей страны — время перехода от традиционных ценностей к либеральным — требует переосмысления соотношения правового и нравственного, в связи с усилением (возвышением) роли первого в жизни человека и общества. В своё время П. И. Новгородцев указывал на незаменимое влияние морали на право, говоря об усовершенствовании «.. .права в смысле приближения его к нравственному идеалу»; в то же время правовое вносит в общественные отношения, необходимую твёрдость и устойчивость для сохранения нравственных устоев [4, с. 112]. Право, согласно Владимиру Соловьёву, есть минимум морального долженствования «цель обеспеченное права есть осуществление человека: действительности определённого минимального добра» [5, с. 34]. Непосредственно взаимодействуя между собой, право и мораль имеют черты, сближающие их между собой, но имеют и существенные различия, по которым можно судить об автономности существования.

Итак, в современном обществе существует право, организованное в правовую систему. Кодексы, законы и иные нормативно-правовые акты аккредитованных субъектов права составляют ядро такой системы. Коллизии законов, противоречие нормативных актов основному закону государства, иные негативные

моменты есть сопутствующие условия и элементы существования права. Под положительным правом понимается совокупность правил поведения, установленных государством, и налагающая обязанность выполнения таких правил. Закон является самой значимой частью позитивного права. Имманентными свойствами права является его нормативность, институциональность, и его знаковость (текстуальность) [3, с.541].

Со своей стороны, мораль в научной литературе по этике определяется как форма общественного сознания, отражающая социальную действительность в виде специфических, исторически обусловленных представлений о добре и зле, закреплённых в сознании людей в виде принципов, норм и идеалов, призванных регулировать взаимоотношения людей в целях сохранения стабильности и развития общества. Мораль (лат. могаlis — нравственный; mores — нравы) как институт, выполняет функцию регулирования общественный поведения человека через согласование различных интересов людей общесоциальным подчинения их законам. «всепроникающа», так как она регулирует (в неодинаковой степени) поведение человека во всех сферах его общественной жизни. В производстве, в политике и науке, в семье, в межличностных отношениях базовые идеи о добре и зле, справедливости и несправедливости, совести и долге, свободе и ответственности представляет из себя взгляды и правила, возникающие непосредственное отражение условий общественной индивидуальной жизни человека. Мораль приводит в равновесие взаимоотношения и интересы общества и личности. Наряду с регулятивной функцией, мораль выполняет и ряд других, не менее важных функций. Это, в первую очередь, воспитательная, оценочно-императивная, познавательная, мотивационная коммуникативная функции. В морали можно выделить составляющие её элементы. К ним относятся: идеал, как представление о нравственном совершенстве; система норм, соблюдение которых считается обязательным; социальный контроль, с особыми формами обеспечения (общественное мнение, как пример).

В отличие от нравственных норм, право для человека представляет собой объективированный социальный регулятор, который обеспечивается силой принуждения государства и находит своё выражение в различных законах и других нормативно-правовых актах. Способ установления и закрепления норм социального поведения человека также достаточно сильно рознит право и мораль. Угроза санкции, само их применение, превентивные меры,

применяемые в правовой реальности, накладывают на человека обязательства не только по формальному исполнению нормативноправовых установок, но и по их изучению (так как незнание закона не освобождает от ответственности). Таким образом, перед индивидом ставится задача по получению некоего юридического образовательного минимума.

По форме выражения законы и иные нормативно-правовые акты предстают перед человеком в достаточно логически выстроенном виде, давая прямые запретительные, разрешительные, поощрительные и иные указания, как поступить в той или иной ситуации. Этого нельзя сказать о морали. Человеческое существование ежедневно, а порой ежечасно, «нагружено» ситуациями, возникающими из ниоткуда и требующими, тем не менее, своего разрешения. Становясь один на один с жизнью, индивид вынужден приобретать опытным путём многочисленные, непоправимые (совершая иногда необходимые знания и навыки нравственного поведения. Такие знания передаются следующим поколениям, теряют свою индивидуальность, в какой то мере теряют свою актуальность, иногда забываются, но «выстраданные» не одним человеком, становятся общими знаниями многих.

Из чего выбирает человек, осуществляя моральный или правопослушный выбор (поступок). Правовой закон для человека есть всегда внешний — он не оспаривается, он не убеждает, а даёт утвердительно-регламентирующий способ существования окружающем мире. Право определяет для личности поведения через понятие правомерности. Но это, как раз, есть только внешняя (безусловно, важная) сторона поведения, важная не только и нисколько для самого индивида, сколько для общества и его (обществу) ожиданию. Поэтому правопослушный выбор человеком будет осуществляться рационально. Нравственность зарождается в глубинах сознания личности. Внутренний мир каждого человека суть мысли и чувств. Сложное переплетение чувственно-эмоционального и рационального в человеке порождает разум. Именно на таком уровне «работает» творчество, в подлинном смысле этого слова. Именно на таком уровне рождается и живёт мудрость в человеке. Именно на таком уровне функционируют свобода и ответственность в подлинном своём значении. И в этом смысле моральное в человеке есть чувствующее мышление, которое с позиции добра и зла будет оценивать ту или иную ситуацию, определяя конечный выбор человека.

и одновременно ограниченностью Точностью предписаний право, налагая обязательства на отдельных субъектов правоотношений, вместе с этим налагает и ограничения на свои притязания. Моральное в этом плане не определяет для человека ни формы, ни пределы выполнения нравственного веления. То есть, с предписаний стороны ограниченность правовых неограниченность нравственных, создаёт в человеке всегда известное напряжение в виде той самой известной дилеммы: как поступать? По совести, или по закону. Мораль в отличие от права, всегда требует не простого внешнего исполнения известной нормы, но и вменяет человеку более важное: обязанность «правильных», добрых чувств, мыслей, намерений, тем самым оставаясь для человека внутренним мерилом его подлинной свободы. Право учитывает этот субъективный фактор не всегда, чаще всего, при вынесении определения степени виновности лица, то есть в случае учёта так называемой субъективной стороны правонарушения.

Мораль как форма общественного сознания и мораль как нормативный социальный регулятор для человека совпадают в своём бытии, в отличие от ситуации существования правового сознания и непосредственно самого права. В последнем случае можно говорить о достаточно чёткой демаркации между сознанием, сознающим право и объективированной формой самого права, выражающего себя через кодификацию нормативного поведения (кодексы, законы и иные нормативно-правовые акты). Мораль в этом смысле, не нуждается ни в каком официальном выражении, и тем более, в утверждении себя через обязательность исполнения.

Закон смотрит в прошлое, в то время как нравственность всегда ориентирована на настоящее и устремлена в будущее. Этот вечный временной конфликт связан с тем, что закон всегда преходящ по сравнению с моральными ценностями. Следует отметить и трагическое прямое столкновение между нормами права и морали. За четыреста лет до рождения Иисуса Христа, который был осуждён на распятие, великий философ Сократ подвергся осуждению по закону. Тот Понтий Пилат, который всё сделал по закону (умыл руки — закончил, сделал всё), на самом деле сидит в каждом, но сам закон указывает на внешнее проявление «нехорошести», он запрещает такую «нехорошесть», но он бессилен бороться против самой сути «нехорошести». Закон борется с этими явлениями посредством суждения и осуждения, но он не может ни жалеть, ни прощать [2]. Как говорят, закон суров, но это закон. В этом плане, истинное (правственное) покаяние не есть сфера действия закона. В

юриспруденции существует только понятие «деятельного раскаяния», под которым понимается сообщение провинившимся фактов неизвестных по делу (сотрудничество со следствием, т. е. осуществление определённого практического действия). Стремящийся к профессионализму в любой сфере практической деятельности, человек неизбежно сталкивается с регулирующей силой юридического закона. Закон требует строжайшего и точного исполнения своих предписаний (своей буквы). Нормативно-правовой акт есть норма внешнего поведения, не есть творчество, а потому не может обладать той созидательной силой нравственности, которая существует для радикального преодоления зла, действует не внешним пресечением, не обратным злом, а положительным созиданием добра.

Норма права всегда есть просто общее правило (в идеале одинаковое для всех, так как проповедует равенство всех перед законом), и тем самым она всегда абстрагируется от конкретного человека, но её «универсальность» оборачивается её большим минусом — она всегда консервативна и не может создать ни полноту самой жизни, ни охватить её (закон не созидает жизнь, в то время как сама жизнь созидает закон). В этом же плане указание на то, какая норма должна быть отменена или установлена, нельзя будет «вычитать» ни в одной её норме.

Закон, как он существует сегодня, образуя в своей совокупности положительное право, требует своего соблюдения, а вызывает нарушение. Как обещание открывает просторы политики, так и право обещает оправдание, но вызывает к жизни осуждение. Однако ни действие, нарушающее закон, ни его послушное исполнение, не вытекает из существа самого закона. Другими словами, закон достаточно жёстко мотивирует человека, но ни коим образом, не детерминирует всякое поведение. Согласно Б. П. Вышеславцеву, его (закон) можно мыслить, но нельзя вообразить, его можно уважать, но любить невозможно. Истинно ценное нельзя выдумать или сделать, его можно только «открыть». Область нравственного находится в такой сфере «откровения», в которой нечто дано, а не создано. Закон же обладает слабой способностью внушать, так как не связан с глубинными основаниями сознания, и ему никогда не подняться до уровня воображения. Вместе с тем, пытаясь объять всю гамму человеческих отношений (право растёт и вширь), закон обречён на поражение, ибо очевидное — это не только рациональное и познаваемое [2].

В заключении можно отметить, что два (параллельных) пути развития общества (через правовую и моральную регуляцию)

оказывают непосредственное влияние на развитие личности. Как формы духовного и практического освоения мира человека авторитет (официальной) авторитет власти власти И неофициальной (нравственность) образуют на определённом историческом этапе социальной общности синкретическое единство. Мораль и право равно являются такими сферами социальной жизни, в которых человек встречается с обеспечивается регулятивностью. Такая регулятивность разными средствами реализации, связана c разнокачественностью степени ответственности человека. Утверждение общечеловеческих ценностей происходит за счёт внутреннего единства морального и правового в индивидуальном бытии человека. Тесно переплетаясь, входя иногда в противоречие с друг другом, тем не менее, нравственное сознание убеждает, а правовое сознание принуждает человека ориентироваться в выборе своего поведения на добро и справедливость, равенство и долг, свободу и совесть, тем самым, выполняя общую цель поддержания внутренней целостности самой личности и стабилизации отношений в обществе.

Список литературы:

- 1. Валицкий, А. Нравственность и право в теориях русских либералов кон. 19 нач. 20 вв. [Текст] / А. Валицкий // Вопросы философии, 1991. № 8. С. 30—38.
- 2. Вышеславцев, Б. П. Этика преображенного Эроса [Текст] / Б. П. Вышеславцев М.: Изд-во Республика, 1994. 368 с.
- 3. Ершов, Ю. Г. Право [Текст] / Ю. Г. Ершов // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. С. 539–544.
- 4. Новгородцев, П.И. Право и нравственность [Текст] / П. И. Новгородцев // Правоведение. 1995. N_2 6. С. 103—113.
- 5. Соловьёв, Вл. Право и нравственность [Текст] / Вл. Соловьёв. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. – 192 с.
- Федоренко, Д. В. Общее и особенное во взаимодействии норм права и нравственности в условиях гражданского общества и правового государства [Текст] / Д. В. Федоренко // Государство и право. – 2006. – № 4. – С. 44–47.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Калантарян Ирина Григорьевна

аспирант кафедры философии, Ульяновский государственный университет, г. Уфа E-mail: <u>kalantar88@mail.ru</u>

Тема «русской идеи» является одной из центральных в русской философии на протяжении всего периода ее развития, и, несомненно, остается актуальной и на современном этапе. Проблематика национальной идеи напрямую связана с выбором и реализацией нацией своего пути развития и является комплексом представлений той или иной нации о себе самой, на основе которого происходит обоснование предназначения и смысла существования нации.

В истории развития русской национальной идеи условно можно выделить 5 этапов.

Первый условно может быть назван интуитивным, поскольку в этот период русская идея выступала не в качестве заданной формулы, а как некий набор образов, суждений о предназначении, высшем смысле существования русской нации. Сначала в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Иллариона (середина XI века), а затем в учении Филофея Псковкого «Москва третий Рим» (XV в.) формируется мысль о богоизбранности русской земли, начинают возникать представления о церковной исторической миссии, ниспосылаемой «земле» через Божественное благословение. В последствие, эти идеи более последовательно были выражены в написанном по указанию Ивана Грозного «Лицевом летописном своде», в рамках которого доказывалась идея о провиденциализме мировой истории, о России как наследнице великих монархий и оплоте православия, центром которого стала Москва. Конечно, в этих интуитивных озарениях еще нет завершенной историософской конструкции; явно различима только исходная мировоззренческая установка [1, с. 23].

Второй период приходится эпоху петровских на преобразований, ознаменовавшихся утратой влияния мировоззрения господствующего религиозного падением традиционной культуры. Он так же условно может быть назван периодом исторической рефлексии, поскольку ученые мужи именно в это время обратились к осмыслению прошлого России с целью обоснования ее великого будущего. Особо острой была полемика по поводу норманской теории происхождения русского государства, вызвавшей резкий протест со стороны «русской партии», возглавляемой В.Н. Татищевым, эстафету которого принял М.В. Ломоносов, сумевший доказать, что Рюриковичи были представителями древнейших славянских племен роксоланов. Отсюда тезис о добровольном призвании варягов терял свой дискриминационный характер.

Третий период, собственно философский, относится к XX веку. После Отечественной войны 1812 г. и включении России в обойму великих европейских держав, последовала необходимость в самоопределении России в ее отношении к Западу. Стремление вобрать в собственную культуру достижения западной мысли постепенно приводили к трансформации русского духа, возникновению огромной пропасти между интеллигенцией и простым народом, при этом жалость к собственному отечеству вследствие его «неразвитости» по сравнению с Западом, приводила практически к отказу от собственной культуры и так ненавистному Н.Я. Данилевскому «еврапейничанию».

Наиболее ярко поиски национальной идеи предстали в работах славянофилов, которые рассматривали Россию и русскую нацию с позиций мессианизма, избранности и православия и западников, видевших развитие России только в рамках общеевропейского, и считавших, что единственным и неизбежным путем для нее является интеграция в Европу и развитие по западной модели мироустройства. Именно славянофилам (А.С. Хомякову, И.В. Киреевскому и др.) принадлежит честь называться основоположниками учения о русской национальной идее, которая на тот момент явилась реакцией на агрессивный европоцентризм. Дальнейшим обоснованием дихотомии "Восток-Запад" занялись Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев, выступившие с резкой критикой европоцентризма и обосновавшие необходимость создания самобытной славянской цивилизации, Россия в их концепции выступила в качестве духовного антагониста погрязшего в прагматизме Запада. Запад, по их мнению, давно исчерпал себя и духовным лидером всего человечества должна стать Россия, не актуализировавшая свой потенциал и сохранившая творческую энергию. Однако систематизированное философское обоснование русская идея получила в концепции В.С. Соловьева, который понимал ее как отказ от национального эгоизма и исполнение Россией «нравственного долга» построения Царства Божьего на Земле.

Четвертый период относиться к первой половине XX века. В это время русская идея явилась реакцией на произошедшие в стране

изменения, последовавшие за утверждением большевистской политической программы. Русская интеллигенция, оказавшаяся за рубежом, была обеспокоена тенденциями насаждения в России новой культуры и уничтожением старой, лежащей в основе самобытности русского народа, и призывала русских бороться за свою уникальность и сохранять собственную культуру, при этом подчас становясь на позицию национализма.

В качестве основных черт русской идеи первой половины XX века можно выделить:

- 1. Отказ от мессианской роли России по отношению к европейским и иным народам. Причем, если Н.А. Бердяев все еще настаивает на мистическом призвании России, состоящем в религиозном путеводительстве, то Г.П. Федотов утверждает, что «в христианском мире не может быть народов-мессий, спасающих человечество» [3, с. 303].
- 2. Утверждение о кризисе бездуховности, преодолеть который можно только посредством возрождения Русской Православной Церкви.
- Утверждение о кризисе национального самосознания и необходимости создания новой национально ориентированной интеллигенции, как опоры возрождающейся России. В частности, в концепции И.А. Ильина утверждается необходимость создания Русского Национального государства, в котором вся власть будет Таким образом, русская идея принадлежать только русским. принимает националистический окрас, при философ ЭТОМ подчеркивает, что национализм не может помешать единству России, поскольку он не предполагает ущемления в правах других народов, пренебрежительного к ним отношения, а проявляется лишь в любви к собственной нации.
- 4. Обеспокоенность мировыми тенденциями унификации культур, порождающая требование сохранения национальной самобытности.

Пятый период приходится на вторую половину XX века, при этом русская идея стала актуальной только в период Перестройки, когда СССР был близок к развалу, а представители русского населения в республиках подверглись гонениям вплоть до погромов. В это время в России резко усилились националистические настроения, которые в большей или меньшей форме прослеживаются в концепциях И.Р. Шафаревича и А.Н. Севастьянова.

В основе русской идеи этого периода лежит:

- 1. Негативная настроенность по отношению к Западу. Причем И.Р. Шафаревич полагает, что Западная цивилизация в гибельном положении и после ее падения в качестве мирового лидера может выступить Россия как самая самодостаточная и сильная держава. А А.Н. Севастьянов настаивает на разрыве дипломатических отношений с сионистским Западом.
- 2. Призыв к сохранению культурной самобытности русского народа.
- 3. Уверенность в необходимости создания русского патриотического движения и обеспокоенность демографической ситуацией в стране.
- 4. Отбрасывается идея мессианизма русского народа, главной задачей России, по мнению и И.Р. Шафаревича, и А.Н. Севастьянова является самосохранение, о великих миссиях думать пока рано. Однако в концепции А.С. Панарина вновь возникает идея мессианизма России и ее бесконечного духовного потенциала. Именно Россия может спасти современный мир от социал-дарвинизма и следующего за ним геноцида слабых. Только Россия способна взять под защиту слабое и беззащитное большинство, протянуть руку обиженным мира сего и восстановить православное милосердие на всем земном шаре.

Таким образом, русская идея постепенно совершила путь от основной опоры в борьбе за преобразования в стране до политической идеи в идеологии патриотических сил. Что касается отличий русской идеи XIX в. от русской идеи XX в., то они заключаются, во-первых, в том, что, если мыслители XIX в. в Западной цивилизации видели либо идеал, к которому необходимо стремится России, либо опасного врага, распространяющего болезни унификации и демократизации, способные уничтожить самобытность России, то мыслители XX в. также обеспокоенные процессами нарастающей глобализации, в большинстве своем призывают отгородиться от разлагающегося Запада и прекратить с ним всяческие контакты. Во-вторых, и в XIX в., и в XX в. философы видели опасность потери культурной самобытности русского народа и призывали своих соотечественников не отрекаться от собственной культуры и бороться за свою уникальность. В-третьих, если в XIX в. присутствовала идея избранности русского народа, то в XX в. мыслители, обеспокоенные сложным положением, в котором оказалась Россия после революции, в большинстве своем отказывались признавать русский народ как народмессию. В-четвертых, если в XIX в. национализм рассматривался в качестве разрушающего единство России фактора, то в XX в., начиная с Г.П. Федотова, национализм рассматривается уже как единственная идеология, способная сохранить единство России и русский народ.

Очевидно, что русская идея актуальна и для XXI века. В современном российском обществе достаточно остро стоит проблема сохранения культурной самобытности, появляется повышенное внимание к этнической идентификации, возникает попытка выработки интегрирующего национального идеала в относительно новых социальных условиях, который в первую очередь, формируется государством через средства массовой информации.

этом следует отметить, При что русская идея ИЗ узконациональной, условиях современной российской действительности, должна трансформироваться в общероссийскую. И ключевым моментом российской национальной идеологии должен интернационализм, который явиться выступит объединяющим началом по отношению к национальным идеологиям различных народов России и согласует их национальные интересы и цели развития.

Список литературы:

- 1. Боханов А.Н. Русская идея. От Владимира Святого и до наших дней / Н.А. Боханов. М.: Вече, 2005. 395 с. ISBN 5-9533-0859-0.
- 2. Киселев А.Ф. Страна грез Георгия Федотова (размышления о России и революции) / А.Ф. Киселев. М.: Логос, 2004. 324 с. ISBN 5-94010-335-9.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК НОВАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Касумова Гюльнар Камран кызы

к.ф.н., доцент, Бакинский государственный университет, г. Баку E-mail: <u>ergo1@rambler.ru</u>

В процессе развития каждой науки наступает такой период, когда предыдущие методы и категориальный аппарат устаревают, и тогда формулируются новые понятия и категории, новые проблемы, отражающие современные процессы в обществе. Сейчас именно такое время для социальной философии. Современный глобализирующийся мир нуждается в теоретическом обобщении новых социокультурных

реалий, которые необходимо осознать и исследовать в новых понятиях. Действительно, возникает ситуация, в которой «то, что здравому смыслу эпохи представляется само собой разумеющимся, философия проблематизирует и анализирует» [5, с.6]. Такой анализ, проводимый учеными-философами, помогает лучше понять происходящие процессы и, по возможности, направить их в сторону оптимального для человечества развития. Можно с уверенностью констатировать, что современная эпоха отличается по многим параметрам. И прежде всего тем, что одной из основных ее характеристик является глобализация — современная цивилизация переживает коренной перелом в своей истории, новое «осевое время».

В середине XX века выдающийся немецкий философ К.Ясперс сформулировал ряд понятий и выдвинул определенные идеи, к которым и сегодня обращаются исследователи глобалистики. В частности, он впервые употребил термин «глобальный» в своей работе в 1948 году. Причем, содержательный аспект термина идентичен с тем значением, в котором он используется и сегодня. Идеи К.Ясперса ясно отражены в следующих его словах: «Мир замкнулся. Земной шар стал единым. Обнаруживаются новые опасности и возможности. Все существенные проблемы стали мировыми проблемами, ситуация ситуацией всего человечества. ... Создав возможность, немыслимой прежде скорости сообщения, техника привела к глобальному единению. Началась история единого человечества; единой стала его судьба» [6, с.141]. Приведенная цитата свидетельствует о гениальной способности прогнозирования немецким ученым перспектив развития человечества, о его научно обоснованной оценке динамики глобализиционных процессов. Это позволяет считать К.Ясперса одним из первых теоретиков глобализации.

Глобализация имеет глубокие исторические корни. Однако, на ранних этапах человеческого развития глобализационные процессы протекали вяло, незаметно и особенно не осознавались. Только во второй половине XX века глобализационные процессы проявились в явной форме, и динамика развития глобализации стала резко возрастать, что привело к появлению глобальных проблем. Конец XX — начало XXI вв. — период чрезвычайной активизации глобализационных преобразований, что требует теоретического обобщения этих процессов.

Несмотря на свою многовековую историю, в наши дни глобализация приобретает многообразные формы, главное — новое качество, отличающее ее нынешний этап развития от предыдущих, а

современный социокультурный контекст сообщает ей дополнительный импульс для активизации.

Появление понятия «глобализация» как отражение особого явления современного социокультурного процесса, обусловлено наступлением определенного эпохального перелома, зарождения нового качества в развитии человеческой цивилизации. Рассматривая глобализацию как главную тенденцию развития современного мира, Э.Г.Кочетов отмечает, что «интернационализация вступила в завершающую фазу, мир становится единым не только с философской точки зрения, но и в реальности» [4, с.315]. Выделяя сущностные характеристики глобализации, можно назвать следующие: уплотнение пространства и времени, динамика, трансграничные взаимодействия разных уровней, интенсификация контактов в области экономики, политики, культуры и другие. Все эти характерные формирования глобализации являются основой для взаимозависимостей и всепроникающих связей, которые, с одной стороны, создают условия для дифференциации посредством глубинных трансформаций в различных областях человеческой деятельности, с другой - способствуют единству мирового сообщества.

Исследователи по-разному рассматривают и определяют глобализацию – и как явление, и как процесс, и как тенденцию. Мы считаем, что глобализацию следует определять одновременно и как явление, и как процесс, и как тенденцию. Нельзя не отметить, что отдельные ученые рассматривают глобализацию и как концепцию. В частности, на VII Международной философской конференции в Москве в 2004 году, российским исследователем А.С.Колесниковым было высказано следующее мнение: «Понятие глобализации представляет собой философско-культурологическую интегративную концепцию, отражающую тенденции развития мировой истории и культуры на современном этапе» [1, с.11]. Сложность многозначность рассматриваемого понятия, его разнообразные формы и еще более многообразные последствия практически во всех сферах жизнедеятельности человека позволяют утверждать, что только многоаспектное рассмотрение глобализации соответствует объективным реалиям формирующегося мирового социума и способствует всестороннему исследованию этого феномена. И, хотя глобализация практически меняет уклад жизни современного человека, облик современной цивилизации в целом, она все же не может разрешить одно из противоречий современности. противоречие, которое можно назвать и отличительным свойством современного мира, довольно точно охарактеризовал М.Кастельс как «экстраординарный разрыв между нашей технологической переразвитостью и нашей социальной недоразвитостью [3, с.513].

глобализационных процессах, охвативших глобализации – тенденция сообщество, проявляется суть преодолению границ между народами и государствами, между отдельными индивидами, тенденция к единству всего человечества. Все тенденции развития глобализации непосредственно связаны с проблемами культуры и цивилизации и подразумевают качественные изменения, ставя большое количество вопросов перед исследователями, которые пока еще не на все эти вопросы находят исчерпывающие ответы.

Глобализация имеет множество форм и проявлений, она находится в развитии. Это — становящаяся реальность. Это — реальность, которая еще не сформировалась окончательно. И, хотя глобализация еще не завершилась, она уже стала фактом, влияющим на процессы и явления мировой истории, фактором, уже изменившим мир и продолжающим менять мир и человека, живущего в этом мире. Несмотря на то, что глобализация стала источником множества новых и сложных проблем для мирового сообщества, это объективно обусловленный этап исторического развития человечества.

Характеризуя глобализацию, обязательно следует подчеркнуть, что глобализация — сложный, а главное — противоречивый процесс. Исследователи глобализации считают, что «глобализация явно или неявно включает философскую компоненту, так как затрагивает вопрос о сути человека, его ценностном мире и будущем. Впервые поисков эпохи Возрождения и принятия проекта Просвещения сам человек, его базовые черты стали проблемой (выделено мною - Г.К.)» [2, с.56].

Глобализация обусловлена совокупностью объективных и субъективных факторов. В исследованиях и оценках глобализации в целом и вызываемых этим процессом следствий необходимо видеть, разделять учитывать реальное взаимодействие взаимообусловленных между собой сторон. Теоретикометодологическое разделение объективной и субъективной сторон глобализации необходимо в интересах и целях научного предвидения направленности развития совокупного процесса возможной глобализации, а также влияния его на культуру. Кроме того, выделение этих сторон, как нам кажется, может способствовать проблем управления процессами решению глобализации формированию механизмов управления этими процессами

современном социокультурном пространстве. Это – немаловажный фактор.

Глобализацию воспринимают в нескольких смыслах. Чаще – как американизацию. или как Речь универсализации в одном случае западной, а в другом случае американской системы ценностей и принципов. Многие исследователи К.Х.Делокаров) глобализации (например, не считают ЭТУ терминологию безупречной. Тем не менее, она получила широкое распространение в научной литературе. считаем, Мы глобализация, понятая как вестернизация или американизация, отражает происходящих глобальных трансформаций суть современности лишь отчасти. Вестернизация или американизации довольно распространены в современных условиях, но они могут быть формами глобализации отражают конкретными и не многообразия общепланетарных трансформаций. Это – формы глобализации «по вертикали», т.е. формы и методы навязывания определенных неолиберальных ценностей сильных государств другим народам. Это – субъективная реализация процесса глобализации, что является лишь одной, субъективной стороной целостного процесса. Использование понятий «вестернизация» и «американизация» создают почву для укрепления европоцентристских взглядов на глобализацию. Возможно, отсюда и активизация движения антиглобалистов и альтерглобалистов.

Обратимся еще к одному смыслу глобализации, который на сегодняшний день принимается большинством исследователей глобализационных процессов и общественностью и не столь дискутируется как два предыдущих. В этом смысле глобализация предстает как стремление человеческого сообщества объединиться в решении глобальных проблем. Только объединившись, человечество может выжить, утверждают представители этого подхода. Но для этого необходимо сформировать новую общечеловеческую систему ценностей, воспринимаемую всеми людьми планеты и учитывающую императивы современной культурно-цивилизационной системы. Такое понимание глобализации как сложного социокультурного процесса требует особых подходов, так как изучение отдельных сторон глобализации в границах конкретных научных дисциплин без учета спектра социокультурных трансформаций упрощению и односторонним трактовкам одного из самых сложных явлений, истоки которого нетрудно обнаружить в предыдущие эпохи, но влияние которого на современную культурно-цивилизационную систему значительно усилилось.

На фоне активно разворачивающихся глобализационных процессов мы становимся свидетелями существенных трансформаций в культуре, поиска нового типа цивилизационного развития, возникновения новых мировоззренческих проблем. В начале XXI века в связи с нарастающим влиянием глобализации на все сферы общества, в том числе на культуру, возникла проблема поиска новой стратегии жизнедеятельности человечества на планете. Поэтому возросла потребность в анализе глобализации как социокультурного процесса, и рефлексия по этому поводу со стороны социальной философии необходима. Социокультурный аспект глобализации основополагающий современном на этапе, так как процесс дальнейшего развития глобализационных процессов непосредственно связан с ценностно-смысловыми основаниями, формирующимися в процессе глобализации.

Таким образом, в результате определенных трансформаций сформировалась новая, отличная от предыдущего этапа исторического развития, реальность, в которой оказалось человечество в начале XXI века. Эта реальность обладает новыми качествами и закономерностями. Можно с уверенностью утверждать, что эта вновь формирующаяся социокультурная реальность определяется динамикой и определенным вектором развития глобализационных процессов в самых различных областях человеческой деятельности.

Список литературы:

- 1. Глобализация и мультикультурализм: доклады и выступления / VII Международная философская конференция. М.: Изд-во РУДН, 2004. 312 с.
- 2. Делокаров К.Х., Демидов Ф.Д. Глобализация и проблема нелинейности цивилизационного развития / Глобализация и перспективы современной цивилизации. М.: КМК, 2005, с. 54-82.
- 3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. / Под ред. О.И.Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 606 с.
- 4. Кочетов Э.Г. Геоэкономика. М.: БЕК, 1999. 462 c.
- 5. Степин В.С. Конструктивные и прогностические функции философии // Вопросы философии. 2009, №1, с.5-10.
- 6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Латыпова Зухра Ильгизовна

аспирант, Башкирский Государственный Университет, г.Уфа E-mail: Zuhra_l@mail.ru

Потребление сегодня меняет образ жизни человека, который все больше и больше идентифицирует себя в соответствии со стратегиями не производства, а потребления. Иными словами, полагается, что основные крайности феномена потребительства, ставшие объектом порицания в современной социальной критике, с наступление постиндустриальной стадии почти полностью нейтрализуются, более того, изменяют свой аксиологический знак.

Но, помимо того, что потребление охватывает всю жизнь человека, оно выступает и в качестве тотальной организации повседневности. Общество потребления является в одно и то же время обществом производства благ и обществом ускоренного производства отношений [1, с. 24]. Значит, важнейшим признаком общества потребления является то, что современные потребительские процессы обеспечивают порядок знаков и интеграцию группы, то есть выступают системой идеологических ценностей и коммуникативной системой, а также структурой отношений.

Поэтому, в обществе потребления никогда не потребляется объект сам по себе, но всегда манипулируют объектами как знаками, которые отличают человека или присоединяют его к определенной группе [2, с. 87]. Исходя из этого, постоянная смена маркетинговых стратегий и технологий, постоянное усовершенствование продукции составляет важный признак этого общества, обусловливающий изменение характера адаптивных стратегий человека, идентифицирующего и позиционирующего себя в этих социальных условиях.

Таким образом, специфика современного потребления, сопряженная с многочисленными психологическими реакциями субъекта и выступает как гибкая форма стимуляции потребления, одновременно являющаяся важным механизмом социального контроля этого общества. В экономическом плане эта форма стимуляции выражается в массовом распространении практики предоставления товаров или услуг в долг.

Поэтому система этого общества построена скорее не на принуждении, а на различных коммуникативных формах стимуляции –

побуждению к потреблению. Решающее значение здесь приобретает не индивидуалистическая логика удовлетворения, а логика социальной дифференциации, благодаря которой в процессе потребления субъект демонстрирует свои возможности, претендуя тем самым на определенный социальный статус.

Система, предполагающая постоянный рост потребностей, предполагает также и постоянное их превышение по отношению к предложению благ: тем самым создаются «резервы» для повышения потребностей.

Следовательно, важным признаком общества потребления является ориентация на прогресс, экономический рост. В современном обществе социальные субъекты во многом надеются на оживление, обусловленное ростом потребления, как на средство решения не только экономических, но и многих социальных проблем. Именно поэтому «потребительский» стиль жизни ассоциируется с устремлением индивида к самовыражению, при этом в качестве важнейшего и наиболее продуктивного средства выступает обретенное и осуществляемое в своеобразной индивидуальной форме жизни потребление.

В таком обществе ценности формируются на основе потребления, акта индивидуального, а не коллективного. Очевидно, что такая ценностная основа жизнедеятельности человека разрушает его социальность, нивелирует представления о долге, крайне ограничивает степень и порядки его включенности в различные процессы консолидированной деятельности, ибо в социальном арсенале такого субъекта практически нет средств, необходимых для согласования его преференций с другими людьми. Кроме того, формы ценностной идентификации такого социального агента, порой предстают в шокирующих абрисах, обрекая его на одиночество в стремлении к наслаждению.

Одной из таких форм является нарциссизм. Вместе с тем, как отмечал Ж. Бодрийар, в контексте процессов потребления нарциссизм не является наслаждением единичностью, он представляет собой преломление коллективных черт [3, с. 127]. Иными словами, нарциссизм, ценность самого себя, возведенная в абсолют, чрезмерное любование собой и своими покупками, как раз и выступает одной из тех ценностных основ, которая обеспечивает эффективность стратегий функционализации потребителя, о которой было сказано выше. Человек с нарциссическими ценностями в обществе потребления просто обречен на постоянное потребление, что, собственно, и требуют от него стратегии функционализации.

Указанные качества потребляющего субъекта и соответствующие им ценности бытийствуют лишь в форме симулякров – демонстрируют процесс, но не результат; создают мнимый образ бесконфликтных отношений, без каких-либо перспектив их развития.

Неслучайно, в этой связи, структуры общества потребления пытаются найти себе оправдание не в труде или собственности, но в статусной символике обладания материальными богатствами и культуре наслаждений. Повышение жизненного уровня и ослабление моральных норм превратились в самоцель как выражение свобод личности. Поэтому гедонизм и нарциссическая концентрированность на собственном «Я» выступают более значимой ценностью, чем любые формы ценностей общесоциального плана [4, с. 199].

В силу этого на уровне индивидуального и массового сознания формируются устойчивые стереотипы рефлексивного потребления. Его направленность во многом обусловлена уровнем благосостояния человека. Таким образом, характер этого процесса презентует социально-статусные возможности субъекта, но, порой, отнюдь не реальные, а мнимые — имитирующие потенциал его социальности через призму вещественных атрибутов, без которых он растворяется в серой массе, наполняющей обыденность.

В этом посыле отражена основная функция современного прагматизма, описывающая механизм процесса присвоения — объективации субъектной цели и, одновременно, отчуждения — нивелировки «универсальных» ценностей — теряющих инструментальный смысл в структурах становящегося общества потребления. В этих условиях ценностная система современного человека ориентирована, прежде всего, на реализацию процесса личного потребления, в результате чего и образуется дисбаланс между представлениями людей об индивидуальных и общественных благах, что во многом и обусловливает характер взаимодействия социальности человека и общества.

Опасность индивидуализации проявляется и в том, что развитие этой тенденции устраняет действенность любых форм долженствования, за исключением, пожалуй, долженствования перед самим собой. В такой ситуации обретение общности, сплоченности крайне проблематично. В этих условиях взаимодействия и отношения людей, воспроизводство жизненных средств, физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайностный, вероятностный характер.

В силу этого, среди потребителей невозможна общность, ибо она всегда строится на базе консолидирующих ценностей и соответствующих им регулятивных норм. Отсутствие таковых не дает возможности согласования разнонаправленных интересов субъектов и создания каких-либо паритетных, ассоциированных форм взаимодействий.

Таким образом, средствами актуализации прагматических ценностей осуществляется контроль над развитием процессов потребления, формируя тем самым механизм закрепления власти самого потребления. Именно поэтому, современные субъекты бизнесдеятельности вновь пытаются реабилитировать канонический принцип буржуазного производства — принцип «мини- макса» - получение максимальной прибыли при минимальных собственных затратах. Этот принцип сегодня реализуется через интенсификацию процессов потребления, стимулирование покупательского спроса не столько технологическими, сколько коммуникационными средствами, через симуляцию функций и ценностей товара, создавая не столько рынки вещей, сколько аукционы социальных симулякров.

Поэтому, консюмеризм как ценностно-целевая система и, одновременно, форма социального позиционирования субъекта, и оказывается сегодня, чуть ли не единственной «оптимальной» моделью его функционирования, ибо предлагает существенные основания и возможности для организации социальной среды человека, указывая, одновременно, направление развития его социальности.

Ход таких рассуждений закономерно приводит к выводу о том, что общество потребления, в целях сохранения своей устойчивости, вынужденно постоянно воспроизводить предпосылки своего функционирования. Последние, как раз и должны быть представлены спектром глубоко прогматизированных ценностных установок людей, не имеющих выраженной системной иерархии, а наоборот, дрейфующих в потоках потребления и, потому подверженных различным формам манипуляции, генерирующей новые и новые соблазны, подрывающие традиционные формы автономии личности, заменяя их гетерономией.

Список литературы:

- 1. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. СПб.: Владимир Даль, 2001.- 336 с.
- 2. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество / Д. Гэлбрейт. -

- М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига»; СПб.:Terra Fantastica. 2004.-602 с.
- 3. Бодрийар Ж. Общество потребления. Его мифы и структура./ Ж. Бодрийар.- М.: Культурная революция; Республика, 2006.-269 с.
- 4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2000.-383 с.
- 5. Бауман 3. Глобализация. Последствия для человека и общества / 3. Бауман.- М.: Издательство «Весь мир», 2004-188 с.

ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЛОСОФИИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Лобанова Нина Исааковна

к.ф.н., ст. преп., Красноярский государственный педагогический университе им. В.П. Астафьева, г. Красноярск E-mail: nanakrasnoyarsk@yandex.ru

Проблема преподавания философии - одна из наиболее болезненных и животрепещущих в наше время, она имеет свои особенности по сравнению с проблемами преподавания других гуманитарных наук. Лучше всего это проиллюстрирует конкретный случай из преподавательской жизни: как-то после окончания семестрового курса занятий по философии, студенты поведали, что, заканчивая первый курс, они решили узнать, какие новые предметы их ждут на втором курсе: помимо экономики, информатики, КСЕ (концепции современного естествознания), помимо специальных филологических дисциплин им предстояло изучать и философию. Для них самих стало удивительным то, что ни один из неспециальных предметов не вызвал в них столько неприязни и отторжения, сколько философия, главный вопрос которой, по их мнению: что было раньше: яйцо или курица?

Такое настороженно-презрительно-брезгливое отношение к философии в нашем обществе не случайно. Еще Н.А. Бердяев в своей работе «Смысл творчества» подмечал, что «в философии есть что-то праздничное» [1, с. 269], что раздражает обывателей, как делового человека раздражал Маленький Принц. Но эта праздничность философии не имеет ничего общего с порханием стрекозы из известной басни И.А. Крылова. Философия - это праздничность чуда, которого не должно быть, а есть, которое живет вопреки всем законам

природы, как Данко с вырванным из своей груди и высоко поднятым сердцем (мыслью, разумом) над головой. Не случайно философия началась с детского удивления человека тому, что «невозможно, а есть, началась с удивления не злу, не хаосу, а порядку, красоте, мышлению» [7, с. 27].

Но у философии, у этого праздничного чуда, есть свое условие – это ответственность, она серьезно обязывает, как сказал В.В. Бибихин: «Философия – это зеркало, в котором мы не хотим узнавать себя. Кто нам сказал, что можно жить легко? Философия трудна, но кто нам дал право жить так, как мы живем, мало о чем спрашивая, мало за что отвечая? Нам было бы, возможно, легче, спокойнее, видеть в философии явление культуры. Между тем, она обращена к нам с вопросом о правомерности нашего бездумного образа жизни. Философское безусловное «надо» гораздо более категоричнее, чем «надо» науки, религии, общественного правопорядка. Философское «надо» безусловно, оно обращено к каждому и всегда, а не к некоторым и в определенное время» [3, с. 103, 106, 114], поэтому «у Гераклита манеры Данте, Лютера, Льва Толстого. Он хочет не наставить, а заставить нас быть другими, чем мы были раньше» [3, с. 107]. Или как говорил М.Хайдеггер: «Мы ничего не можем сделать с философией, но она способна что-то сделать с нами» [2, с. 183].

Человек инстинктивно чувствует это и боится. Скука, высокомерно-ироническая усмешка, в которой автоматически кривятся губы человека, услыхавшего слово «философия» - это, своего рода, реакция самозащиты, когда человек, боясь встречи с самим собой настоящим, как страус прячет голову в песок. И в этом нежелании встречаться с философией проявляется ее – философии – правда, ведь, отторгая ее, человек интуитивно понимает, улавливает ее подлинное действие и силу, и отступает. В этом неприятии больше понимания, проникновенности в суть философии, чем, порой, у самих преподавателей, которые уже забыли для чего они стоят на своей кафедре, и их давно ничего не волнует и не страшит. Речь идет о том «страхе и трепете», который испытывал С. Кьеркегор, создавая свое одноименное произведение, которое испытывает актер, выходя на сцену, и зритель, входя в Театр или в Храм (что, впрочем, практически одно и то же).

Принято считать, что философ отгораживается, уходит от мира, «витает в облаках». Хороши облака! За это смертью платят... Философия обращена в мир, к людям. Этим философ отличается от других, каждый из которых стремится укрыться в свою «хату с краю», выгородить, выкроить свой собственный замкнутый мирок.

Г.Х.Андерсен говорил, что под каждым листиком он находит свою сказку, каждая травинка ему рассказывает ее. То же самое происходит и с философией. Все в жизни говорит, свидетельствует о ней. «И камни возопиют». Как писал в средние века Гуго Сен-Викторский: «Философия разлита во всех человеческих действиях» [4, с. 303], употребляя слово «разлита», чтобы подчеркнуть проникновенность философии в каждый уголок нашей человеческой жизни.

Томас Гоббс, вслед за И. Златоустом, «приходил в трепет, когда размышлял о том, в каком отношении находятся люди, которые шли узким путем, к людям, которые шествовали путем пространным»[5, с. 517]. Как странно! Ведь мы привыкли думать, что люди, выбирающие узкий путь, делают это для своего собственного спасения. Трудно, но не совсем бескорыстно, все претерплю, потому что в конце ждет обещанная награда. А, оказывается, дело обстоит не совсем так, или, если быть точным, совсем не так. Здесь речь идет не о цели, а о смысле. Не для чего, а к кому? (даже не ради кого, чтобы не возвышаться над тем, к кому идешь своей жертвенностью, не одалживать его своим человеколюбием, дружбой. Просто иду навстречу (на-встречу), потому что такова моя потребность в Другом – Друге, придти к которому можно только вернувшись к себе (помните, как у барона Мюнхгаузена: «Нет, чтобы вернуть ее (жену Марту), надо вернуть себя. Я решил воскреснуть»). При этом совсем не оговаривается, что в конце ждет награда, неизвестно, ждет ли вообще кто-нибудь? Не об этом ли известный исторический анекдот про Конфуция, которому вослед глупец прокричал: «Вот человек, которому ничего не удается, а он все равно действует!»?

Нужно учитывать, что ответственность за бездумное (безмысленно-бессмысленное, бесчувственное) существование философия серьезно спрашивает не только со студента, но и (в первую очередь) с самого преподавателя.

«Чем я обязан древним?» - спрашивал себя Ницше. Этот же вопрос, только переформулированный относительно философии (от лица которой говорит преподаватель), и студентов (к которым он общается) – преподаватель должен задавать сам себе.

Преподаватель часто упускает из виду, что на уроках философии он занимается не передачей знаний, согласованных с кафедральной и министерской программой; а «высказыванием вслух того, от чего отказаться нельзя» и посредством чего он приходит, возвращается к себе, свидетелем и участником этого (диалога, встречи с самим собой и с Другим — другом) и является студент.

Занимаясь философией, преподаватель нередко забывается, что является философом, а не мудрецом, то есть человеком ищущим мудрость, но еще не имеющим ее, собственно, поэтому он и называется философом (то есть человеком любящим мудрость).

Звание философа не означает, что этот человек знает обо всем или хотя бы о жизни больше других, и поэтому позволяет себе расхаживать с (до чего точна народная мудрость!) «умным видом болвана». Философия – это знание своего пути, который определен философией же, иначе говоря, любовью и стремлением самого человека к мудрости (исконное понимание философии: не как науки, которой занимаются в рабочее время за кафедрой или в кабинете, а как любви – пути к мудрости, по законам которой (согласно своей любви, своему стремлению к мудрости) живут – организуют всю свою жизнь. При этом речь не идет, конечно, о том, чтобы «носить в обыденной жизни колпак философа» [6, с. 24], поглядывая исподлобья на всех остальных. Философия - это не то, что отъединяет, возвышает над миром – а то, что со-единяет, вводит в мир – планету людей) - в то время как обыватель (каковым в разные моменты жизни бывает и человек, занимающийся философией) проживает свою жизнь как придется, от

«ничтожной причины к причине

и – глядишь, заплутался в пустыне

и своих же следов не найти»

- как писал Вячеслав Ходасевич в одном из своих стихотворений со знаменательным названием «Зеркало», которым для человека и является философия как его само-сознание.

Проблема преподавания философии многогогранна, но о каком бы аспекте этой проблемы мы не говорили, необходимо понимать, что ее решение должно начинаться не с изучения набора педагогических методов и приемов, которые использует на своих лекциях и семинарах преподаватель, а с осознания (переосмысления) своего отношения к философии или, точнее, своих отношений с философией.

Список литературы:

- 1. Бердяев Н.А. Смысл творчества//Н.А. Бердяев. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.-607с.
- 2. Бибихин В.В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998.-577с.
- 3. Бибихин В.В. Язык философии. М.: Прогресс, 1993.-416с.
- 4. Гоббс Т. О свободе и необходимости//Гоббс, Т. Избранные произведения в 2 тт., т.1. М.: Мысль, 1965.-584 с.-С.517.

- 5. Гуго Сен-Викторский. Семь книг назидательного обучения, или Дидаскалион // Антология средневековой мысли в 2 т., т.1. СПб.: РХГИ, 2002.-635 с.-С.303.
- 6. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию //М.К. Мамардашвили. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.-368с.
- 7. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1999.-311c.

ИСТИННОСТЬ ГЕРОИЗМА: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Лукьянова Рушания Абдурахмановна

ассистент кафедры философии, социологии и политологии, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы г. Уфа

E-mail: Rusha-09@mail.ru

Понятия герой, героизм и героический для многих из нас знакомы. Они широко использовались как в освещении событий военного времени, так и мирной жизни советской эпохи. Мы не особо задумывались над смыслом этих слов, над глубоким пониманием их истинности. Ощущая важность исторического момента, когда Россия вступила в новую эпоху, именно сегодня назрела необходимость осознания «героического», которое выведет нас на качественно новый уровень развития, в котором страна будет занимать достойное место, представляя не только единое культурное пространство народов России, но и являясь составной частью, цельного ядра духовности всего человечества. Попытаемся вникнуть в суть истинного героизма, раскрыть его философский аспект.

Героизм как явление имеет глубокие исторические корни. В энциклопедии всемирной мифологии, посвященной мифологиям основных культур древнего мира - шумерской, зороастрийской, египетской, ведийской, античной, кельтской, скандинавской, славянской, китайской, японской мифологии, а также мифологии Мезоамерики, рассмотрены традиции древних цивилизаций. Они составили основу идей и понятий, заложили фундамент мировоззрения современного человека. В древних сказаниях рассмотрены все ключевые аспекты бытия: героизм и мужество, особенно на полях сражений; великая любовь и ревность; конфликт старого и нового

поколений; проказы плутов, любителей нарушить размеренную скуку жизни; тяжесть болезни или увечья; таинство смерти, загробная жизнь, включая возрождение и переселение душ, а также жизнь после смерти; влияние колдовства на разум и тело; страсть к странствиям или смертельные схватки героев с чудовищами; горечь предательства; внезапность несчастья, удачи и всего, что связано с судьбой; отношения между земным и небесным, между людьми и богами; мифы о мировом потопе; гипотезы сотворения мира и происхождения общества; желание постичь сущность вселенной.

О попытках понять всю сложность мира свидетельствуют мифы древних народов, некогда живших в Месопотамии, очаге цивилизации, а также в Палестине, Древнем Иране, Египте, Индии, Китае и Японии. Природные стихии постоянно грозили гибелью населению этих стран, поэтому их мифы рисуют жизнь как непрерывную героическую борьбу человека с силами хаоса и его победу.

Характерной особенностью восточных мифологий является представление древних о загробной жизни человека как о продолжении земной. По-иному трактуются эти извечные вопросы в мифах Греции, Кельтики, Скандинавии, хотя европейские боги и богини, герои в лице простых смертных сталкиваются с теми же проблемами жизни, смерти и судьбы. Древние греки были величайшими мифотворцами Европы. Именно они придумали слово «миф» (в переводе с греческого «предание», «сказание»), которым мы сегодня называем удивительные истории о богах, о героях и фантастических существах. И в наше время людей волнует приключения бесстрашного Ясона, пересекшего Черное море в поисках волшебного золотого руна; судьба Елены, прекраснейшей из женщин; странствия хитроумного Одиссея, одного из храбрейших греческих воинов; история титана Прометея, даровавшим людям божественный огонь; удивительные подвиги могучего Геракла.

Своеобразие кельтских мифов заключается, прежде всего, в том, что в них чаще всего речь идет о герое, и меньше — о богах. Идеалом островитян можно считать бесстрашного Кухулина, в одиночку защищавшего Ольстер от вторжения ратей Медб, королевы Коннахта. Одну из многочисленных загадок кельтской мифологии представляет собой «явление» короля Артура, его внезапное вторжение в ход мифологической истории. Преданиям и историям об Артуре и его рыцарях (Ланселот, Персиваль, Овэйн, Борс, Галахад, Гавейн и другие), вне всякого сомнения, присущ подлинный историкогероический характер, имеющий мифическое основание. Великим героем скандинавских преданий был Тор, гроза великанов,

воинственный крушитель вражеских черепов, обладатель чудесного молота Мьёлльнира. В то же время морским разбойникам-викингам был по душе и Один, бог сражений и вдохновитель грозных берсеркеров. Мифы сплетают сложные узоры обстоятельств, не зависящих от смертных или богов. Иной, по-своему интересный взгляд на мир отражен в мифологии славян-язычников, которые не выделяли себя из окружающей среды, добродушно-наивно очеловечивая всю природу.

Идет время, однако мифы, первичный пласт культурной жизни человечества, продолжают привлекать наше внимание, поскольку в этих древних сказаниях по-прежнему можно разглядеть глубинную суть бытия, рассмотреть истоки подлинного героизма, выразившего волю человека к жизни, к созиданию.

Ф. В. Й. Шеллинг считал философию мифологии самоценным и необходимым этапом становления человечества, чем отвергал сугубо негативное или пренебрежительное к ней отношение. Таким способом снимаются концепции, называющие мифологию человеческим изобретением, сознательной выдумкой.

Создатель теории энергетической эволюции (Н.К. Рерих), широко трактовал такие фундаментальные понятия, как материя, Дух, энергия, и рассматривал Мироздание как грандиозную и беспредельную систему одухотворенного Космоса, включающую в себя множество энергетических структур, в том числе и человекагероя. Именно в герое смыкаются «все линии» человеческого существования. Он огромный энергетический имеет действительности, устремляя человечество к будущему, к духовному совершенствованию и эволюционному продвижению. Осмысливая место героя в системе Космической эволюции, Шапошникова Л.В.утверждает, что герой является энергетическим проводником между мирами, он есть часть Космической энергии, часть стихий, часть разума, часть высшей материи. Герой в своем бытии не может быть отделен, обособлен от энергетической структуры Космоса. Он несет ее в себе и поэтому живет по тем же законам, что и Космос. Взаимодействие энергетических структур Мироздания в процессе энергообмена с героем является главной движущей силой его Космической эволюции. Искра Духа несет с собой информацию других миров и иных измерений, находясь в каждом герое, и живет и действует в нем согласно Великим законам Космоса, с одной стороны, и его свободной воле — с другой.

С появлением эпического героя начинается новый, более осмысленный этап нашей истории, так как в этот период формируется

национальная культура народов. «Миф на векторе истории показатель определенного уровня духовного освоения человеком мира» [4, с. 207]. Эпический герой, в некотором роде, является духовным началом для движения нашей истории, для ее развития и для формировании ее национальной культуры. «Героическое прошлое народов является основой национального достоинства, и на нем формируется национальная культура как таковая» (Шапошникова Л.В.). Герой становится духовным символом, совестью народа, он творит свой земной общественный «космос», т.е. создает общественный порядок, осознает происходящее в мифологическом небесном зеркале, где все увеличено в масштабах и поэтому лучше видно и легче понимается. Валерий Семенович Хазиев в работе «Космос и хаос в башкирской мифологии» пишет: «В некоторых мифах Космос возникает из состояния, промежуточного между Космосом и Хаосом. Жизнь уже создана, но неупорядочена и потому полна ужасов» [4, с. 201]. Далее он продолжает, что «рост общественного могущества сопровождался увеличением знаний о деталях своей организующей деятельности, что нашло отражение и в мифах, где уточняется, что земной порядок не прямое творение Неба, а следствие деятельности божественного или культурного героя» [4, с. 201]. Это возникновение героя в таком отдаленном прошлом на наш взгляд закономерно. После первоначального мифического героя появился и сформировался культурный герой. Кто этот герой? «Это человек необычного происхождения, обладающий недюжинной силой, чистым сердцем, благородный, не агрессивный, непримиримый с угнетением, отважный» [4, с. 209]. Именно на примере мифического культурного героя человечество вовлечено в процесс активной деятельности. Обучение человека происходит с развитием самого героя. Нравственно - аксеологическая функция мифов наиболее ярко выражена именно в образе героев- людей, которые сумели подавить в себе зоологические стимулы и живут по социальным нормам. Так, например, Батыр – герой башкирской мифологии, не может допустить нарушение своего кодекса: в противном случае он перестанет быть героем. В.С. Хазиев пишет о существовании нескольких моделей поведения героя в разных ситуациях: он может действовать прямолинейно и открыто, демонстрируя нормы рыцарского поведения, но может и там, где необходимо для добрых дел и направленно против злых сил, прибегнуть к хитрости, ввести врага в заблуждение. «Герой может обратиться за помощью, если этого требует ситуация, но герой никогда не пойдет на вероломство, не нарушит данного слова. Его принципы всегда четко очерчены и ясны. Он готов защищать Космос,

т.е. порядок, всегда, в любую минуту, на любой призыв о помощи, даже не будучи лично в этом заинтересованным. Отношение героя к окружающему его миру всегда идеальное. Нам кажется, он слишком положителен, но ему нельзя быть другим. Он идеал, образец для подражания — крайняя точка вселенских противоположностей, олицетворение космических сил. Люди должны походить на героев смелостью и удалью, бескорыстьем и честностью, а также умением не податься соблазну» [4, с. 209-210].

Мифы несут в себе зародыш будущих более содержательных типов мировоззрения – религиозного, философского, научного. Вот эта персонифицированность духовного процесса в творческий или, точнее сказать, героический, отразилась в первую очередь в героикомифологических образах. Если задаться вопросом: « Кто есть герой, и что ему нужно?», то он может, в отличие от не героя, постичь реальность окружающего мира, а для этого необходимо иметь мужество и отвагу, составляющее часть целого, которое характеризует эту сущность как героическую. Цитата одной из книг живой этики: « Кроме подвига внешнего героизма может быть ценный подвиг незримый... И над землею в двух мирах сливается мысль постигающая, и такой подвиг звучит на спасение человечества». Герой есть не просто явление духовное, но и сущность, связанная с духом времени, материи, ритмом Космоса. Герой своим развитым духом всегда стоит выше обычного человека или, проще сказать, не героя. Он поднимается над нами не только своим мужеством или храбростью, но и уровнем своего возвышенного идеализированного духа. Герой связан с духовностью всего человечества, так как сам является его олицетворением. Он есть инструмент духовной эволюции общества. Николай Константинович Рерих пишет: «Человечество должно беречь своих героев, так же оно должно беречь и память о них, ибо в ней будет здоровое созидательное вдохновение. Жизнь уныла без героя...Тем сильнее, если такие герои не только имеются на страницах преданий, переходя в божественные мифы, но они оказываются посланными и в наше время» [3, с. 55-56.]. С древнего времени и до нашего существовал культ героев, который формировал культуру человечества. Мышление героя похоже на талант и отличает героев от всех нас. Поэтому каждого человека героем назвать нельзя. Он всегда будет лучшим. Истинному герою, во все времена свойственно безграничное мужество и самопожертвование: «Мы должны быть мужественны, идти вперед, храбро завоевать свободу — в спокойной уверенности, что мы призваны и избраны высшей силой,— и не должны бояться. Насколько человек побеждает страх, настолько он —

человек» [2, с. 796]. Герои способны победить страх, но даже и они не могут руководить толпой трусов и рабов. Поэтому следует заметить, что жизнь обычная требует не меньшего героизма. На наш взгляд, быть порядочным с самим собой, с обществом, с окружающим миром большая работа ума и сердца, которая сближает нас с героями. Если героическое не может быть реализовано на уровне толпы, то мы начинаем понимать суть нашего самосовершенствования. Но еще нельзя не сказать о самопожертвовании героя. Заметим, не фанатизм, не тупое безрассудство, а осмысленное, нравственное. Истинный герой бесстрашен в труде, борьбе, в творчестве и даже ценою собственной жизни он всегда действует во имя общего блага. Николай Константиновича Рерих писал: «Жизнь героя ведет человечество как исток вдохновения как мера прекрасного, как побудитель мужества. Так звучит голос истинного героизма» [3, с. 53].

«Любая эпоха продуцирует своих героев, призванных гуманизировать общество и вести его вперед. Героизм как повышенное осознание личностью своего призвания существовал и будет существовать» [1].

Список литературы:

- 1. Волошин В.В. «Герой и подвижник (Антропология революции С.Н. Булгакова) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://iai.donetsk.ua/_u/iai/dtp/CONF/12/articles/sec4/s4a3.html. 19.02.2010
- 2. Карлейль Т. «Герои, почитание героев и героическое в истории» М.: Эксмо. 2008 864 с. (антология мысли)
- 3. Рерих Н.К. Душа народов. М.: МЦР, 1995. С. 53.
- 4. Хазиев В.С. «Истины бытия и познания» (избранные сочинения). Уфа: Китап, 2007. 288 с.

МЕХАНИЗМ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НАУЧНОМ ЗНАНИИ

Морозова Нелли Игоревна

аспирант, Южно-Российский Государственный университет экономики и сервиса, г. Шахты E-mail: Nelli4ka 44@rambler.ru

Общество прививает человеку знания, на которые он опирается, применяет в своем индивидуальном опыте, и на их основании изменяет действительность. В процессе этих изменений нам открывается что-то новое, которое входит в сложившуюся систему знаний, обогащает её, что, в свою очередь, служит началом последующих исследований и поисков [4, с. 16].

Для современного потока знаний характерна его двоякая нацеленность. С одной стороны, эта цель заключается в том, чтобы информацию, необходимую для преобразования окружающего мира. С другой стороны, наука нацелена на то, чтобы формировать знания, наилучшим образом приспособленные для выработки новых знаний. Чем длиннее цепочка взаимодействия, тем на более высоком уровне развития находится наука. «Взаимодействие – философская категория, отражающая процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого» [7, с. 80].

Традиционно средствами хранения и передачи научных знаний выступают знаки и язык. Научные понятия принимают абстрактный научная теория представляется системой совокупностью следов знания. Знак, выступающий в роли носителя знания, должен быть включен в двустороннюю связь с объектом и другими знаками. Знаки, отвечающие данному требованию, образуют особые знаковые системы – языки [5, с. 27-53]. В современный период существенное влияние на трансляцию научных знаний оказывают информационные технологии, которые преобразовывают знания в информационный ресурс общества. Человек находится перед лицом новой реальности, которая предлагает ему виртуальные способы взаимодействия. Сегодня массовое использование Интернета разрушает строгие стратегии обучения. Многообразие различного рода информации затрудняет отбор и трансляцию значимого знания [2, с. 570]. Многие важные философские аспекты проблем, появившихся в связи с компьютеризацией практически всех сфер человеческой деятельности, требуют для своего исследования обращения, прежде всего, к знаковым составляющим компьютерных систем. Знание при этом представляется как результат отражения действительности в человеческом сознании в виде понятий, суждений, теорий. Этот результат фиксируется в форме знаков естественных и искусственных языков [1, с. 216-224].

Более глубокое изучение проблемы представления знаний делает возможным исследование конкретных видов информационного взаимодействия.

Если, например, рассматривать механизм информационного взаимодействия на примере передачи знаний посредством устной речи, то следует отметить, что процесс этот многокомпонентный.

Первая компонента — физическая, т. е. необходимо наличие физического источника звука (голосовых связок), физической среды распространения звука (воздуха) и физического приемника (уха).

Вторая компонента – сигнальная: амплитудно и частотно модулированные колебания.

Третья компонента – лингвистическая: необходимо, чтобы оба собеседника знали хотя бы один общий язык.

Четвертая компонента — семантическая, т. е. в передаваемом сообщении должно присутствовать содержательное описание объекта или влияния, чтобы при получении сообщения могли измениться знания у принимающего эти сообщения.

Наконец, пятая компонента — прагматическая: необходимо наличие желания (мотивации) передавать и принимать сообщение. Конечно, подобное разбиение информационного взаимодействия на эти пять компонент носит условный характер.

Спектр информационных взаимодействий широк. Г.С. Теслер предложил и обосновал пять основных его видов.

Первый вид связан с взаимным информационным взаимодействием двух и более объектов живой, неживой и искусственной природы.

Второй вид информационного взаимодействия связан с созерцанием объектом окружающего мира. Для живой природы этот вид взаимодействия связан с информацией, получаемой от органов чувств; для искусственной природы — это информация, получаемая от имитирующих органы чувств живой природы.

Третьим видом информационного взаимодействия является командно-сигнально-управленческое. Он широко используется для всех видов объектов живой, неживой и искусственной природы, играет роль «пускового механизма».

Четвертый вид информационного взаимодействия — это логикосемантико-структурное. Такое взаимодействие связано с логикой и семантикой протекания процессов и явлений в живой, неживой и искусственной природе, включая и эволюционные, с учетом законов их развития.

Пятый вид информационного взаимодействия, возникает на этапе переработки информации и знаний и присущ только высшим формам живой природы. Этот вид представляет собой осознание смысла и позволяет объектам адекватно реагировать на окружающую действительность, а также воспринимать и сопоставлять получаемую и хранимую в памяти информацию [6, с. 11-12].

перечисленными формами Наряду с информационного взаимодействия имеются и другие. Как отмечалось информационное взаимодействие происходит как в естественных, так и в искусственных системах. Поэтому логичным является разделение информационных взаимодействий по объектам на три группы: (технических) взаимодействие искусственных взаимолействие смешанных системах И взаимодействие естественных (живых) системах.

Первую группу составляют информационные взаимодействия в технических системах — от простейших регуляторов до глобальных компьютерных сетей. Ко второй группе относятся информационные взаимодействия типа «живой организм — искусственный орган», «живой исследователь — неживой объект исследований». Третья группа представлена информационными взаимодействиями в пределах от молекулярно-генетического уровня до уровня социальных сообществ.

При описании каждой из этих групп следует опираться на специфическую для соответствующей группы концепцию преобразователя информации, свои языки описания, закономерности, разрабатываемые в рамках соответствующих наук.

На сегодняшний день можно сформулировать некоторые условия успешного выполнения информационного взаимодействия. Для информационного взаимодействия недостаточно только передать сообщение. Нужно, чтобы адресат мог его адекватно воспринять. Из этого следует принцип тезауруса, который указывает на важность наличия априорной информации. Согласно нему участники информационного взаимодействия должны обладать согласованной информацией об используемых кодах, языках и их семантиках.

Восприятие сообщения зависит не только от способности адресата понять его содержание. Существенную роль играет наличие у

адресата стимула для освоения содержания сообщения. В данном случае имеет место принцип фасцинации, т.е. привлекательности сообщения. Фасцинация зависит от мотивов и целей адресата, и, в первую очередь, - от формы сообщения, а не его содержания. Данный принцип играет важную роль в организации диалога между человеком и машиной. Участники подобного диалога выступают не только как получатели информации, но и как её создатели. Поэтому возможно рассмотрение принятого сообщения в качестве стимула порождения адресатом новой информации на основе прошлого опыта Результат информационного модели ситуации. такого взаимодействия получение адресатом большего количества информации, чем содержалось в сообщении [3, с. 77-87].

Таким образом, механизм информационного взаимодействия — это не просто процесс обмена информацией, который порождает изменение знаний хотя бы одного из получателей этих сведений. Механизм информационного взаимодействия вызывает в приемнике сообщений более глубокие изменения, характеризующиеся получением нового знания, пополнением имеющегося запаса знаний.

Список литературы:

- 1. Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика: Учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1991. 383 с.
- 2. Кохановский В.П. [и др.]. Изд. 6-е. Ростов н/Д : Феникс, 2008. 603, [1] с. (Высшее образование) Библиогр.: с. 587 599. ISBN 978-5-222-14565-4 : 270-00
- 3. Кузнецов Н.А., Мусхелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Информационное взаимодействие как объект научного исследования (перспективы информатики) // Вопросы философии. -1999. -№1.№1. -C.77-87.
- 4. Михайлова И.Б. Методы и формы научного познания. М., «Мысль», 1986. 111 с.
- 5. Ракитов А. И. Анатомия научного знания (Попул. введ. в логику и методологию науки) М., Политиздат, 1969. 206 с.: ил.
- 6. Теслер Г.С. Новая кибернетика как фундаментальная наука // Математичні машини і системи, 2005, № 4. С. 3–14.
- 7. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Ф56 Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В.Г. Панов М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК НРАВСТВЕННАЯ СУБСТАНЦИЯ СВОБОДЫ ИНДИВИДА

Сергеев Виктор Алексеевич

к.ф.н., старший преподаватель, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г.Стерлитамак E-mail: yura.torubarov@yandex.ru

Достижения философии и социологии в познании феномена ответственности как общесоциальной ценности общественного бытия человека составляют методологическую базу для постановки и фундаментальных проблем функционирования ряда решения юридической ответственности в общем механизме реализации социальной ответственности. Однако философский и социологический уровень понимания ответственности, в силу специфики и уровня исследования, основан на соотношении таких фундаментальных «необходимость», «свобода» И «ответственность» проявляется как обязанность действовать условиях свободы на основе познанной и осознанной индивидом общественной необходимости.

По мнению Ю.В.Сорокиной, свобода представляет собой диалектическое единство двух начал. Во-первых, восприятия личностью объективно существующей необходимости действовать определённым образом, осознания целесообразности подчинения своего поведения этой необходимости. Во-вторых, осознания личностью соответствия этой объективной необходимости своему внутреннему миру, своим убеждениям и принципам[5,c.2-3].

В гносеологическом плане здесь складывается логически построенная цепочка: «необходимость – свобода – ответственность», каждое звено которой последовательно друг с другом связано и взаимообусловлено. При этом, в цепочке вычленяются два относительно самостоятельных блока: «необходимость – свобода» и «свобода – ответственность». В первом блоке выявляется суть взаимоотношений между деятельностью людей и объективными законами природы и общества. Второй характеризует взаимосвязь между поведением личности и требованиями, предъявляемыми к нему обществом. В этой связи, мы считаем необходимым провести анализ механизма поведения индивида и отдельных составляющих этого механизма.

Исходя из того, что поведение человека есть форма взаимодействия личности с социальной средой, мы можем выделить

следующие звенья такого взаимодействия: а) формирование личности; б) мотивация поступка и формирование цели; в) принятие конкретного решения о способе достижения цели; г) реализация решения, включающая совершение поступка и наступление желаемых последствий.

На каждом этапе взаимодействие личности с внешней средой различно. Наиболее мощное влияние социальная среда оказывает на процесс формирования личности. При этом ответственность личности имеет социальную природу, предопределённую как общественным характером отношений, так и особенностями личности, её местом в системе отношений. «В каких бы... условиях и формах не протекала деятельность человека, какую бы структуру она не приобретала, её нельзя рассматривать как изъятую из общественных отношений, из жизни общества. При всём своём своеобразии деятельность человеческого индивида представляет собой систему, включённую в систему отношений общества. Вне этих отношений человеческая деятельность вообще не существует» [4,с.82].

существенным предыдущих При ЭТОМ недостатком исследований, посвящённых теме ответственности, на наш взгляд, является то, что всё движение общественной материи объяснялось исключительно с позиции осознаваемых материальных потребностей и смены способа производства. Не отрицая огромного значения названных факторов на жизнь общества, вместе с тем хотелось бы отметить и тот факт, что с данной позиции невозможно объяснить многие факты общественной жизни. И если подавляющее число правовых требований можно объяснить, исходя из политических потребностей момента, а главное, с позиции потребностей социальной группы, получившей возможность оказывать наибольшее влияние на требования законотворчество, морали, TO этики, исключительно классового подхода, объяснить невозможно.

Вместе с тем, безусловно, большинство общественных норм происходят из обычаев народов, в том числе религиозных, в частности, христианских, причём такие заповеди (например, «не убий», «не укради» и т.д.) едины для многих народов, независимо от места проживания, социокультурного уровня развития и т.д. При этом, ответ на вопрос, на основании чего общество выдвигает те или иные требования к индивиду, имеет огромное значение для обоснования существования такого феномена, как «социальная ответственность» вообще и «правовая ответственность» в частности. Мы считаем, что объяснение можно найти в следующем. Признание человека членом общества, его составной частью, предполагает, что интересы общества

в целом и интересы каждой отдельной личности неразрывно связаны и определяют друг друга. Формирование комплекса социально значимых интересов личности и интересов общества в целом определяется закономерностями жизни и процесса развития общества, так как у них единая природа. Следовательно, основополагающие общественные интересы, являющиеся объектом правовой защиты, и истинные интересы каждого отдельного субъекта общественных отношений составляют единое целое.

Однако, каждый из индивидов обладает собственным, независимым сознанием, не ограниченными инстинктами. В этом человек проявляет себя как высшее существо, но этим же представляет опасность для общества, для окружающих его индивидов, поскольку только в человеке проявляется конфликт между личным и общественным, ибо он осознаёт себя как личность, но, в то же время, продолжает ощущать себя существом общественным.

Многолетние исследования социальных философов и социальных психологов подтверждают, что индивид при определённых условиях чувствует, думает и поступает совершенно иначе, чем можно было бы от него ожидать, и одним из главных условий этого является включение его в человеческое общество. Но что же такое «общество», чем приобретает оно способность так решающе влиять на духовную жизнь отдельного человека и в чём состоит духовное изменение, к которому она человека вынуждает?

Биологически человек устроен таким образом, что, элементарно, если он хочет есть и увидит кусок хлеба, то он его съест. Но если так нужно для выживания вида, то он может и должен заставить себя не брать этот хлеб. Вид важнее индивида, поэтому, если это необходимо для выживания вида, то интересами индивида можно пренебречь, более того, их ущемить. Инстинкт самосохранения вида вынуждает общество создавать ограничения для индивидов. При этом необходимо принимать во внимание и то, что общественный разум не есть что-то внешнее, привнесённое извне. Он есть нечто единое, создаваемое самими индивидами, составляющими общество. Следовательно, не создаваемые обществом ограничения ущемляют индивида, а сам индивид отказывается, пусть и бессознательно, от каких либо собственных потребностей в пользу общества. При этом обществу необходим механизм реализации собственных интересов и защиты себя от индивидов, по какой-либо причине не желающих жертвовать своими интересами для выживания общества, а, следовательно, несущих в себе элемент саморазрушения и опасных поэтому не только для общества, но и для себя. В такой роли выступает ответственность,

проявляясь как обязанность личности дать отчёт о последствиях своих действий перед обществом.

Подтверждение этому мы находим при исследовании обычаев древних народов, не знающих ещё права, зачастую не имеющих даже самой примитивной формы религии, но имеющих свои запреты, касающиеся выживания общества. В этой связи интересно высказывание Ч.Беккариа, что ни один человек «...не пожертвовал безвозмездно даже частицей собственной свободы, только необходимость заставляла его это делать. При этом государству жертвовался лишь тот необходимый минимум свободы, который был достаточен, чтобы побудить других защищать его. Совокупность этих минимальных долей и составляет право наказания» [1,с.70].

В обычных условиях большинство факторов воздействия окружающей действительности на формирование личности нейтрально. Кроме того, не вдаваясь глубоко в анализ механизма влияния психофизиологических особенностей организма на формирование различных поведенческих конструкций личности, следует отметить, что их значение само по себе фактически ничтожно.

нейтральными Сопиально оказываются повышенная возбудимость, негативизм, неуравновешенность характера, конформизм, ускоренное физиологическое созревание и другие особенности личности. Негативное свойство они приобретают лишь в сочетании с личностными дефектами морали. Ещё более увеличивает вероятность их антиобщественного проявления пребывание человека в неблагоприятной воспитательной среде. Одним словом, от того, какие качества характеризуют человека и его ближайшее окружение, во многом зависит, какое поведение – правомерное или неправомерное будут стимулировать особенности его психики.

Что же определяет то, каким образом будет влиять на индивида социальная среда?

Современные исследования человеческих масс дают самые противоречивые результаты. С одной стороны, массовая душа способна на гениальное духовное творчество, подтверждение чему мы находим в фольклоре, языке и т.д. С другой стороны: «...Одним лишь фактом своей принадлежности к массе человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации... В массе он варвар, т.е. существо, обусловленное первичными позывами» [6,с.78].

Фрейдисты (Ле Бон, Мак Дугалл, В.Троттер) полагают, что, чем выше уровень организации массы, тем выше её положительное влияние на индивида. При этом под организацией массы они понимают известный уровень её постоянства, контакты массы с

другими сходными образованиями, наличие традиций, обычаев, которые касаются отношений членов массы между собой, наличие специализации и дифференциации работы каждого отдельного человека.

Соглашаясь со всем перечисленным, мы хотели бы добавить как главное условие то, что отдельный человек должен составить себе определённое представление о природе, функциях, достижениях и требованиях общества, чтобы таким образом у него создалось эмоциональное отношение к социуму, как к чему-то целому. Причём, свободным в социальном плане будет являться поведение, отвечающее осознанной объективной необходимости, соответствующее жизненно важным интереса общества. Условием истинной свободы будет являться соответствие выбора того или иного варианта поведения в соответствии с законами природного и общественного развития, активное и осознанное использование их членами общества в практической жизнедеятельности. Следовательно, несмотря на огромное влияние социальной среды, поведение индивида фатально не детерминировано обществом, в котором он пребывает.

Следующим этапом на пути формирования нравственного поведения является духовная мотивация. Несмотря на единство подходов к этому вопросу как среди марксистов, так и фрейдистов в том, что основополагающим моментом в человеческой мотивации являются потребности индивида, процесс человеческой мотивации до сих пор остаётся, пожалуй, самым сложным для объяснения и понимания. В то же время без изучения этого процесса невозможно убедительно обосновать существование такого феномена, как социальная и духовная ответственность.

Среди значительного количества факторов, формирующих направленность личности и определяющих поведение индивида (правомерное или противоправное), особое место принадлежит потребностям. Рассматривая потребности как синтез психофизических и социальных импульсов всякого движения индивида, можно сказать, что потребность является неотъемлемым атрибутом, источником или предпосылкой любой человеческой деятельности. Иными словами, «никто не может сделать что-нибудь, не делая этого, вместе с тем, ради какой-либо из своих потребностей» [3,c.14]. При этом, личная выгода является едва ли не единственной побудительной причиной у изолированного индивида, однако у массы она преобладает весьма редко.

Из приведённых выше цитат видно, что никто, в принципе, не отрицает того факта, что сущность мотива любого поведенческого

акта составляет потребность, основой которой является удовольствие. Из этого можно сделать вывод о том, что именно удовольствие, лежащее в основе поведенческого акта, и является глубинным мотивом поведения человека, в том числе и противоправного.

В русском языке «удовольствие» означает чувство радости от приятных ощущений, переживаний, мыслей. А «удовлетворение» — чувство того, кто доволен исполнением своих стремлений, желаний, потребностей. При этом следует учесть и то, что в стремлении к удовлетворению природного инстинкта человек стоит на одной ступени с животным, но ему дано подняться на высоту, на которой он уже перестаёт быть безвольным рабом инстинкта, и в нём пробуждаются более благородные ощущения и стремления, которые при всём своём чувственном происхождении раскрывают перед ним целый мир прекрасного, возвышенного и нравственного. Чувство прекрасного и есть нравственная субстанция свободы индивидуума.

Подтверждение того, что основным движущим мотивом любого поведенческого акта является чувство удовольствия, можно обнаружить, на наш взгляд, даже в случае жертвенности, когда во имя какого-либо идеала человек подвергает себя существенным ограничениям и страданиям. Но если жертва состоит, как это встречается в некоторых религиях, в самоистязании, то у религиозных, сильно возбудимых натур она не только служит символом подчинения и эквивалентом в обмене страдания в настоящем на блаженство в грядущем, они воспринимают непосредственно как блаженство всё, что, по их убеждению, исходит от беспредельно любимого божества, всё, что происходит по его воле и в его честь. Религиозная мечтательность ведёт тогда к духовному экстазу, к состоянию, в котором сознание до такой степени переполнено психическим чувством блаженства, что представление о перенесённом истязании доходит до него совершенно свободным от болевых ощущений.

Любое деяние означает, в контексте его побудительной силы, обязательную нормативную цензуру соответствующего выбора, которая может быть основана на нормах социального окружения, повлиявшего на воспитание данного индивида, или на нормах более глубинного свойства, носящих название «бессознательного».

Неосознаваемая часть психической деятельности представляет собой ряд информационных процессов, которые не прошли через сознание. Каждую секунду человек получает из социального внешнего мира определённую информацию, которая не включается в сознание, обрабатываясь и используясь на самых различных уровнях центральной нервной системы. Кроме того, одним из компонентов

«бессознательного» может быть и исторически унаследованный опыт человеческого действия и поведения. «Бессознательное» как совокупность информационных процессов, не освещённых сознанием, проявляется, в частности, в поступках, которые носят название «автоматических» и «необдуманных».

Но это сразу же порождает следующий вопрос: как же может человек отвечать за свои поступки, если он не осознавал движущие им мотивы? Не порождает ли наличие «бессознательного» в человеческой психике детерминизма его поведения? На наш взгляд нет, и вот почему. Любая, включённая в общество, личность имеет три уровня, формируемых под воздействием генетических, природных свойств личности, и социальной среды, в которой существует личность. Основоположник психоанализа 3. Фрейд предлагает именовать их «ОНО», «Я», «сверх-Я». Самым глубоким слоем психики личности является «ОНО», представляющее собой «самость» личности и формирующееся под воздействием генетической наследственности, природных инстинктов и внешних процессов, не освещённых сознанием. «ОНО» руководствуется исключительно принципом удовольствия и первичными инстинктами.

Под влиянием внешнего мира и восприятия формируется второй слой психики, именуемый «Я», который является продолжением дифференциации поверхности. «Я» стремится применить на деле влияние внешнего мира и его намерений и старается принцип удовольствия, неограниченно царящий в «ОНО», заменить принципом реальности. «Я» является органичной частью «ОНО», развиваемой под воздействием внешней среды, но, в то же время, находящейся в постоянном противоречии со своим источником. При этом «функциональная важность «Я» выражается в том, что в нормальных случаях оно владеет подступами к подвижности... «Я» превращает волю «ОНО» в действие, как будто бы это была его собственная воля» [6,с.362].

Третий слой психики, именуемый «сверх-Я», представляет собой контроль, возникающим как отражение различных социальных запретов. При этом необходимо учитывать тот факт, что природой в сознание не заложено инстинктов и потребностей социально вредных. Сама по себе потребность (например, половой близости) не несёт в себе ничего предосудительного, если только она не реализуется путём применения насилия к партнёру, которое ущемляет его половую свободу. Равно никто не решится осуждать человека, который с целью увеличения своего материального благосостояния стремиться больше работать. Но если он стремиться к аналогичной цели посредством

убийства, то является опасным преступником, которого общество стремиться изолировать, а в некоторых случаях даже уничтожить.

«Субъект может не осознавать стимулы, влияющие на его поведение, но психическая оценка действий при этом присутствовать должна. Оценка действий, а не побуждающих сил, лежит, в частности, в основе уголовно-правовой ответственности»[2,c.20]. Можно добавить, что не только в уголовно-правовой, но и в основе социальной ответственности вообще, лежит именно деяние, т.е. внешнее проявление личности в системе отношений внутри общества.

Это справедливо не только в отношении умышленных деяний, когда лицо сознательно стремится к достижению определённой цели, но и в том случае, когда оно легкомысленно пренебрегает мерами предосторожности во избежание опасных последствий. Например, желая самоутвердиться в глазах окружающих, превышает скорость автотранспорта на опасном участке дороги, что влечёт за собой уголовно-значимые последствия.

Обобщая выше изложенное, можно сформулировать целый ряд выводов:

- Несвобода исключает ответственность (в том числе и уголовную) не только в правовом, но и в нравственном плане, ибо, если несвободный человек и причиняет вред какому-либо общественному благу, то делает он это в состоянии крайней необходимости. Значит, социальная ответственность напрямую связана со свободой и неразрывна с ней. Можно сказать, что свобода есть социально-нравственная субстанция человека, а ответственность есть одна из форм проявления этой субстанции, форма проявления свободы. Ответственность органичным образом сопряжена с моральным миром человека. Этот мир отчуждается от человека, если разрушается чувство ответственности, а, следовательно, боязнь нарушить моральные запреты. Моральный вред как раз и связан с метафизическим страхом утратить и ответственность и духовное совершенство. Нанося моральный вред, человек делает достаточно зыбкими правовые, моральные и социальные нормы. В диалектике свободы и ответственности соединяются объективные и субъективные факторы человеческого поведения, выражается единство противоречие личных и общественных интересов.
- 2. Свобода и ответственность через поведенческие характеристики человека связаны с общественными отношениями между ним и другими людьми, а через категорию права сопряжены с правоотношениями. Если свобода выступает социальной матрицей правоотношений, то правовая ответственность выступает

юридическим содержанием правоотношения. Иными словами, правовая ответственность (как форма социальной ответственности) вне правоотношения не существует.

- 3. Любая ответственность есть особая форма социальной связи людей в обществе, суть которой заключается в реализации человеком своего долга, основанного на диалектической связи личной свободы и общественной необходимости.
- 4. Правовая ответственность глубоко социализирована, носит всеобщий характер, является универсальной и распространяется на всех, кто оказывается включённым в сферу действия каких-либо правоотношений.

На основании изложенного следует подчеркнуть, что человек ответственен за любое совершенное им деяние, за последствия своих действий, а единственным основанием социальной ответственности является совершённое лицом осознанное деяние. Кроме того, только подобный подход к процессу формирования человеческого поведения и обосновывает саму возможность ответственности за неосторожные деяния.

Список литературы:

- 1. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Чезаре Беккариа ; [пер. Ю. М. Юмашев]. М.: Стелс: БИМПА, 1995. 303 с.
- 2. Иванов, Н. Мотив преступления удовольствие? / Н. Иванов // Советская юстиция. 1993. № 3. С. 19-20.
- 3. Крафт-Эбинг, Р. Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства : [пер. с нем.] / Р. Крафт-Эбинг; [предисл. Г. С. Васильченко]. М. : Республика, 1996. 590 с.
- 4. Леонтьев, А. И. Деятельность, сознание, личность / А. И. Леонтьев. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
- 5. Сорокина Ю.В. Право и свобода // Юрист. 2002. № 2. С. 2-3.
- 6. Фрейд, 3. Массовая психология и анализ человеческого «Я» / 3. Фрейд // Фрейд 3. "Я" и "Оно" : труды разных лет. Тбилиси : Мерани", 1991, Кн. 1. С. 71-138.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ОЦЕНКА ДИСФУНКЦИЙ КУЛЬТУРЫ, СТАВШИХ СЛЕДСТВИЕМ КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Сиверина Юлия Юрьевна

аспирант, Брянский государственный технический университет, г.Брянск

E-mail: Julej87@mail.ru

Технический прогресс, развитие индустрии, информатизация общества логично привели к качественным изменениям во всех сферах человеческой жизни. В том числе, они коснулись и культуры. Различия современной культурой классической И существенны, невозможно оставить без что их Трансформации сегодня произошли со всеми составляющими культуры, в значительной мере изменив ее облик, и философы современности пытаются дать этим трансформациям свою оценку.

Культура — совокупность созданных человеком в ходе его деятельности и специфичных для него жизненных форм, а также самый процесс их созидания и воспроизводства. В этом смысле понятие культуры — в отличие от понятия природы - характеризует мир человека и включает в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления (включая такие социальные институты, как государство и право), язык и искусство, технику и технологию и т.д.[1,с.784] Такое определение понятию «культура» дает Большой Российский энциклопедический словарь.

По мнению философа В.А. Кутырева, культура - это «человеческая деятельность по преобразованию природы» и «господство над природой – внешней, окружающей человека и внутренней, составляющей его тело»[3, с.23]

В качестве критерия оценки культурных трансформаций современности удобно использовать функции культуры. Согласно словарю «Культурология: XX век», «функции культуры – совокупность ролей, которые выполняет культура по отношению к сообществу людей, порождающих и использующих (практикующих) ее в своих интересах»[1,с.784]. Любые изменения, выявляющие отличия современной культуры от традиционной, непосредственно отражаются на выполнении культурой её функций. Проявляется это в следующих случаях: если название функции остается прежним, а суть изменяется коренным образом; если в результате подобных изменений

возникают совершенно новые функции культуры и, наконец, если функции культуры начинают рассматривать как дисфункции.

Причиной таких перерождений и преобразований функций культуры служит ряд факторов, оказывающих непосредственное влияние на развитие культуры и выполнение ею основных функций. К сожалению, глобальные перемены в сфере культуры все чаще приводят к негативным последствиям. А учитывая то, что перемены глобальны, последствия тоже оказываются такого масштаба, что современное общество осознает невозможность их устранения, а главное, их необратимость. Дело в том, что фактически, функционирование культуры приводит не только к решению различных задач, но и порождает множество побочных эффектов, оказывающих, в большинстве своем, негативное влияние на прогресс и развитие общества.

Чтобы более подробно рассмотреть данный вопрос, необходимо привести список основных функций культуры, которые, ввиду влияния упомянутых выше факторов, приобретают иное значение и могут в ряде случаев рассматриваться как дисфункции.

- 1. Функция обеспечения социальной интеграции людей объединяет в себе интегративную (культура объединяет отдельных людей, социальные группы, народы и государства), функцию социализации, гуманистическую.
- 2. Информационная функция, объединяющая функцию исторической преемственности, семиотическую, коммуникативную, гносеологическую и регулятивную.
- 3. Адаптивная функция, которая включает в себя функцию творческого созидания человеком артефактов.

Дисфункции культуры – это ее негативные воздействия на природу, общество и человека.[5]

Интегративная функция культуры, отражает связи между в рамках социума. взаимоотношения ЛЮДЬМИ их универсальной взаимоотношения обусловлены общечеловеческих ценностей, едиными нормами морали нравственности, развитием техники и технологии, динамикой жизни. Однако, сегодня эта функция имеет противоречивый характер: культурные различия порой затрудняют общение людей, мешают их взаимопониманию. Несмотря на то, что общемировой тенденцией является стремление в единой экономической, образовательной и др. системам, в современном обществе процветает национализм, видно четкое разделение на «мы» и «они», «свои» и «чужие». Все больше делается упор на менталитет и традиции отдельных национально обособленных государств, все чаще их (менталитет и традиции) приводят как слабое оправдание несанкционированных враждебных действий в адрес других государств. Деление по национальному признаку зачастую становится причиной разного уровня конфликтов, порождает вражду и нередко военные столкновения. В молодежной среде четко прослеживается дифференциация по финансовому критерию. И, несмотря на то, что уровень жизни всех слоев населения растет, разрыв между социальными группами, имеющими определенный уровень доходов, нисколько не сокращается.

То есть, оборотной стороной интегративной функции культуры является всеобщая социальная дифференциация. Итак, интеграция и дифференциация современного общества происходят параллельно, что может привести к очень неутешительным результатам.

Функция социализации предполагает усвоение человеком определенной суммы знаний, норм, ценностей, образов, которые позволяют ему эффективно ориентироваться в мире природы и мире культуры, сохраняя свой статус и выполняя определенные роли. Современная цивилизация предпринимает большие усилия для социализации молодых, но делает это нередко за счет пожилых людей, социализации которых не уделяется должного внимания. Неудачи социализации, отклонение от социально одобряемых форм жизни, существование негативных культурных образцов тоже имеют свои корни в культуре.

Информационная функция культуры с некоторого времени тоже стала носить двоякий характер. До недавних пор, увеличение скорости объема распространяемой в мире информации считалось признаком прогресса. Однако, сегодня исключительно информации, обрушившийся на человека настолько велик, что сориентироваться в нем практически невозможно. «Информационные потоки захлестывают человека, но все больше информации – ненужная и непроверенная»[6, с.314] В результате этого, человек привык «не обдумывая информацию, просто ее потреблять», в следствии чего «возникает ситуация смысловой пустоты при одновременном заполнении сознания огромным количественном информации»[4, с.452]. Таким образом, чтобы найти в бесконечном море информации, доступной обывателю, нужную, приложить немало усилий, попутно фильтруя и перерабатывая массу лишней информации, не несущей для данного человека никакого смысла.

Похожая ситуация сложилась в сфере человеческого общения. Сегодня коммуникативная функция культуры работает на все сто

процентов. Ввиду появления и развития в сети интернет массы чатов, централизованной службы социальных сетей. любого пользователя сети появились сообщениями ISO, V неограниченные возможности виртуального общения со своими друзьями, единомышленниками, совершенно случайными людьми, находящимися в любой точке планеты. Сегодня человек, имеющий свободный доступ в интернет может себе позволить иметь порядка 500 активных контактов. С помощью СМИ любая новость облетает весь мир за секунды. Современный человек всегда в курсе происходящих в мире событий. Современный человек живет он-лайн. Но парадокс заключается в том, что современный человек бесконечно одинок. Общение в СМИ носит односторонний характер, а масса виртуальных контактов ввиду недостатка эмоциональности, предполагает дефицит живого общения. Так, имея тысячу друзей, человек фактически не имеет ни одного.

Крайне важно, чтобы каждая из функций культуры работала в унисон с прогрессом, в гармонии с развитием и жизнью общества. В частности это касается регулятивной функции культуры. «Нормативная недостаточность» может вести к росту преступности, падению нравственности. Однако «нормативная избыточность» в свою очередь ограничивает свободу, инициативность и творческую деятельность. В результате замедляются темпы развития общества, и наступает застой.[5]

Функция творческого созидания человеком артефактов в данном контексте заслуживает особенного внимания. Культура рассматривается в качестве средства сотворения человеком так называемой «второй природы» - мира искусственно созданных вещей и явлений. То есть, эта функция есть непосредственное отражение технического прогресса в мире. Все ведет к тому, что однажды сотворенная человеком «вторая природа» полностью вытеснит и заменит природу первую. Сегодня техника, захватившая все сферы деятельности человека, наносит невосполнимый урон окружающей среде. И это в принципе можно рассматривать как прогресс, в случае, если человек успеет обеспечить себе все необходимые условия для жизни на планете до того, как природа нанесет человечеству ответный удар. Функция творческого созидания человеком артефактов, на сегодняшний день, практически ничем не контролируется и является реальной угрозой жизни человека на Земле.

Итак, любое проявление культуры является функциональным по отношению к одному, и дисфункциональным по отношению к другому. Например, телевизионная реклама функциональна по

отношению к интересам коммерческих кругов и дисфункциональна по отношению к большинству телезрителей, сознанием которых она манипулирует и т.д.; рок-музыка является функциональной по отношению к потребностям современной молодежи и дисфункциональной по отношению к старшему поколению, воспитанному на других образцах музыкальной культуры.

Слишком активная работа функции культуры, равно как и недостаточно активная, может превратить ее в дисфункцию.

У любой из функций современной культуры есть оборотная сторона. Каждую из них в определенном контексте можно рассматривать как дисфункцию культуры. И в большинстве случаев причиной этому служат именно технический прогресс и культурные трансформации современности.

Список литературы:

- 1. Большой Российский энциклопедический словарь.- М.:Большая Российская энциклопедия.- 2003.-с.784.
- 2. Культурология: XX век: Словарь.-СПб.: Университетская книга.-1997.
- 3. Кутырев В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура//Вопросы философии 1996.-№11.-с.23.
- 4. Миронов В.В. Коммуникация глобальная// Глобалистика: Энциклопедия.- М.,2003.-с.452
- 5. По материалам сайта <u>www.krugosvet.ru</u>
- 6. Попкова Н.В. Антропология техники: Становление.-М., 2009.с.314

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ «НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ»

Тихонова Валентина Львовна

аспирант кафедры философии, Астраханский государственный университет, г. Астрахань E-mail: opera-15@mail.ru

Интерес к человеку, его мыслям, чувствам, переживаниям, оставался актуальным во все эпохи. Человек принадлежит какой-либо культуре и обществу, вне которых он существовать не может. Он

является творцом культуры, но в тоже время - ее продуктом, поэтому именно через его миропонимание можно определить культурную особенность эпохи, и познать самого человека, так как каждая культура создана определенным отношением человека к миру и к самому себе. Каждой культуре, принадлежащей конкретному обществу и эпохи, присущи свои особенности, которые оказывают влияние на глубинные структуры сознания людей, проявляющиеся в основном в бессознательных поступках и действиях повседневной жизни. Опыт Школы Анналов в исследовании скрытых в глубине сознания мыслительных структур представляет большой интерес.

Школа имеет множество различных течений, поэтому, сегодня ее чаще всего называют «Новой исторической наукой». Все ее направления стремятся воссоздать «живого человека» прошедших веков, путем изучения ментальной сферы, и объединяются они, по выражению У. Раульфа, интересом к тому, что «молчаливо признается данной культурой — к полусознательным представлениям и соответствующим им нормам поведения» [4, с. 7].

Новая историческая наука учитывает все многообразие сфер социокультурной практики человека в их системно-структурном единстве и целостности. В результате исследования выявляются особенности осознанных и неосознанных мыслительных структур и понятийных систем, присущих людям изучаемой эпохи. Возникающие под влиянием культурной среды представления и переживания людьми окружающего мира, оказывают влияние на конструирование ими своего социокультурного бытия.

Коллективное неосознанное, согласно Ф. Арьесу, есть «культурный субстрат, который в определенный момент оказывается общим для социума в целом и который не осознается или плохо осознается современниками»[4, с.29].

образом, проведения философско-Таки ДЛЯ культурологического анализа эпохи и конкретного общества, необходимо исследовать сознание и самосознание человека, что дает возможность реконструировать картину мира в сознании людей и выявить целостное влияние социокультурной среды на образ человека, его мышление, поступки и действия. Отечественный историк и культуролог А.Гуревич предложил использовать в качестве базисного лексикона культуры знаковую систему, выраженную в категориях культуры, представляющих собой набор основополагающих для данной культуры понятий. А. Гуревич утверждает, что категории культуры – это универсальные понятия, с помощью которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [4,12]. Он выделяет категории культуры двух типов: космические (время, пространство, причина, изменение, число, судьба и т.п.) и категории социальные (индивиды, социум, богатство, труд, собственность, свобода, право и т.п.).

Содержание категорий культуры задает образцы поведения и возможные направления их развития, формирует мировоззрение человека и отражает специфику системы ценностей эпохи и общества. Понимание категорий определяется соотношением неофициального и господствующего мировоззрения, профессионального и житейского опыта, различных культурных традиций и т. д. Поэтому их нельзя отождествлять с преобладающими религиозными, философскими и идеологическими установками в обществе.

Рациональное рассуждение выстраивается с помощью категориальных конструкций. Человек мыслит категориями, которые в обыденном отношении к сущему не осознаются и «не ощущаются....» [6].

Феноменология использовала термин «категориальное созерцание» для выражения «молчаливого» пользования категориями. С помощью молчаливого категориального созерцания человек воспринимает окружающий мир, переживает свое внутреннее бытие, организует свои действия и поступки, что и определяет его «культурное существование»[5].

Среди ученых, занимающихся исследованием в этой области, отсутствует единое мнение, касающееся дефиниции термина «ментальность», поэтому она не является некоей научной категорией, четко сформулированной и логически выстроенной. В структуру ментальности встроены понятия — категории, являющиеся средством анализа не только ментальности, но и социокультурной среды эпохи. Это пространство, время, причина, судьба, число, собственность, труд, богатство, индивиды, свобода, право и т. д.

Особенность мышления какой-либо эпохи определяет неповторимость каждой культуры, которую она созидает. Поэтому, по мнению одного из основателей Школы Анналов Л. Февра, как указывает А. Гуревич, необходимо исследовать «все, что причастно человеку, зависит от него, исходит от человека, выражает его, свидетельствует о нем»[2, с. 49] и для того, чтобы обнаружить следы человеческой мысли и деятельности необходимо тщательно исследовать язык символов и ритуалов, в которых выражались существенные аспекты поведения. Как указывал А. Гуревич, Л. Февр в процессе исследования мыслит категориями «эпохи» и «цивилизации» (во французском языке — это синоним культуры), воплощающие

единство различных сторон материальной и духовной жизни людей. Л. Февр изучал культурную особенность эпохи, психологические установки людей, природно-географические особенности окружающей среды как факторы, оказывающие влияние на восприятие людьми окружающего мира.

Для М. Блока, считает А. Гуревич, основной категорией исторического исследования является «общество», которое рассматривалось в единстве всех его компонентов, но социальная целостность выражается через человеческое сознание, в котором смыкаются все социальные феномены [2, с. 80]. Поэтому ментальность по Блоку, «входит в самую ткань социальной структуры» [2, с. 80]

По убеждению Ле Гоффа, через выявление моделей поведения человека, как представителя той или культурной среды, возможно определить представления людей, проникая в их сознание. Менталитет, как утверждает Ф. Граус, своим носителем не может быть отрефлектирован и сформулирован, а также он не является тождественным высказываемым мыслям и видимым образцам действия. Но исследования в области ментальности, как считает Ф. Граус, дают возможность объяснить даже то, что представляется странным и непонятным в культуре и истории других народов, например такие феномены как ведовство, легенды, мифы и т. д.

С точки зрения Динцельбахера, поведение человека формируется значительной мере именно неотрефлектированного «присвоения — интериоризации — исходного сознательного мыслительного багажа» [4, с.98]. Такова, по его мнению, вся история этических норм, например наше сегодняшнее сексуальности базируется отношение к на провозглашенных христианскими теологами еще в позднеантичные времена. За два тысячелетия они настолько «интериоризованы» [4, с.98], что принимаются в качестве норм поведения не только верующими, но и большинством неверующих людей. Нарушение этих норм может произойти только в виде сознательного слома табу.

По мнению О. Эксле, термин «менталитет» охватывает только повседневное сознание не учитывая «теоретическое» - научное знание теологов, философов и т. д., поэтому он предлагает заменить его термином «знание», имеющим более четкий смысл [4, с. 83].

История ментальностей в центр своих исследований ставит изучение всего постоянного, медленных изменений, растянутых во времени большой протяженности. Поэтому при изучении человека средних веков, представители Новой исторической науки особо

выделяли и рассматривали категории времени и пространства в представлении людей определенной культурной среды.

Они различают время разных социальных групп, например «время церкви», «время власти», «время синьора», «время горожан, «время крестьян» и т. д., которое в сознании представителей отдельных социальных групп и общностей хотя и преломляется по разному, но являются неотъемлемой составляющей культурной среды эпохи в целом.

Ле Гофф вводит понятие «долгого времени», связанного с архаическими формами сознания, проявляющихся в разных сферах являющиеся действительности. архетипы, категориями, Эти культурообразущими поведение людей и их сознания, проступают сквозь новые социальные формы и пронизывают всю культуру. Идея «длительного средневековья» возникла у Ле Гоффа, как утверждает А. Гуревич, под влиянием представлений Ф. Броделя о «времени большой продолжительности». Ф. Бродель считал, что историческая реальность подчиняется временным ритмам и развивается на разных уровнях. Протекание процессов в природном окружении связано с очень долгим временем; экономические изменения связаны с продолжительными циклами; политические события — с коротким, «нервным» временем [1].Ритмы изменений в духовной жизни, по Ф. Броделю, разнородны. Однако «ментальности — это темницы, в которые заключено время большой длительности»[1]. По мнению Ле Гоффа, «долгое Средневековье» длится с первых веков христианского летоисчисления до начала XIX века. Если говорить о высших духовных достижений элиты этого периода, то здесь прослеживается значительный динамизм. А что касается широкой массы общества, то их ментальность подвержена средневековому влиянию до конца указанного Ле Гоффом периода[1].

Подводя итог, можно сказать о том, что современный интерес к данному направлению исследования, указывает на желание общества вывести на поверхность сознания чувства и представления, скрытые в глубинах коллективной памяти[4,с.29] и таким образом исследовать целостное представление о человеке той или иной эпохи и конкретного общества через исследование ментальности. Глубинные основы культуры постигаются через «ментальный инструментарий», складывающийся из встроенных в него понятий — категорий, которые являются средством анализа не только менталитета, но и социокультурной особенности эпохи.

Список литературы:

- 1. Гуревич А.Я. «Жак Ле Гофф и «Новая историческая наука» во Франции [электронный ресурс]. Режим доступа: www.i-u.ru/biblio/archive/goff civilisacija/06.aspx
- 2. Гуревич А. Исторический синтез и школа «Анналов»: М. Нидрик, 1993. 328 с.
- 3. Гуревич А. Категории средневековой культуры: М. Искусство, 1984. -285
- 4. История ментальностей. Историческая антропология.: М. Российский государственный гуманитарный университет, 1996. 253 с.
- 5. Степин В. С. Статья: Философия и образы будущего Философия и образы будущего [электронный ресурс]. Режим доступа: http://works.tarefer.ru/91/100479/index.html
- 6. Хайдеггер М. Европейский нигилизм [электронный ресурс]. Режим доступа: www.gumer.info/bogoslov Buks/Philos

ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ПРИРОДЫ И АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Тищенко Нонна Дмитриевна

старший преподаватель кафедры английского языка, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, г.Чита E-mail: ol1537@mail.ru

Проблема целостного подхода к изучению природы человека и выявлению диалектики естественного и социального в его адаптации является важнейшим аспектом познания человеческого бытия. Её актуальность обусловлена, прежде всего, тем, что, достигнув высокого уровня научно-технического прогресса, материальной и духовной культуры, современная цивилизация вызвала глубокие преобразования в природном и социальном окружении человека, обусловив тем самым заметные изменения в его физической, психологической и духовной организации. Современный мир поставил человека в проблемную ситуацию — его биологические и социальные адаптивные механизмы подвергаются всё новым и новым испытаниям. И это понятно, так как, сохраняя и неся в себе всю историю природы и общества, человек

вынужден адекватно реагировать на их изменения в целях самосохранения.

Сегодня, когда перед человечеством встают такие глобальные проблемы, как угроза термоядерной войны, экологические и экономические кризисы, перенаселение планеты, обострение социальных противоречий, негативное влияние новейших технологий на личность и её духовность и множество частных проблем, касающихся физического и психического здоровья, всё большую значимость приобретают философско-методологические задачи, связанные с изучением человека во всём его внутреннем богатстве и многообразии с его обширными связями с окружающей средой.

Чрезвычайная сложность целостного подхода определяется особой спецификой и уникальностью человека по сравнению со всеми другими видами животного мира. О двойственной природе человека, биологической и социальной, написано множество трудов, однако среди авторов, выдвигающих различные гипотезы, нет единства в оценке процесса, который привёл к формированию современного человечества, — был ли это антропогенез или антропосоциогенез.

Подчёркивая уникальность человеческого вида, В. П. Алексеев отмечал, что она проявляется одинаково в биологии, географии и характере деятельности человека. В биологии это исключительно сложная популяционная и демографическая структура при сохранении полного, ничем биологически не ограниченного смешения. В географии это панойкуменное расселение, имеющее своим результатом образование исключительно разветвлённой барьеров собственно географического, системы генетических лингвистического, культурного, этнического и, в ряде случаев, даже характера. Масштабы социальной человеческого вида таковы, что они привели к принципиально новому взаимоотношению со средой и её коренному изменению, масштаб которого непрерывно и с огромной быстротой увеличивается [1, с. 1971.

Изучение проблемы адаптации человека представляет собой определённые трудности, так как охватывает широкий круг теоретических и практических вопросов, затрагивающих различные сферы человеческого существования. С одной стороны, сюда входит изучение характера взаимодействия организма с естественной средой обитания, исследование закономерностей и механизмов адаптации человека к различным природным факторам и климатогеографическим условиям. В последнее время в условиях неблагоприятной экологической ситуации особую остроту приобретают вопросы

адаптации человека к различным антропогенным факторам. В связи с этим, большое внимание уделяется изучению экологических аспектов заболеваний человека.

С другой стороны, процесс адаптации человека к изменениям естественной окружающей среды следует рассматривать через призму социальных условий. этого необходимо исследовать Для демографические процессы, изучать социальные факторы, негативно влияющие на здоровье человека. Урбанизация, стрессирующие психоэмоциональные и чрезмерные умственные нагрузки, негативное воздействие компьютера, телевизора и других технических средств, радиация, химическое загрязнение, курение, алкоголь, шум, наркомания, токсикомания, преступность и другие последствия научно-технического прогресса представляют особую опасность, так подрывают адаптационные как значительно человечества, нанося его генофонду непоправимый ущерб.

Таким образом, рассматривая проблему природы человека и его адаптации, необходимо учитывать, что, с одной стороны, человек – существо физическое, телесное, подчиняющееся основным законам биологической организации, с другой стороны, ему присущи сознание, разум, воля и свобода. Феномен внутренней свободы человека, его творческие потенции, поиск смысла жизни и смерти всегда находились в центре внимания научных и духовных учений. Такая многогранность и сложность природы человека является основной причиной постоянных поисков его сущности. Вопрос о том, что есть человек, остаётся важнейшим вопросом философии.

Осознание необходимости изучения феномена человека сформировалось далеко не сегодня. Можно сказать, что мыслители всех времён пытались найти ответы на вопросы, касающиеся природы человека и его взаимоотношений с окружающим миром.

В ходе своих рассуждений философы, в конечном итоге, приходили к осознанию того, что разгадать тайну бытия невозможно, не разгадав тайну о человеке. Говоря о невозможности познания мира вне его отношения к человеку, Гёте подчёркивал, что «человек знает себя лишь постольку, поскольку он знает мир, который он постигает только в самом себе и себя только в нём» [2, с. 276].

По представлениям великого гуманиста Пьера Тейяр де Шардена, наука должна взять за основу человека и прийти к пониманию того, что человек как предмет познания — «это ключ ко всей науке о природе» [3, с. 342].

Чрезвычайная сложность процесса изучения природы человека в своё время послужила поводом для выдвижения аргумента о

принципиальной непознаваемости внутреннего мира человека, его сущности. Данное утверждение легло в основу скептического отношения экзистенциализма к наукам о человеке. Отвергая идею о возможности целостного научного познания человека в единстве его интеллектуального физического, И духовного экзистенциалисты не сумели выявить диалектическое взаимодействие естественных и социальных факторов в структуре человека, который является одновременно и сложнейшим биологическим организмом, и общественным индивидом, субъектом познания, отражающим и преобразующим окружающий посредством трудовой мир деятельности.

Попытки определения сущности человеческой природы неоднократно. Многие стороны предпринимались соотношения естественного и социального в человеке были успешно разрешены. Вместе с тем, приходится признать, что на сегодняшний теоретико-методологического подхода единого формированию целостной концепции человека. Причина, на наш взгляд, кроется в традиционном разделении естественнонаучного и гуманитарного знаний, каждое из которых, используя свои методы исследования, создаёт отдельные, частные образы человека, игнорируя его целостную природу.

Сегодня уже нельзя отрицать, что проблема человека превратилась в общую проблему для всей науки в целом. Находясь в центре бытия посредством многочисленных связей и зависимостей, человек сумел объединить в себе механические, физические, химические, биологические и социальные закономерности; в нём нашли отражение природа и история.

Сегодня мы являемся свидетелями того, как признание человека центральной фигурой бытия способствует формированию принципиально новых отношений между науками о природе и обществе, возникновению пограничных дисциплин, которым происходит соединение многих, ранее далёких друг от друга, областей естествознания и истории, гуманитарных и технических наук, медицины и педагогики, психологии и генетики. Благодаря возникновению биофизики, молекулярной биологии, биохимии, кибернетики открываются новые возможности изучения человека. Однако общенаучный синтез является недостаточным. оптимального решения проблем цивилизации и адаптации необходим общекультурный синтез науки, искусства, философии, многообразных национальных и интернациональных культурных традиций.

Только так, на наш взгляд, можно приблизиться к проблеме целостного знания о человеке, его цивилизации и путях оптимальной системной адаптации. Только целостный подход к проблеме человека позволит более отчётливо проследить противоречивую взаимосвязь направлений антропосоциогенеза, различных компонентов И взаимообусловленность экологических, анатомо-физиологических и психологических демографических изменений человека, нейролингвистических процессов, генезиса труда и мышления и речи. Только такой подход позволит человеку раскрыть тайну своего происхождения, понять прошлое и на основе этих знаний обеспечить себе полноценную, гармоничную жизнь в настоящем и будущем.

Список литературы:

- 1. Алексеев В.П. Очерки экологии человека: Учебное пособие [Текст]. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 232 с.: ил.
- 2. Гёте. Избранные философские произведения. М., 1964.
- 3. Коротков К. Энергия наших мыслей: Как наши мысли влияют на окружающую реальность [Текст] / Константин Коротков. М.: Эксмо, 2009. 352 с.: ил. (Библиотека современных исследований).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Федулов Игорь Николаевич

к.ф.н., доцент, Волгоградский государственный педагогический университет, г. Волгоград E-mail: infedoulov@mail.ru

Для современной философии и методологии науки весьма важным представляется вопрос о правомерности выделения теории в гуманитарных науках в качестве самостоятельной единицы методологического анализа. Возможно ли существование теорий в социально-гуманитарных науках, которые бы по своей логической структуре, проверяемости, фальсифицируемости и прочим параметрам соответствовали бы теориям естествознания? На этот счет имеются разные точки зрения. С. Ларсен в двух своих работах, опубликованных в составе редактируемых им коллективных монографий [3, с. 11 - 52;

4, с. 7 - 18], придерживается мнения, что это в принципе возможно, хотя оговаривается, что «внешний вид» теорий может сильно различаться. Он определяет теорию как общее утверждение, определяющее причинно-следственное отношение (или корреляцию) между одной зависимой и одной или несколькими независимыми переменными [3, с. 30]. Легко видеть, что такое определение теории вполне соответствует определению, даваемому логикой [1, с. 333]. Здесь можно разглядеть и основополагающие принципы, и систему идеализированных объектов, и правила вывода, и сами вводимые законы. Однако с выделением и генерализацией указанных составляющих научной теории в гуманитарной сфере часто возникают трудности. Особенно трудная ситуация возникает при попытках эксплицировать законы в теле гуманитарной научной теории. Весьма распространенной является точка зрения, согласно которой установить законы в социальных науках невозможно из-за способности человека интерпретировать и использовать свое знание об обществе в своих интерпретации постоянно действиях. Поскольку изменений, испытывают влияние происходящих обществе, возникают явления, не могущие быть адекватно интерпретированы и объяснены на «языке прошлого». Поэтому-то и создание теорий, актуальных более или менее продолжительное время в общественных науках невозможно. Эту точку зрения поддерживали, в частности, Ч. Тейлор [10] и К. Поппер [7].

Л. Витгенштейн, напротив, усматривал невозможность построения полноценной теории в социо-гуманитарном знании в изменении не столько самой реальности, сколько языка и правил построения языковых конструкций, описывающих ее. «Наше использование языка определяется правилами, но правила — будучи институтами — динамичны, гибки социальными изменяться... причем, как и в каком направлении изменения будут осуществляться, предсказать невозможно... [Они] не основаны на рационально предсказуемых, универсальных образцах» [3, с. 27]. Поскольку же и явления, и их интерпретации, и сами правила языка исследователи неспособны сформулировать объясняющие существующие и прогнозирующие новые явления. Общим в данных точках зрения является то, что все они акцентируют изменчивость и не придают большого значения устойчивым, общим особенностям (инвариантам) в развитии знания, языка, интерпретации.

Критику возможности существования и выдвижения теорий в социально-гуманитарном знании на сегодняшний день можно свести к нескольким ключевым пунктам. Во-первых, возражения могут носить

идеологический характер. Каждая научная школа развивает свой собственный взгляд на процессы, происходящие в обществе, и, как правило, расходится во взглядах с представителями других школ. Хрестоматийный пример — советская обществоведческая школа, стоявшая на марксистских позициях, подвергала критике все теории, которые не использовали в качестве базовых постулатов идеи «классовой борьбы» и «экономического детерминизма» в развитии общества.

Во-вторых, возражения могут касаться особенностей универсализации и генерализации закономерностей. Спектр мнений достаточно широк: от частичного признания до полного отрицания постулатов строящихся теорий. И если представители умеренно антисциентистских течений все же допускают в принципе существование адекватных реальности теорий общества при условии, что удастся преодолеть все искажения в понимании подлинных мотивов поступков людей, то постмодернисты категорически отрицают саму возможность теоретического обобщения в социальных и гуманитарных науках. Мотивы поступков строго индивидуальны и не могут быть обобщены, поэтому универсальных взаимосвязей не существует. Исторические и культурные события, политические решения локальны и также индивидуальны и нерегулярны, кроме того, явно нерациональны и зависят от непрерывно меняющегося социального и культурного контекста. Кроме того, существуют научные школы (например, социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана), представители которых утверждают искусственность, «сконструированность» общественных отношений, которые в силу этого носят теоретически непредсказуемый, случайный характер. Очевидно, что утверждение этого равносильно отрицанию каких бы то ни было закономерностей в развитии общества. Мы полагаем, что факты, надежно установленные обществознанием, не подтверждают позицию социальных конструктивистов. Более того, нетрудно показать внутреннюю противоречивость подобной точки зрения: социальные отношения случайны, невозможно их систематическое изучение средствами науки и, следовательно, невозможно даже утверждать что они именно случайны, а не являются следствием законов настолько сложных, что они неподвластны нашему разуму.

Ну и наконец, третья группа возражений относится преимущественно к логике самой теории, и на наш взгляд является самой интересной и дискуссионной. При изучении социума нелегко (а подчас и невозможно) отделить часть от целого, а причину от следствия. Соответственно, простые «механистические» модели и

теории на практике работают очень плохо, если работают вообще. Традиционно именно эта особенность социально-гуманитарного знания (невозможность начинать изучение общественных культурных явлений с самых простых моделей, далее постепенно усложняя их) считалась главным среди того, что отличает его от знания естественнонаучного. Однако, с открытием квантовой физики, а позже и синергетики оказалось, что схожие логические проблемы имеются и у них. «Линейный» мир ньютоновской физики совсем не похож на сложный нелинейный мир синергетики, он вечно стремится к равновесию и в нем невозможна никакая самоорганизация. Поэтому усложнение линейных уравнений теоретической модели нелинейными членами настолько резко и кардинально изменяет ее поведение так, что следствия порой не берутся предсказать и сами исследователи. Иногда в подобных случаях говорят о хаотизации поведения системы и очевидно, что случайность (то есть невозможность прогнозирования) в этом случае — неотъемлемое свойство системы, а не досадное следствие неполноты знаний о причинах явлений, как думали когда-то.

В обществознании ситуация очень похожая. Экономистам (и не только им) известна модель «свободного рынка», изобретенная более двухсот лет назад, в которой невозможны ни глобальные резкие отклонения от равновесия (кризисы), ни самоорганизация, следствием которой является, например, образование транснациональных корпораций. Данный пример хорош тем, что даже непосвященному ясна несостоятельность этой модели. Более адекватная реальности фрактальная экономическая модель, имплицитно содержащая в себе и более высокую вероятность глобальных кризисов, и способность к самоорганизации, неизмеримо сложнее [5, 6].

Как же строится научная теория в социально-гуманитарном знании? Представители разных научных направлений и школ дадут разные ответы на данный вопрос. Однако, многие (если не большинство) из них предпочтут взять за основу хорошо разработанную методологию естественных наук, в связи с чем между структурой социально-гуманитарных и естественнонаучных теорий будут наблюдаться весьма четкие и недвусмысленные параллели. Так, например, А.В. Юревич, анализируя структуру теорий в психологии, выделяет двухуровневую организацию теории «центр — периферия» [9], также свойственную физическим теориям [8]. Кроме того, в психологических теориях также, как и в естественнонаучных, присутствует иерархия абстрактных объектов («образ реальности» → «центральная категория» → «центральный феномен»). Подобные

аналогии можно встретить в теориях из других областей социальногуманитарного знания.

Случайно ли это? Являются ли описанные параллели лишь естественнонаучной результатом использования побочным методологии при анализе гуманитарных теорий или они отражают объективно существующие закономерности в их структуре? Прежде чем ответить на данный вопрос вспомним, что теория всего лишь отражает некоторые наиболее существенные черты изучаемого явления и ни в коем случае не может претендовать на его исчерпывающее описание. Поэтому любая теоретическая модель есть некоторым образом ограниченная объективная реальность, построить теоретическую модель значит задать вполне определенное отношение ограничения на некотором множестве объектов. С точки зрения логики теоретической моделью является некоторое отображение, заданное на множестве всех возможных свойств изучаемого объекта. Поскольку количество свойств любого реально существующего объекта ничем не ограниченно, то процесс построения теоретической модели представляет собой ни что иное, как воплощение известного метода диалектики — восхождения от «абстрактного к конкретному» в форме ограничения количества рассматриваемых свойств и выделения среди них существенных зрения той теории. точки или иной Сформулированный в таком виде «принцип ограничений» был введен в арсенал философии и методологии науки С.В. Илларионовым еще почти полвека назад, будучи успешно примененным к анализу физических теорий [2]. Однако, как мы видим, указанный принцип может быть распространен и на область социально-гуманитарных наук.

Карлу Попперу приписывают авторство максимы, в сжатом виде звучащей как: «Теория запрещает». В такой формулировке она, по-сути, является концентрированным выражением введенного в обиход им же известного принципа фальсификации, определяющего границы применимости теорий и служащего для демаркации научного знания от ненаучного, претендующего на «всеохватность». Теория при помощи законов должна не только объяснять наблюдаемые феномены и предсказывать, что может случиться и действительно случается при определенных условиях, но и указывать на то, что при данных обстоятельствах произойти не может, давая своего рода «отрицательный прогноз». С этой точки зрения попперов «принцип фальсификации» и рассмотренный нами выше «принцип ограничений» эквивалентны. И именно эта их эквивалентность и позволяет нам

утверждать справедливость принципа ограничений не только как естественнонаучного принципа, но и как общенаучного.

В структуре теорий, относящихся традиционно к сфере гуманитарного знания, например, политологических (как, впрочем, и любых других), также можно проследить влияние «принципа ограничений» с той лишь разницей, что формулируемые запреты не выражены столь явно, как в естествознании. Они носят, скорее, статистический характер и являются тенденциями, отражаемыми в законах данной теоретической модели. Именно невозможность полной формализации теории в гуманитарных науках затрудняет экспликацию как позитивных, так и негативных утверждений. Тем не менее, и здесь возможны определенные суждения. Например, известный политологам эмпирически установленный кубический закон распределения мест в парламенте в соответствии с результатами голосования на выборах депутатских числа мандатов отношение двухпартийной системе равно (приблизительно) кубу отношения голосов, поданных на парламентских выборах за данные партии [3, с. 86]. Таким образом, множество возможных отношений числа мест в парламенте (вообще говоря, бесконечное) в рамках данной модели оказывается сильно ограниченным и, как следствие, конечным. При этом возможность эмпирической проверки данной теории напрямую зависит от того, насколько формализована теоретическая модель, то есть насколько однозначно указано отношение между причиной (в примере это отношение голосов, полученных парламентских выборах партиями) и следствием (отношением числа мест в парламенте). Указание на существование какой-либо не вполне определенной зависимости делало бы теорию бессодержательной, поскольку расширяло бы множество возможных вариантов реализующихся на практике отношений количества парламентских мест, практически исключая возможность установить зависимость между ним и отношением голосов избирателей и, тем самым, получить отправную точку для прогнозов в конкретных ситуациях. С другой стороны, указание квадратичную, логарифмическую, на пропорциональную и т. п. зависимость (т. е. ограничение модели тем или иным образом) уже позволяет проверять и предсказывать, относительно быстро отсеяв неподходящие зависимости путем сравнения с эмпирическими данными. Характерно, что в данной теории явным образом указаны границы применимости кубического закона (избирательные округа должны быть одномандатными, партий должно быть не больше двух), что наводит на мысль с возможными параллелями из области естественнонаучных торий.

Похожая ситуация складывается и в психологических теориях. Упоминавшийся нами выше А.В. Юревич указывает, что при построении психологических теорий наблюдается сходная ситуация. Общий образ психической реальности задается сквозь призму центральной категории теории (психика — это деятельность, психика — трансформация образов, психика — это поведение, психика — это взаимодействие сознательного и бессознательного и т.д.), что фокусирует внимание исследователей на одном определенном аспекте психики в ущерб другим и, таким образом, как нельзя лучше иллюстрирует действие принципа ограничений.

Возвращаясь к вопросу, поднятому в начале статьи, можно заключить, что имеются серьезные предпосылки полагать основные структуры естественнонаучных и гуманитарных теорий если не тождественными, то по крайней мере схожими. Структурная схожесть в свою очередь дает основания для унификации методологических и логических средств исследования теорий и открывает пути к межпредметным обобщениям. Предсказательные гуманитарных теорий определяются не только адекватностью теоретической модели реальности, но также и тем, насколько четко оформлена ее логическая структура. Не последнюю роль при этом играет степень формализации описываемых теорией закономерностей. Поскольку в гуманитарных и социальных науках не удается упростить объект настолько, чтобы исключить из поля зрения произвол, связанный со свободой выбора, то, следовательно, никогда не удастся получить жестко детерминированную закономерность, обладающую максимальной предсказательной силой. Тем не менее. прогнозирование в этой области знания вполне возможно, если под ним понимать вероятностный, статистический прогноз.

Вспомним, что именно предсказательная, прогностическая способность теории не в последнюю очередь способствовала тому, что философы и методологи науки в свое время в большинстве своем признали ее основной структурной единицей методологического анализа естественнонаучного знания. Поэтому, опираясь на сказанное в настоящей работе, мы полагаем, что теория сохраняет свой методологический потенциал также и в сфере гуманитарных наук. Причем для прогнозирования необходима четко очерченная (ограниченная) формальными средствами модель изучаемого явления; от степени формализации модели зависит простота верификации выводов самой теории.

Список литературы:

- 1. Теория // Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
- Илларионов С.В. Принцип ограничений в физике и его связь с принципом соответствия. // Вопросы философии, 1964 г., №3. С. 96 – 105.
- 3. Ларсен С. Введение // Теория и методы в современной политической науке / Под ред. С. Ларсена; Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009.
- 4. Ларсен С. Введение // Теория и методы в социальных науках / Под ред. С. Ларсена; Пер. с англ. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
- 5. Мандельброт Б., Хадсон Р.Л. (Не)послушные рынки: фрактальная революция в финансах. Пер с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. 400 с. ил.
- 6. Мандельброт Б. Фракталы, случай и финансы. Пер с англ. Москва Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2004. 256 с.
- 7. Поппер К. Нищета историцизма. // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 29-58.
- 8. Степин В.С. Теоретическое знание: структура и историческая эволюция. М., 2000.
- 9. Юревич А.В. Структура теорий в социогуманитарных науках. // Наука глазами гуманитария. / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 688 с. С. 202 228
- 10. Taylor C. Philosophical Papers. 2 vol. Cambridge, 1985.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ «МАССОВОГО ОБЩЕСТВА»

Харьковская Ирина Николаевна

преподаватель ФГОУ СПО «Астраханский автомобильно-дорожный колледж», г. Астрахань E-mail: aadk@astranet.ru

«Массовое общество» – это техническое, информационное общество, которое с помощью новейших технических и

технологических средств производит не только материальные блага, но и социальные, нравственные и эстетические эффекты, притягивающие массы.

Через массовую культуру оно манипулирует не только чувствами человека, но и его разумом, ограничивает его пассивным восприятием, потреблением, не направляя к действию. Тем актуальнее становится проблема личностного становления человека, формирования его потребностей, интересов, общечеловеческих ценностей.

Существующая система образования с ее акцентом на передачу определенной суммы знаний также зачастую игнорирует единый смысловой стержень, без которого информация сама по себе не способствует формированию личности. Результатом этого может стать духовная пустота человека, утрата его самоценности, такого человека можно повернуть в любом направлении.

Особенно эта проблема касается молодых людей. Практика показывает, что из всех философских систем философия молодых больше всего напоминает постмодернизм: стремление к сверхновому, протест против «устаревших» ценностей, тех или иных устоявшихся общественных порядков, опора на воображение, фантазию, конструирование виртуальной реальности в противовес строгой логичности и т.д.

Анализ используемой нами литературы свидетельствует о наличии двух противоречивых тенденций: с одной стороны, большинство авторов считают, что «массовое общество» бросает вызов человеку как духовному существу; с другой, мы видим, что наступление XXI века ознаменовано растущей озабоченностью духовным состоянием как мировой цивилизации в целом, так и современного российского общества в частности.

К этой же проблеме поиска нравственности, стремления к пониманию и преобразованию мира и человека в соответствии с духовными традициями общества привлекают внимание церковь, политические, общественные деятели и философы. Интересной с нашей точки зрения является мысль французского философа-экзистенциалиста Жана Поля Сартра о том, что человек, существуя, находит себя свободным, он сам должен принять решение и определить, какого рода личностью собирается быть. Речь идет о выборе человеком самого себя. Что он предпочитает: эгоизм или альтруизм; добро или зло? Однако мы не совсем согласны с Сартром в том, что этот фундаментальный выбор не может быть рационально обоснован, что с этим выбором связана определенная произвольность,

и фундаментальный выбор индивид совершает предоставленный самому себе. Мы считаем, что в своем внутреннем бытии индивид связан с обществом в первую очередь через социализацию.

Мы склоняемся к мнению X.Ортеги-и-Гассета, который писал:

Мы склоняемся к мнению X.Ортеги-и-Гассета, который писал: «Мы не пущены в мир, как пуля из ружья, по неукоснительной траектории. Вместо единственной траектории нам дано множество, и мы соответственно обречены... выбирать себя. Жить... — это вечно решать, чем ты станешь в этом мире» [2, с. 83].

Исходным положением современной науки и философии является мысль о том, что каждый человек представляет собой уникальное цельное образование, неповторимую личность.

Каждому человеку присуще врожденное стремление к актуализации своих природных способностей, поиску смысла жизни и жизненного пути. Но человеку, особенно молодому человеку, необходимо помочь понять себя, разобраться в своих проблемах и мобилизовать свои внутренние силы и возможности для их решения и саморазвития.

Деятельность — единственный путь и возможность формирования личности. В любой деятельности человеком ставится задача достигнуть того, чего он хочет. В желаниях выражаются его потребности и интересы. Из предложенного набора потребностей (20 наименований) опрашиваемым студентам предлагалось выбрать 3 наиболее важных для них. Более 80% респондентов показали реактивный (низкий) уровень интегральной индивидуальности — они нуждаются лишь в удовлетворении витальных (жизненных) потребностей.

Интересная деталь: среди тех, кто сделал выбор в пользу социальных потребностей и потребностей престижа оказались студенты, имеющие, как принято говорить, активную жизненную позицию: члены совета самоуправления, члены молодежных общественных организаций, участники досугового центра и другие. А это значит, что деятельность, причем активная, творческая деятельность, способствует осознанности отношений человека и общества, ведет к правильному формированию личностной направленности. Этой же цели, с нашей точки зрения, способствует создание креативной творческой и учебной атмосферы в процессе создание проектов, проведение исследовательской работы, конкурсных мероприятий, деловых игр, совместных выступлений на конференциях, подготовки презентаций, публичных выступления на радио и т.д., когда образуются новые неформальные социальные молодежные группы. Студенты готовятся к определенным

мероприятиям, нацелены на определенные результаты, они творят – это главный мотив их деятельности.

Зрелая личность — это, помимо прочего, и активный общественный деятель. В течение 3-х лет мы занимались проблемой политической социализации и политического участия молодежи. Результаты опроса свидетельствуют о постепенном нарастании интереса к политике и различным формам политического участия именно среди «рядовых» или «массовых» личностей.

С другой стороны 40% респондентов смогли назвать более двух десятков прав и свобод личности, но крайне затруднялись назвать свои обязанности, к сожалению, приходится сталкиваться и с политическим нигилизмом, молодые не хотят принимать такие понятия как «норма», «долг», «обязанность».

Большой спектр прав без соответствующего дополнения их обязанностями чреват опасными последствиями не только для общества (в первую очередь, это неуважение к закону, его непринятие и отрицание), но и для формирования и развития самой личности. Недисциплинированность, распущенность, потребительское отношение ко всему окружающему, противопоставление личных интересов интересам коллектива — вот следствия такой позиции, вот те черты современного «массового человека», о которых мы вспоминаем в первую очередь, хотя и не всегда справедливо.

Основные функции личности — творческое освоение общественного опыта и включение человека в общественные отношения. Все стороны личности обнаруживаются не только, как уже отмечалось, в деятельности, но и в отношениях с другими людьми.

В 2008 году (был объявлен в России годом семьи), мы провели небольшое исследование: «Моя семья». В опросе приняли участие 264 человека. Настораживает тот факт, что идеальный образ семьи есть только у 11% респондентов, причем у 8% он копирует образ той семьи, в которой человек живет, только 23% опрошенных знают историю своей семьи, интересуются семейными реликвиями, лишь 32% респондентов предпочли семейный отдых отдыху с друзьями (да и то скорее всего, объясняется лучшими материальными это, возможностями родителей для обеспечения такого отдыха). Как актуально звучат сегодня слова Х.Ортеги-и-Гассета, написанные более полувека назад о том, что психологический портрет «массового человека» характеризуется двумя штрихами: «беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной натуры, и, второе, врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь» [2, с. 68].

Конечно, наши респонденты находятся на таком возрастном этапе социализации, когда семья уже не играет определяющей роли, но семья с ее общественным мнением, традициями, обычаями незаменима как фактор формирования обобщенного положительного опыта, социально значимых умений и навыков общественного поведения.

Наверное, поэтому нам все чаще приходится сталкиваться с грубостью, лицемерием, а иногда и насилием этих «самодовольных недорослей» по отношению к родителям и другим членам семьи, а с другой стороны с бессилием, апатией, неспособностью разрешать конфликт поколений со стороны родителей.

Сегодня общество переживает серьезный нравственный кризис и, пожалуй, самое серьезное испытание. Испытание рынком, массовостью и доступностью. «Только нравственность в наших поступках придает красоту и достоинство нашей жизни», — писал А.Эйнштейн [1, с. 226].

«Безнравственность нынче стала ширпотребом. Массовый человек попросту лишен морали», – утверждал Х.Ортега-и-Гассет [2, с. 84]. Как разрешить эту дилемму в обществе, где нравственные ценности, прежние стандарты поведения размыты, герои низвергнуты, а СМИ навязывают «массовые» образцы и стандарты жизни. «Вина на нас, построивших такое общество, где досуг молодежи замыкается треугольником: пиво, мат, телеюмор... Духовная нищета гораздо страшнее нищеты физической, потому что необратима», – с такими словами обратился недавно к астраханцам наш земляк писатель Юрий Щербаков [3].

Если исходить из того, что нравственность представляет собой внутреннюю установку индивида действовать согласно своей совести или согласно своим принципам, основывающимся на свободной воле и подразумевающим принятие на себя ответственности за свои поступки, несомненный интерес представляют данные мониторинга воспитательной работы в группах по результатам диагностики личностного роста, проводимой психологической службой колледжа. Мы видим, что молодые люди осторожны в своих действиях на благо других, культурные формы поведения рассматриваются ими как нечто догматичное, идущее от мира взрослых, а потому обременяющее их повседневную жизнь. Заботу родителей они воспринимают как само собой разумеющееся, а, разделяя идеи мира ненасилия, они считают, что в отдельных случаях применение силы оправдано.

Однако мы видим и другое: за год обучения в колледже есть хоть и небольшой, но устойчивый рост практически по всем показателям, что позволяет нам присоединиться к словам писателя

Ю.Щербакова: «Хочу надеяться, что пророчат когда-нибудь капли добра и светлой радости камни равнодушия и злобы, в которые эпоха безудержного стяжательства превращает людские души» [3].

Список литературы:

- 1. Канке В.А. Основы философии. Учебник. [Текст]/В.А. Канке. М.: Логос, Высшая школа, 2000.
- 2. Ортега-и-Гассет X. Восстание масс//Дегуманизация искусства и другие работы. M., 1991.
- 3. Родное слово. Газета астраханских писателей №1 (48), октябрь 2010.

ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Хахалева Ольга Александровна

преподаватель английского языка, кафедра Делового иностранного языка, Красноярский Государственный Аграрный Университет, г. Красноярск

E-mail: Gold23@inbox.ru

С 70-х годов XX века темпы развития мировой цивилизации определяются значительным ростом информации в жизни общества. Основной причиной является развитие компьютерной техники и компьютерных технологий, что позволило в корне изменить производство.

Главным признаком нового переворота выступают изменения в телекоммуникационных средствах общения. Электронновычислительные машины, объединяемые в глобальные компьютерные сети, революционизируют способы преобразования информации. Суть глобальной проблемы, которая актуальна для всех людей, состоит в том, что скорость изменений, происходящих в различных областях человеческой деятельности настолько велика, что люди не успевают их усваивать и осмысливать. К обмену новостями или информацией люди стремились во все времена, даже в доисторические. Новые информационные технологии открывают следующую страницу в развитии науки и жизни научного общества в целом. Электронная почта, компьютерные конференции обеспечивают возможность

тесного контакта ученых, интенсивного обсуждения интересующих проблем.

Информатизация научных исследований - это реализация комплекса мер, направленных на обеспечение полного и своевременного получения достоверных знаний об объектах исследований.

Информатизация образования является ключевым условием подготовки специалистов, способных ориентироваться в окружающем мире. В сфере этой деятельности претерпевают смысловое наполнение базовые задачи образования. Информатизация образования - процесс, в котором политические, социально-экономические, технологические и правовые механизмы тесно связаны на основе широкого применения ЭВМ, средств, систем коллективной и личной связи. Целью информатизации является развитие интеллектуальной деятельности, обеспечивающей свободный доступ индивида ко всем видам, формам и уровням учебных знаний [2, 25].

Компьютерное моделирование - эффективное средство обучения. Полезным средством может быть компьютер и при изучении тем, требующих усвоения большого объема цифровой и иной конкретной информации. Компьютеры дают новые возможности хранения хода и результатов решения многообразных задач, включая допускаемые при этом типичные ошибки. Помимо развития индивидуальных форм обучения будут появляться и новые формы совместного обучения.

Компьютеры выступают средством общения людей. Наиболее универсальным средством компьютерного общения является электронная почта, которая позволяет пересылать сообщения практически с любой машины на любую. При помощи компьютеров проводятся конференции, самая большая - USENET - объединяет сотни тысяч машин по всему миру [6].

INTERNET - глобальная компьютерная сеть, охватывающая весь мир, обеспечивает связь различных информационных сетей.

Средства массовой информации позволяют создавать процесс распространения информации на численно большие аудитории. Это является средством идеологического, политического, экономического и другого влияния на психику и массовое сознание. Феномен массовой культуры, создание психотропного оружия есть новые проблемы, вызванные средствами коммуникаций. С появлением телевидения возникло новое «телевизионное поколение» детей. При этом средства воздействия различны - от убеждения и внушения до информирования. При этом расширилась информационная среда. Средства

коммуникации позволяют расширить круг общения, далеко выйти за рамки непосредственного окружения, служат интеграционным средством, они могут служить как развитию личности, так и ее разрушению.

Информатизация привела к созданию всемирной компьютерной сети и связанным с ней проблемам, отставанию технической базы от вала информации. При этом каждому доступна практически любая необходимая ему информация. Это, с одной стороны, должно привести к росту творческих возможностей, но при этом возникают проблемы человеческого общения, семейные проблемы, новые преступления, связанные с компьютером: знакомства с преступной целью, обман, маньяки, которые находят жертв через интернет. Равновесие сторон становится все более неустойчивым, формируются новые этические личности, происходит ценности при ЭТОМ профессиональной структуры общества за счет увеличения доли занятых в сфере коммуникации. Так же встает вопрос о хранении информации. Когда рабочее место дома, нет необходимости строить здания для управления процессом, снижается потребность в транспортных средствах, происходит постепенный уход человека в виртуальный мир, возникает отстранённость человека от реальной жизни. Появилась возможность хранения досье на членов общества, их контроль [7, 58].

В связи с влиянием технократизма на развитие общества, происходят изменения и переоценка ценностей. Общее признание получает личность, способная перерабатывать большой поток информации, обладающая информационно-коммуникационными навыками. Происходит переход к новым формам занятости (в сфере ІТ-технологий программирования, управления И персоналом/программист-аналитик, системный администратор, специалист по контролю обслуживания клиентов и т.д.). Идет процесс формирования новых трудовых ресурсов (проектирование, установка и сопровождение различного ПО, создание и программирование Webсайтов, консультирование и техническая поддержка пользователей) за счет увеличения количества занятых в информационной индустрии. Интерес вызывают свободные отношения в коллективе, сетевые типы организации, самоуправление, партнерство, выгодные контакты, самоутверждение.

Наука и техника, научно - технический прогресс, будучи величайшими достижениями современности, являются наиболее конкретизированным выражением человеческого разума, и вместе с ним подвергаются испытаниям.

Всего полвека назад наука функционировала с процессами, которые развивались в сфере производства, не затрагивая общественные основы жизнедеятельности людей. Несмотря на блестящие достижения естествознания, исследования в глазах многих оставались занятием, важности которого можно было отдавать должное, но которое нельзя было в широких масштабах включать в сферу деловых интересов. Соответственно, и деятельность ученых продолжала восприниматься традиционно - лишь как непонятный широким кругам труд одиночек, занятых созерцанием явлений природы. Положение изменилось после того, как в Лос-Аламо было взорвано первое ядерное устройство. Стало очевидным, что даже самые абстрактные разделы науки имеют тесную связь с социальноэкономической жизнью, с политикой [1].

Однако, непосредственное влияние науки на дела людей обнаруживается не только в том, что от военного применения ее открытым оказался вопрос жизни или смерти человечества; голос ее слышен общественности не только через атомные взрывы. Непосредственно характер этого влияния дает о себе знать в сфере созидания, в повседневной жизни населения. Какие это будет иметь последствия для самого человека и общества, в котором мы живем, и какие реальные, не требующие отлагательства социальные и человеческие проблемы возникают в связи с этим сегодня? Если попытаться коротко ответить на поставленные вопросы и определить, тем самым, главную социальную проблему, то ответ может звучать так: чем выше уровень технологии производства и всей человеческой деятельности, тем выше должна быть степень развития общества, самого человека в их взаимодействии с природой [5].

Подобный вывод был сделан давно: выявлена глубокая взаимосвязь развития науки и техники и социальных преобразований, а также развития человека, его культуры, включая отношение к природе. Новый тип развития науки и техники до предела обостряет возникшие проблемы, требуя именно высокого соприкосновения: новой технологии с обществом, человеком, природой, причем, это становится уже не только жизненной необходимостью, но и непременным условием как эффективного применения этой технологии, так и самого существования общества, человека, природы. Эта проблема имеет широкое значение в современных условиях, так как от того, как она решается, зависит построение стратегии научнотехнического прогресса как силы, которая может либо угрожать, либо способствовать развитию человека и цивилизации. И на пути

осознания гуманистической направленности науки оказываются идеалы технократизма.

Интенсивное техническое и научное развитие открывают перед человечеством возможность эволюции в сторону создания так называемого «научного общества». Вся дальнейшая судьба человека зависит от того способа, посредством которого он подчинит себе последствия научно-технического развития. Все зависит от того, что из нее сделает человек, чему она служит, в какие условия он ее ставит. Техника не зависит от того, что может быть ею достигнуто, она лишь игрушка в руках человека. А её использование создает принципиально новую ситуацию в сфере производства, быта, отдыха, и меняет мировоззрение и психологию людей [7].

Человечество неотвратимо вступает в информационную эпоху. Одним из критериев перехода общества к постиндустриальной стадии развития может служить процент населения, занятого в сфере услуг:

- если в обществе более 50% населения занято в сфере услуг, наступила постиндустриальная фаза его развития;
- если в обществе более 50% населения занято в сфере информационных услуг, общество стало информационным.

По подсчетам науковедов, с начала нашей эры для удвоения знаний потребовалось 1750 лет, второе удвоение произошло в 1900 году, а третье - к 1950 году, т.е. уже за 50 лет, при росте объема информации за эти полвека в 8-10 раз. Причем эта тенденция все более усиливается, так как объем знаний в мире к концу XX века возрастет вдвое, а объем информации увеличится более, чем в 30 раз. Это явление, получившее название «информационный взрыв», указывается среди симптомов, свидетельствующих о начале века информации и включающих:

- быстрое сокращение времени удвоения объема накопленных научных знаний;
- превышение материальных затрат на хранение, передачу и переработку информации аналогичных расходов на энергетику;
- возможность впервые реально наблюдать человечество из космоса (уровни радиоизлучения Солнца и Земли на отдельных участках радиодиапазона сблизились).

Наиболее полным представляется взгляд на информатизацию как «системно-деятельностный процесс овладения информацией как ресурсом управления и развития с помощью средств информатики с целью создания информационного общества и на этой основе - дальнейшего продолжения прогресса цивилизации».

По мнению ряда авторов, процесс информатизации включает в себя три взаимосвязанных процесса:

- медиатизацию от лат. mediatus выступающий посредником процесс совершенствования средств сбора, хранения и распространения информации;
- компьютеризацию процесс совершенствования средств поиска и обработки информации;
- интеллектуализацию процесс развития способности восприятия и порождения информации, т.е. повышения интеллектуального потенциала общества, включая использование средств искусственного интеллекта.

Социальная информатизация часто понимается как развитие информационно-коммуникативных процессов в обществе на базе новейшей компьютерной и телекоммуникационной техники. Информатизацию трактовать общества надо как развитие, качественное совершенствование, радикальное усиление с помощью современных информационно-технологических средств, когнитивных (от лат. cognitio - знание, познание) социальных структур и процессов. Информатизация должна быть «слита» с процессами социальной интеллектуализации, существенно повышающей творческий потенциал личности и ее информационной среды [5].

При обсуждении в конце 80-х гг. концепции информатизации страны учеными и специалистами выделялась главная мысль о концепции развития общества, всех его структур, что информатизация - спутник демократизации и невозможна без нее.

Идущий во всем мире процесс становления и развития информационного общества носит объективный характер и не может не затрагивать «извне» нашу страну, но слабые успехи демократизации нашего общества приводят к отсутствию серьезного социального заказа «изнутри» на совершенствование информационной среды.

Из всего вышесказанного можно сделать заключение, что на данном этапе развития перед обществом как никогда остро стоит проблема информатизации. Противоречивый процесс всеобщей компьютеризации и информатизации грозят тяжёлыми социальными последствиями. Исчезает разнообразие идей, исчезает творческий подход к труду, снижается качество образования. В отличие от традиционного общества, сейчас наиболее ценным продуктом человеческой деятельности становится информация и связанная с ней интеллектуальная собственность, в которой воплощены огромные затраты средств, времени и труда. Существенные изменения

структуре происходят социальной общества: мобильность основанной на высоких технологиях, экономики, привела к возрастанию социальной мобильности в обществе, поскольку теперь преимущество в продвижении по лестнице социальной иерархии имеет индивид, получивший необходимое образование и имеющий доступ к новейшей информации. Особенно важным обстоятельством является то, что в связи с этим меняется психология человека, где чувства «притупляются» и уходят глубоко вовнутрь его. Постоянно живя в виртуальном пространстве и, общаясь на «ты» с машиной, у человека, особенно молодого, заглушается эмоциональная сторона психики и одновременно формируется безразличие к миру человеческих чувств. Все это ведет к всё большему оскудению духовной жизни. Наблюдается общий ценностный и нормативный кризис у молодежи. Потеря ориентации в ценностно-нормативной системе вызывает у молодежи либо чувство растерянности и утраты смыслообразующих ориентиров, либо стремление любой ценой добиться в жизни успеха и материального благополучия, надеясь при этом не на государство или власть, а исключительно на себя и свою семью.

Однако, необходимо признать также и огромное положительное влияние компьютеризации и информатизации на общество. Наше общество становится информационным, а отсюда следует, что оно становится более цивилизованным, более развитым, любой индивид может получить доступ к практически неограниченным объёмам информации. Наше общество становится всё более образованным.

Список литературы:

- 1. Васильев Р.Ф. Охота за информацией. М., 1973. 20 c.
- 2. Вовканыч С.И., Парфенцева Н.А. «Социальный интеллект»: метафора или научное понятие? // Социс, 1993. № 8. 153 с.
- 3. Громов Г.Р. Очерки информационной технологии. М., 1993. 19-20 с.
- 4. Закон об информации, информатизации и защите информации // Российская газета, 22 февраля 1995 года.
- 5. Коган В. 3. Теория информационного воздействия. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1991.
- 6. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М., 1991.-217 с.
- 7. Урсул А.Д. Информатизация общества и переход к устойчивому развитию цивилизации // Вестник РОИВТ, 1993. № 1-3. 35-45 с.

ХРИСТИАНСТВО И ПЛАТОНИЗМ В ПОИСКАХ ПОДЛИННОГО ОСНОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИИИ

Хитрук Екатерина Борисовна

к. филос н., старший преп., Томский государственный университет, г. Томск

E-mail: <u>lubomudr@vtomske.ru</u>

Общий контекст зарождения и развития христианской мысли наиболее точно может быть обозначен понятием «христианский платонизм». Данное понятие носит антиномичный характер, так как вскрывает проблематический характер соотношения христианского опыта и идеалистической метафизики.

По общему представлению, в философии Платона разработан уникальный категориальный и методологический базис, который представляет собой оптимальный инструментарий для перевода на философский язык истины религиозного опыта. Однако, по мере того как христианская мысль начинает использовать этот инструментарий для систематизации своего вероучения и теоретической репрезентации церковного опыта, она обнаруживает его неотделимость от платонической онтологии, в сущности противостоящей христианской.

Так без отрицания сложности данного вопроса восточнохристианская позиция в отношении связи святоотеческой мысли и платонизма выражена известным богословом русской эмиграции В.Н. Лосским, утверждавшим преодоление и «освящение» греческой философии через использование ее категориального аппарата для раскрытия истины христианского откровения: «...богословие должно выражать себя на языке вселенском. Не случайно же Бог поместил отцов Церкви в греческую среду: требование философской ясности в сочетании с требованием глубины гносиса побудило их очистить и освятить язык философов и мистиков, дабы сообщить христианскому благовестию ... все его вселенское значение» [4, с. 203].

Однако само закрепление в истории термина «христианский платонизм» указывает на то, что такое «освящение» и «преодоление» не прошло безболезненно. Начиная с «Правдивого слова» Цельса, обвинения в так называемом платонизме неизменно обращаются в адрес христианских мыслителей: «...христианство есть только платонизм «для народа»» [6, с. 152], - утверждает вслед за Цельсом и Ф. Ницше. Потому только осторожно вдумываясь в это понятие и прослеживая с его помощью историю христианского богословия

можно выявить всю, кроющуюся за этим выражением, драму христианской мысли.

Современный исследователь А.Г. Тихолаз, полемизируя с В.Н. Лосским, обращает внимание на сложность разделения метода и содержания в рамках философской системы: ««Язык философов» - не набор букв, не бессмысленный алфавит, которым могут пользоваться для выражения любых мыслей на любом языке. И платонизм во всех его исторических модификациях никогда не был совокупностью формальных «методов» и «терминов», которыми по желанию можно было «пользоваться». Метод философского учения является имманентным способом саморазвертывания его содержания. Всякое «использование» платонизма неизбежно оборачивалось платонизацией «пользователя». И именно история раннехристианского богословия дает тому немало примеров. При более трезвой оценке отношений раннехристианского богословия и платонизма эти отношения должны быть названы как минимум, неоднозначными» [11, с. 87].

Наиболее острым пунктом во взаимоотношениях христианского и платонического мировоззрения является вопрос о роли телесного начала в человеке. Платонизм утверждает негативный характер телесности как внешнего по отношению к человеку (то есть бессмертной душе) элемента: «пока мы обладаем телом и душа наша неотделима от этого зла, нам не овладеть полностью предметом наших желаний. Предмет же этот, как мы утверждаем, - истина...» (Платон «Федон»; 66, b) [8, c. 20].

В противоположность этому идеалу преодоления телесности христианство настаивает на идеале преображения. Человек с точки зрения христианской антропологии не есть душа, вообще подобное расчленяющее видение совсем не характерно для христианской мысли, для которой ведущей установкой является целостность человеческой природы. Так Л.А. Успенский в работе «Богословие иконы православной Церкви» пишет: «...единение, сотрудничество, синергия человека с Богом предполагает сохранение человека во всем его духовно-душевно-телесном составе. Человек в полноте своей природы неразделим и весь участвует в освящении и преображении... В духовном опыте православия преодолено древнее и постоянное противопоставление духа и материи: и тот, и другая объединены в общей причастности к тому, что превосходит и то, и другое» [12, с. 193].

Ориген - представитель раннехристианской мысли, который первым предпринял серьезную попытку философской систематизации христианского учения. Однако, он так и не был причислен к отцам

Церкви. Причиной этого послужил платонизм, оказавший серьезное влияние на мысль этого незаурядного человека.

Ориген, желая философски раскрыть и систематизировать христианское учение и «используя» для этой цели достижения греческой философии, не смог увидеть и преодолеть наиболее острое противоречие платонической и христианской онтологии. Утверждение необходимости преодоления материального начала стало неотъемлемой чертой его философствования.

Многие исследователи фиксируют в Оригене антиномию личности-христианина и мыслителя-платоника. Так, например, известный отечественный философ В.С. Соловьев отмечает, что «хотя Ориген был и верующим христианином, и философски образованным мыслителем, но он не был христианским мыслителем или философом христианства; вера и мышление были у него связаны в значительной степени лишь внешним образом, не проникая друг друга» [13, с. 341-342]..

Поэтому, не смотря на огромный авторитет Оригена при жизни, кончины подозрения вскоре относительно уже после его «православности» отдельных элементов его учения возросли, появились целые трактаты в опровержение его идей, имеющих платонические истоки. Далее (543г) он был объявлен еретиком, в результате чего большее количество его трудов было забыто, утеряно и не дошло до нашего времени. Однако, как отмечает прот. Иоанн Мейендорф: «Хотя Ориген и был осужден Церковью, но без знания его учения невозможно понять логику развития христианского богословия первых пяти веков, так как его учение лежит в основе всех основных течений восточной православной мысли того времени» [5, с. 9].

Обращение к теме соотношения христианского и платонического взгляда на человека в учении Оригена необходимо переводит рассуждение в область эсхатологии. Представление о будущем воскресении мертвых является наиболее уязвимым элементом для «христианского платонизма», так как именно оно выявляет невозможность совмещения христианского и платонического отношений к телу. Поэтому эсхатология Оригена явилась объектом серьезной критики таких отцов как Мефодий Патарский, Епифаний Кипрский, блаженный Иероним Стридонский...

Материя для Оригена имеет характер вынужденного бытия, так как появляется только в результате грехопадения и должна быть преодолена по мере приближения отпадших созданий к Богу: «При сотворении все разумные твари представляли собой бесплотные и нематериальные «умы» без имени и числа... Но затем, утратив желание

божественной любви и созерцания, они изменились к дурному: каждый в меру своей склонности к отпадению от Бога. И они восприняли тела, тонкой субстанции или грубее, и приобрели имена... Разумные твари, охладев к божественной любви, были названы душами и в наказание облеклись более грубыми телами, подобными тем, какими владеем мы, и им было дано название «людей», тогда как те, которые дошли до крайности злодеяний, оделись холодными и темными телами и стали теми, кого мы называем демонами или же «духами злобы»... Душа получила тело вследствие прежних грехов, в наказание или отмщение за них» («О началах», кн. 1, гл. 5, пар. 3; гл. 7, пар. 3...) [7, с. 118].

Материальное лишено самостоятельной реальности, является тем, что должно быть преодолено. Следствием этого является и релятивизм Оригена, онтологический считавшего. существенного отличия между ангелами и людьми, существует лишь различие в степени удаленности их от Божественного начала: «Из всяких разумных тварей могут соделываться всякие, не единожды и внезапно, но часто, и мы и ангелами будем и, если станем поступать небрежнее, и бесами» [2, с. 73]. Как видно из приведенной цитаты тело, каким оно дано в эмпирической реальности, совсем не является неотъемлемым элементом человеческого естества. «Потому, - как утверждает Ориген, - мы принуждены выбирать одно из двух: или, раз всегда у нас будут тела, отчаяться в Богоуподоблении, или, раз обещано нам блаженство единой жизни с Богом, допустить, что предстоит нам жить так же, как живет Он» [2, с. 71].

Очевидно, Ориген смешивает здесь два совершенно различных предмета — «устройство» тварного бытия, с одной стороны, и способ бытия твари, - с другой. Богоуподобление как единство тварного с Нетварным источником жизни не отменяет «тварности» тварного, его онтологической специфики, а значит, и его существенного отличия от Божественной реальности. Вообще «отличие» или «различение» в системе Оригена носит скорее негативный характер. Будущее единение всего в Боге он понимает как преодоление вместе с материей и многообразия, свойственного материи: «... когда мир стал нуждаться в различии и разнообразии, то материя с полной покорностью предоставила себя Богу как Господу и Творцу своему для различных родов и видов вещей, чтобы Он произвел из нее различные формы небесных и земных тел. Когда же вещи начнут стремиться к тому, чтобы всем им составлять одно, как одно Отец и Сын, тогда, понятно, уже не будет разнообразия там, где все составляют одно» [7, с. 295].

Идеалистическое понимание бытия, отрицание онтологической укорененности материального начала, а, также, релятивизм в понимании различия человека и ангелов, приводят Оригена к выводу об акцидентальном значении полового различения. И, без сомнения, будущее всеобщее воскресение мертвых по Оригену не предполагает восстановления как телесного вообще, так и, в частности, имеющих неразрывную связь с телом полового различия и пищеварительной системы.

Особое внимание в этом отношении и Оригеном и полемизирующими с ним святыми отцами было обращено на один из известных отрывков Евангелия, в котором Иисус Христос, отвечая саддукеям на вопрос о том, чьею женою после воскресения будет женщина, выходившая последовательно замуж за семерых братьев, говорит: «...заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией, ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» [Мф.22; 29-30].

Интересно, что этот отрывок и в древности и в современности часто выступал и выступает поводом для исключения половой дуальности из «жизни будущего века»: «как Ангелы» не означает ли изменения человеческой природы, «освобождения» ее от оков грубой материальности и тесно связанного с ними пола? «На эту новую реальность, - замечает придерживающийся такой точки зрения известный современный богослов Хр. Яннарас, - указывают евангельские слова, удостоверяющие, что в Царстве «истинной жизни» упраздняется как сексуальность сама по себе, так и сексуальные различия» [14, с. 120].

Такая позиция является логичной и с точки зрения онтологического релятивизма Оригена: если ангелы и люди отличаются друг от друга не по естеству, а лишь по степени Богоподобия, то, безусловно, конечное единение с Богом приводит к преодолению пола как отличительного признака человека. Не случайно, что именно к Оригену, по свидетельству прот. Иоанна Мейендорфа, восходит традиция понимания монашеской жизни как жизни ангельской [5, с. 119].

Однако в этой чрезвычайно живучей интерпретации евангельских слов ясно прослеживается то смешение «устройства» человека и способа его бытия, на которое было указано ранее. И, так как онтологический релятивизм совершенно чужд христианской антропологии, интерпретация приведенного евангельского отрывка в сочинениях церковных критиков Оригена не имеет ничего общего с

концепцией преодоления половых различий. Вот лишь несколько цитат, подтверждающих данное утверждение:

Святитель Епифаний Кипрский: «О ком Ангелы благовествовали женам, что Он воскрес, как бы так сказали: «Придите, видите место и вразумите Оригена, что здесь ничего не осталось лежащим, но все воскресло»». Панарий. 64, 67 [10, с. 206].

Святитель Мефодий Патарский: «в воскресении ни женятся, ни выходят замуж; но пребывают как Ангелы Божии на небесах...; не то, что люди не будут тогда иметь тела, но не женятся и не вступают в замужество, а пребывают в нетлении, приближаясь, говорит Он, к Ангелам в том, что как Ангелы на небе, так и мы в раю будем заниматься уже не браками и пиршествами, но созерцанием Бога и устроением своей жизни под управлением Христа. Не сказал: будут Ангелами, но: как Ангелы, как увенчанные славою и честию по написанному: не много Ты умалил его пред Ангелами (Пс. 8, 6), и близкие к тому, чтобы быть Ангелами» (свт. Мефодий Патарский. О воскресении, против Оригена) [9, с.229].

Блаженный Иероним Стридонский: «Если же в воскресении мертвых ни женятся, ни выходят замуж, то отсюда следует, что воскреснут тела, которые могли бы жениться и выходить замуж. В самом деле, ведь никто не скажет о дереве, камне и таких вещах, которые не имеют необходимых членов для воспроизведения (membra genitalia), что они ни женятся, ни выходят замуж, но только о тех [тварях], которые, хотя и могут вступать в супружество, но не вступают по другой причине. А указанием на то, что они будут как Ангелы Божии на небесах, дается обетование о духовном образе жизни» (блаженный Иероним Стридонский) [1, с. 166].

«Где плоть и кости, и кровь, и члены, там необходимо должно быть и различие пола. Где различие пола, там Иоанн – Иоанн, Мария – Мария. Не бойся брака тех, кои и до смерти в поле своем жили без полового отправления. Когда говориться, что в тот день «ни женятся, ни выходят замуж» (Мф. 22, 30), то говорится о тех, которые могут жениться, но не женятся. Ибо никто не говорит об Ангелах, что они ни женятся, ни выходят замуж. Я никогда не слышал, что на Небе совершаются браки духовных сил, но, где есть пол, там мужчина и женщина. Уподобление Ангелам не есть превращение людей в Ангелов, а есть совершенство бессмертия и славы» (блаженный Иероним. Против Иоанна Иерусалимского, 26) [3, с. 471].

Поэтому именно благодаря критике эсхатологии Оригена впервые в святоотеческой традиции вопрос об онтологическом статусе пола и тела решается однозначно в пользу признания существенного

отношения этих характеристик к устроению человека, специфике человеческого бытия.

Однако эта победа над экспансией платонизма в христианской философии была незаслуженно забыта, и теперь в полемике с нехристианами христиане часто используют те аргументы, которые святыми отцами были единодушно признаны платоническими.

Список литературы:

- 1. Иероним Стридонский. Четыре книги толкований на Евангелие от Матфея. Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла. 230с.
- 2. Карсавин Л.П. Святые отцы и учители церкви (Раскрытие Православия в их творениях). М.: Издательство МГУ, 1994. 176с.
- 3. Кураев Андрей диакон. Дары и анафемы. Что христианство принесло в мир. «Троицкое слово». М.: «Паломник», 2003. 350c
- 4. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: 1991. 288с.
- 5. Мейендорф Иоанн, протоиерей. Введение в святоотеческое богословие. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2001. 239с.
- 6. Ницше Фридрих. По ту сторону добра и зла. Книга 2. Италосоветское издательство «Сирин», 1990. 416с.
- 7. Ориген. О началах. СПб.: Амфора, 2000. 380с.
- 8. Платон. Федон. Пир. Федр. СПб.: Издательство «Азбука». Книжный клуб «Терра». 1997. – 256с.
- 9. Творения Св. Григория Чудотворца и Св. Мефодия епископа и мученика. Паломник, 1996. 425с.
- 10. Творения святого Епифания Кипрского. Часть третья. Москва, 1872. 458c.
- 11. Тихолаз А.Г. Платон и платонизм в русской религиозной философии второй половины XIX начала XX веков. К.: ВиРа «Инсайт», 2003. 367с.
- 12. Успенский Л.А. Богословие иконы православной Церкви. Издательство Западно-европейского экзархата. Московский патриархат, 1996. 474c.
- 13. Философский словарь Владимира Соловьева. Сост. Беляев Г.В. Ростов-на-Дону: «Феликс», 2000. 464с.
- 14. Яннарас X. Вера церкви. Введение в православное богословие. М.: 1992. 231с.

СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМА И АРХЕОЛОГИЯ ЗНАНИЯ – МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА М. ФУКО

Яшин Антон Владимирович

аспирант, Пермский государственный педагогический университет, г. Пермь E-mail: yashin.anton@inbox.ru

Особое место среди методологов 20 века занимает французский мыслитель Мишель Фуко. Главной целью своих исследований Фуко ставил выявление исторического бессознательного различных эпох, начиная с эпохи Возрождения и заканчивая 20 веком. Это толкает его, главным образом, к изучению власти, феномена политического в целом, как универсального вездесущего господства, которое невозможно избежать, и феномена сексуальности, в качестве второго универсального спутника человеческого бытия. Специфика предмета познания детерминирует выбор методологии исследования.

Постструктуралист Фуко использует разнообразнейшую методологию и, опираясь на богатое философское наследие, демонстрирует своеобразный подход к анализу интересующих его оказал огромное влияние формирование вопросов. Фуко на современной методологии научных исследований аспекте рассмотрения различных дисциплин - культурологии, антропологии, социальной философии, политической эпистемологии.

Вопрос о методологии в представленной статье предполагает, в первую очередь, опору на общефилософскую методологическую базу французского исследователя. Главными аспектами рассмотрения в данном контексте являются проблема современных техник интерпретации. Таким образом, для понимания методологических установок Фуко необходимо рассмотреть его отношение к разного рода методологическим базам, представленным в истории философии.

Каждая культурная форма в западной цивилизации, по мнению интерпретаций, Фуко, имеет свою систему методов эпистемологических технологий, позволяющих проникнуть сущностную составляющую языка, услышать глубинную речь. Анализируя историю интерпретаций, Фуко выделяет три исторически различных типа конфигурации знания или эпистемы (основной упорядочивающий принцип внутри каждой эпистемы соотношение «слов» и «вещей»):

- 1. Ренессансная эпистема (16 век). «В эту эпоху тем, что создавало место интерпретации, будучи одновременно и ее самым общим вместилищем, и той минимальной единицей, с которой она могла оперировать являлось сходство. Там, где вещи были сходными, там, где нечто походило на нечто другое, только там что-либо могло быть сказано и затем расшифровано» [4]. Фуко выделяет пять основных видов сходства, характерных для этой эпохи: соответствие, симпатия, параллелизм атрибутов, приметы, аналогия. Язык, характерный для этой эпистемы, ещё не стал независимой системой знаков. В ренессансной эпистеме слова и вещи тождественны друг другу, непосредственно соотносимы друг с другом и даже взаимозаменяемы.
- 2. Классическая эпистема (17 18 века). В эпистеме классического рационализма слова и вещи лишаются непосредственного сходства и соотносятся лишь опосредованно—через мышление, в пространстве представления. Место ренессансного отношения «слово-символ» заменяет отношение «слово-образ».
- 3. Современная эпистема (с начала 19 века). «В современной эпистеме слова и вещи опосредованы «языком», «жизнью», «трудом», вышедшими за рамки пространства представления (слово знак в системе знаков). Наконец, в новейшей литературе мы видим, как язык, чем дальше, тем больше, замыкается на самом себе, обнаруживает свое самостоятельное бытие. Слово-символ, слово-образ, слово-знак, слово, замкнутое на само себя, таковы основные перипетии языка в новоевропейской культуре» [5, с. 11].

Таким образом, Фуко, выделяя смену эпистем в истории развития научного знания, подчеркивает смену парадигм, систем мышления. Он отмечает, что порядок, на основании которого мыслит современный человек имеет другую форму бытия, чем порядок, присущий классической эпохе и эпохе ренессанса. «Эпистему можно понимать как некое поле методологических операций, семиотическое пространство формирования знания — то конструктивное пространство, на котором явления обнаруживают свое бытие для субъекта и его сознания, «утверждают свою позитивность», вступая друг с другом в разнообразные комбинации, допускаемые этой эпистемой» [1, с. 35].

Ключевыми фигурами, связанными с появлением современной эпистемы мышления Фуко называет Ницше, Фрейда и Маркса. В статье «Ницше, Фрейд, Маркс» (1967) он отмечает, что данные фигуры обосновали нам новую возможность интерпретации. «Мне представляется, что Маркс, Ницше и Фрейд не увеличили количество

знаков в западном мире. Они не придали никакого нового смысла тому, что раньше было бессмысленным. Однако они изменили саму природу знака, сам способ, которым вообще можно интерпретировать знаки» [4].

Фуко анализирует философские системы трех мыслителей с целью выяснения основных черт современной, порожденной Ницше, Фрейдом и Марксом, герменевтики, новых техник интерпретации.

Начиная с 19 века, начиная с Ницше, Фрейда, Маркса знаки размещены пространстве, гораздо В дифференцированном с точки зрения глубины. Глубина здесь понимается Фуко в соответствии с философией Ницше, как нечто внешнее, а не внутреннее. Происходит отказ от глубины в качестве бесконечного чистого внутреннего поиска истины (так ее понимали в традиции). Глубина теперь рационалистической исключительно как тайна поверхности. Фуко отмечает, что подобная идея в разной форме присутствует как у Маркса, так и у Фрейда. Три философа зародили тенденцию к реалистической интерпретации отличающейся по содержанию от чистой глубины сознания.

Вторая тенденция, отмечаемая Фуко заключается в том, что, начиная с Ницше, Маркса и Фрейда, интерпретация становится бесконечной. Начиная с 19 века, знаки начинают образовывать бесконечную, неисчерпаемую интерпретационную сеть. Виной тому является неустранимая незавершенность интерпретации, ее всесторонняя открытость. «У Ницше и особенно Фрейда, в меньшей степени - у Маркса, проявляется опыт, который я считаю крайне важным для современной герменевтики: чем дальше мы движемся в интерпретации, тем ближе мы становимся к той абсолютно опасной области, где интерпретация не просто вынуждена повернуть вспять, но где она исчезает как таковая, как интерпретация, вплоть до исчезновения самого интерпретатора. Точка абсолюта, к которой вечно стремится интерпретация, есть в то же время и точка ее разрыва» [4].

Данной ключевой для современной герменевтике стороне соответствуют и поясняют ее еще два принципа.

Интерпретация принципиально никогда не может завершиться, потому что не существует ничего абсолютно первичного, что подлежало бы интерпретации, так как все, в сущности, уже есть интерпретация, любой знак по своей природе есть не вещь, предлагающая себя для интерпретации, а интерпретация других знаков. Таким образом, интерпретация не проясняет нам некий предмет интерпретации, а непосредственно касается другой

интерпретации. Герменевтика предписывает нам интерпретировать, не потому что существуют абсолютные глубинные знаки, а потому что существуют интерпретации. Интерпретация в современной герменевтике выступает первичной по отношению к знаку. Знаки - это интерпретации, пытающиеся оправдать себя. Согласно анализу Фуко, именно так функционируют деньги - согласно «Критике политической экономии» и, особенно, второй книге «Капитала». Именно так функционируют симптомы у Фрейда. У Ницше - и слова, и справедливость, и бинарные противопоставления добра и зла, и, следовательно, знаки - не что иное, как маски.

Последняя черта герменевтики, по Фуко, заключается в том, что интерпретация стоит перед необходимостью бесконечно истолковывать себя саму.

Таким образом, определив четыре основные черты современной техники интерпретации (реализм, бесконечность, незавершенность, рефлективность), Фуко определяет границы современного мышления, в том числе и границы методологии собственной философской системы. В работе «Слова и вещи» (1966) им были первоначально определены основные контуры новой методологии, получившей название «археология знания». «Археология знания», основанная на современном методе интерпретации выделяет, как было показано выше, выявляет главные структурные связи эпохи. Такая ориентация исследования принципиально отличается от просто исторического анализа развития научной мысли. Здесь научные теории являются вторичными по отношению к их основанию — эпистеме и объектом рефлексии являются не сами научные идеи, а эпистемы — базис, благодаря которому научная мысль приняла ту или иную форму.

Окончательное оформление археологического метода исследования Фуко формулирует в работе «Археология знания» (1969). Одной из целей написания данной работы для Фуко было прояснение вопроса о том, как одна эпистема сменяется другой. Здесь Фуко уже в меньшей степени оперирует понятием эпистемы и обращается к категории дискурсивных практик. Дискурсивные практики — это анонимные исторические правила, которые устанавливают условия выполнения функций высказывания в данную эпоху и для данного пространства (в его социально-экономических, лингвистических, географических и прочих аспектах). Набор дискурсивных практик каждой эпохи есть архив. Преемственности архивов, по Фуко, не существует. Момент замыкания дискурсивных практик на себя прерывается и тогда на смену старому приходит новый архив. «Содержательный аспект нового понятия и цель его

введения в качестве аналитического принципа...доказать факт разрыва линии исторической преемственности. Иными словами, каждая историческая эпоха обладает ей присущим «архивом», утверждающим свою оригинальность и неповторимость и «аннулирующим» свое происхождение и дальнейшую судьбу: ему на смену придет другой «архив», который так же «забудет» о своем предшественнике» [2, с. 65].

Таким образом, археологический метод Фуко, как уже отмечалось, отличается от классического подхода к истории. Археологический метод, во-первых, обращается к анализу дискурса, как к самодостаточному объекту исследования. Во-вторых, археологический метод максимально отдаляется от анализа субъекта истории, так как базовым для акта творчества является дискурс, архив эпохи. В-третьих, археология не ищет истока дискурса в дискурсе предшествующем, так как дискурсивные практики не обладают свойством преемственности.

Список литературы:

- 1. Аминова А.А., Галиева А.М. Триада слова-идеи-вещи в концепции М. Фуко // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. №2. С. 32-36.
- 2. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996 253 с.
- 3. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. Бр. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
- 4. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Цифровая библиотека по философии [электронный pecypc] URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000551/index.shtml
- 5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: A-cad, 1994. 404 с.

СЕКЦИЯ 2: ИСТОРИЯ

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (НА ПРИМЕРЕ МОНИТОРИНГА РЕГИОАНАЛЬНЫХ СМИ)

Баутина Полина Вячеславовна

к. фил. н., старший преподаватель Казанского государственного технологического университета, Волжский филиал, г. Волжск, РМЭ

E-mail: <u>bautin-i@yandex.ru</u>

В Советском Союзе многие социальные проблемы не назывались «проблемами», а трактовались как «явления», чуждые социализму, тогда как за рубежом они являлись негативными: например, дискриминация женщин, сексуальные домогательства на рабочем месте, нарушение прав человека, насилие в семье. Некоторые проблемы в СССР политизировались, например, преступления против общественной собственности, разводы, религиозные убеждения и даже низкий уровень рождаемости. А такие социальные феномены, как проституция, наркомания, суициды, попрошайничество, бездомность, не признавались и не выносились на публичную дискуссию. Идеологические механизмы советского типа регулировали способы определения проблем. Например, такие лозунги, как «Догнать и перегнать!», «Партия определила», «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», привычны для советских газет как региональных, так и центральных.

Основным достоинством советского периода являлось отсутствие безработицы и социальная защищенность людей, дававшие им «уверенность в завтрашнем дне». Были бесплатными образование, здравоохранение, предоставление жилья, занятия физкультурой и многие **Действовала** спортом, формы досуга. государственного регулирования цен и существовала обширная система льгот. Однако всеобщность и бесплатность социальных услуг еще не означали их повсеместной доступности и высокого качества. Понятие «дефицит» в социальной сфере автоматически устраняло безвозмездность. Необходимость «достать», «договориться» прочно вошла в повседневный обиход и существенно деформировала все отношения в сфере социального обустройства. Человек превратился в жертву «государственной заботы», а люди, причастные к распределению благ, приобрели неформальный статус. Такая социальная политика привела к формированию совершенно особого, советского образа жизни, отношений, морали и ценностей.

В Советском Союзе именно идеология во многом обеспечивала критерии для идентификации социальных проблем. Обращаясь к советской журналистике, возможно было встретить публикации, посвященные общим проблемам партии, с такими подзаголовкамиутверждениями: «Планы партии одобряем» (газета «Правда» от 9 декабря 1980 г.) или публикацию с главной темой номера в газете «Звезда» - «Навстречу XXIV съезду КПСС». Что касается социальных проблем бытового, психологического характера, то они, как правило, на страницах газеты не обговаривались. Проблемы одного человека газету не интересовали. Советские люди усматривали в основе определенных социальных проблем «теневые контрасты» системы: существовали гласные и негласные темы, первые официально обсуждались, а вторые только подразумевались. Именно в рассвет этой журналистики был популярен слоган-призыв: «Партия постановила, что сделала...», а также заголовок «Инициатива одобрена». Именно в связи с этим в советские времена выработалось дихотомное выражение: «Инициатива наказуема».

На региональном уровне эти процессы были еще более выражены. Помимо центральной партийной информации в газете также помещалась информация местного горкома партии и всех местных постановлений, а журналистские статьи были написаны только в положительном ключе. Вот один из примеров мониторинга газеты «Волжская правда». Заголовок первой полосы газеты «Волжская правда» за 1980 г. от 27 декабря - «Вместе с партией» или еще более говорящий заголовок в следующем номере этой же газеты – «Планы партии – планы народа».

Хотя мы и говорим здесь о журналистике, она, как известно, являлась рупором партии и государства. Именно СМИ в советский период стали основными, практически единственными, акторами по включению социальных проблем в публичное пространство.

После развала СССР формально о прекращении системы социальных гарантий не объявлялось. Но фактически ситуация резко изменилась: новое государство не могло выдержать финансового бремени всех прежних и вновь принятых социальных обязательств. Беспрецедентное наращивание доли социальных затрат в совокупных расходах государства перешло в неуправляемый рост социальных расходов. Но это только раскручивало инфляцию, не принося желаемого эффекта. Государство тратило колоссальные деньги на дотации производителям, сфере ЖКХ и общественного транспорта, на

детские пособия и т.д., однако реальный потребитель не видел и не чувствовал этих расходов, потому что они либо стремительно обесценивались с ростом инфляции, либо вовсе не выплачивались. Социальная помощь была безадресной, зависела от сиюминутной политической конъюнктуры, осуществлялась в условиях запутанных административных отношений, зачастую приводивших к коррупции и хищениям. Беспорядочность выплат окончательно подорвала доверие к государству.

С тех пор как Россия стала достаточно свободным государством (с момента распада Советского Союза), здесь не происходило существенных реформ социальной политики [1, 127]. Властвующая российская элита сознательно ограничила масштабы трансформации социальной политики для того, чтобы максимально быстро осуществить шоковую терапию. В результате макроэкономические реформы были проведены за счет беднейших слоев населения, причем зашиты оказывались неэффективными. социальной меры Сравнительный анализ социальных трансфертов показывает, что в конце 1990-х годов лишь 6% российской социальной помощи достигало своего адресата - наименее обеспеченных групп населения, для сравнения в Польше - 29%, в Эстонии - 36%, в США - 78%. На региональном уровне процесс обеднения, упадка в сферах социальной жизни приобрел еще более масштабный характер.

На страницах региональных газет стали появляться сдержанные публикации о трудностях и проблемах, которые возникли в связи с распадом СССР, перестройкой. Примером может послужить публикация из газеты «Волжская правда» за 1986 г. от 28 октября – «Курс на ускорение и перестройку», которая свидетельствует о смене курса и политического режима во всей стране. Анализ газеты «Волжская правда» за 1989 г. подтверждает, что со страниц газет практически исчезли пафосные публикации о деятельности партии, о выдающихся коммунистах, о прошедших пятилетках. Политический интерес газеты уже направлен на перестройку, которая стала главным Многие публикации в «Волжской правде» смыслом партии. посвящены политучебе. Призывы (слоганы) и рубрики на первой полосе газеты свидетельствуют уже не о политическом направлении партии (как это было на протяжении трех десятков лет), а об урожаях, надоях, то есть о простых людях повседневного колхозного труда. Таким образом, «маленький человек» опять вернулся на страницы газет. Появились также публикации о труде женщин. Публикация от 24 апреля 1989 г. о труде и деятельности женщин-волжанок «Наши женщины-волжанки», а также публикации о молодежи: «Роль

молодежи в перестройке» от 12 января 1989 г. и далее «Молодежь и религия», «Молодежь и время». В газете активно идет обсуждение новой эпидемии XX века — СПИДа. Тем самым, проблемы человека вновь стали интересовать как журналистов, так и публичное сообщество.

К началу 1990-х годов Россия имела экономику, истощенную гонкой вооружений, плохо приспособленную к рыночным условиям существования, в ней преобладали неповоротливые промышленные предприятия-монстры, а наиболее перспективными оказались отрасли, ориентированные на вывоз сырья. К этому следует добавить такие накопившиеся проблемы, как высокая детская смертность, снижение рождаемости, дефицит жилья, огромные различия в уровне жизни в разных регионах, сверхцентрализация управления, обширное, но довольно противоречивое в институциональном и идеологическом отношении наследие в области здравоохранения и социальной защиты более усугубилось населения. Положение еще политическим кризисом, результат которого – распад союзного государства, банкротство могущественной идеологии и политических институтов. Это привело к катастрофе экзистенциального порядка, имеющей глубокие последствия в мироощущении и поведении больших групп людей, в трансформации важнейших социальных институтов. В глубинке все это привело к более ожесточенному кризису как отдельной личности, так и общества, нежели в Центральной части России. Исчезли практически все публикации о деятельности Политбюро КПСС и ЦК, лозунги и цитаты, а появились журналистские материалы, посвященные гласности и перестройки. Предстали такие исчезнувшие в советский период жанры, как: очерки и фельетоны. Например, публикация в «Волжской правде» от 4 января 1990 г. «ОПП на хлебокомбинате», в которой внештатный корреспондент С.Алексеев рассказывает об опознанных попадающих предметах в хлебе. Также на страницах газеты все чаще поднимается «Крестьянский вопрос». Например, публикация от 14 января 1990 г. «Нужен свой рецепт», где автор в виде очерка рассказывает о трудностях и бедственности деревенской жизни. Тем самым обращение к простому трудящему человеку, к его проблемам отличительная и знаковая черта этого периода.

Во второй половине 1990-х годов на повестку дня все чаще стали выноситься проблемы инвалидов, пожилых людей, женщин, детей, оказавшихся в ситуации безвыходности, безденежья и психологического кризиса. На региональном уровне это стало проявляться в публикации журналистских материалов, посвященных

людям с ограниченными возможностями, например, «Находят выход» от 27 апреля 1996 г., где автор рассказывает об инвалидах, и каким трудом они зарабатывают на хлеб. На страницах газеты идет обсуждение таких ранее запретных тем, как пьянство — публикации «Не теряйте человеческое достоинство» от 1 мая 1996 г. или «Приемник-распределитель», в которой рассказывается о детях, лишенных дома и родительского тепла. До этого такие темы, как пьянство, беспризорность, на страницах ни региональных, ни федеральных газет не обсуждались - на них существовало негласное «табу». Именно во второй половине 1990-х годов идет публичное обсуждение данных проблем на страницах прессы.

Особенность постсоветской социальной политики в России развитие в ряде ее направлений идеологии, основанной на доминировании дисциплинарных форм и расширении социального контроля. Речь идет об ужесточении мер, направленных на выявление потребностей семей с детьми, инвалидов, бедных мигрантов, а также на усиление репрессивного компонента в программах работы с людьми, страдающими наркозависимостью, с правонарушителями, преступления. Новое руководство совершившими нетяжкие предприняло серьезные шаги для выхода из кризиса. Прежде всего, было покончено с невыплатами, затем они стали приближаться к прожиточному минимуму. Первой из социальных реформ явилось пенсионное реформирование. Социальный сектор стал основным в внимания властных структур. Например, материал «Российской газеты» от 25 сентября 2008 г. (№ 202 (4759)) посвящен модернизации пенсионной системы и называется «Достойный минимум». Автор публикации – член правления Института современного развития Евгений Гонтмахер подчеркивает, что в пенсионной системе накопились большие проблемы: тяжелое положение нынешних пенсионеров, которые получают маленькую пенсию, а также проблемы, связанные с работниками, имеющие обязательные накопительные счета, за которых работодатели отчисляют на накопительные персональные счета 6 % от их зарплаты, а работающие люди среднего возраста не имеют обязательных накопительных счетов. Поэтому именно на государство возложена задача по внедрению в жизнь пенсионной реформы.

В современной России стратегии политиков в области социальных проблем не всегда имеют гуманистическую направленность. Говоря о социальных проблемах бедности, они оперируют, например, терминами ущербности — «психологическая дезадаптация», «неблагополучные семьи», а сам факт бедности или

нужды рассматривается ими как причина интервенции и применения таких действий, которые, по сути, «патологизируют» индивида. Например, публикация в газете «Комсомольская правда» от 23-30 октября 2008г. «Женщина продает почку, чтобы рассчитаться с банками». Подзаголовок также свидетельствует о неблагополучии и бедствовании человека: «Другого способа выплатить кредиты она не нашла». История Людмилы Лукьяницы, которой нечем заплатить кредит, доказывает ту самую общественную дезадаптацию к современным социальным условиям, о которой мы говорили.

Таким образом, в перестроечное время каналы вбрасывания в публичное пространство информации о социальных проблемах постепенно трансформируются. В особенности, в первой половине 1990-х годов большую роль начинают играть средства массовой информации. Формируется новая социальная журналистика, для которой характерна определенная оппозиция органам власти во взглядах на то, как должны решаться эти проблемы и кто несет ответственность за их появление. Позднее органы власти вновь берут инициативу в свои руки по вопросам, связанным с формированием «повестки дня» - предметное поле социальной журналистики значительно сужается.

Подводя итог, необходимо отметить следующее:

- 1. В советское время существовал значительный разрыв между интерпретацией реальности населением, с одной стороны, и интерпретацией той же реальности в СМИ, осуществляемой на базе государственной идеологии. Человек с вопросами о его повседневном существовании оказывался на периферии публичного пространства.
- 2. В современной России произошло обновлении социальной политики и самого подхода к возникновению и решению социальных проблем. Ее становление сопровождалось серьезной конкуренцией за символические и материальные ресурсы. В самой практике социальной работы (в социальных службах, школах или интернатах) модель рефлексивной практики только еще начинает прокладывать себе дорогу. В государственных службах пока еще превалирует интуитивный способ объяснения социальных проблем и их решения. Это отражается и на деятельности СМИ. Развиваются и становятся реальностью альтернативные акторы и программы социальной политики.
- 3. Стали заметны тенденции гуманизации государственных сервисов. Компетенция работников этих служб постепенно расширяется не только в сфере практических методов социальной помощи и уровня юридической грамотности, но и по вопросам прав

человека. Происходит реформирование социальной помощи пожилым, развивается социальное и медико-социальное обслуживание старшего поколения по месту жительства. На сегодняшний день социальная политика «выросла» из борьбы с бедностью, из благотворительности, из филантропической культуры и лишь затем приобрела контуры государственной политики и современную терминологию. Важным фактором развития социальной политики в современной России является активизация гражданского участия, что практически было период господства ленинского принципа невозможно «демократического централизма». Только сейчас люди, активно выступающие за свои гражданские права, могут как-то влиять на процесс принятия решений в области социальной политики.

4. Роль социальной журналистики в течение этого времени соответственно тоже меняется: тотальное огосударствление после октябрьских событий 1917 г. вытеснило из общественной сферы благотворителей, жертвователей, а также всю филантропическую культуру, формировавшуюся на протяжении нескольких десятилетий. Хотя мы и говорим здесь о журналистике, она, как известно, являлась рупором партии и государства. Именно они в советский период стали основными, практически единственными акторами по включению социальных проблем в публичное пространство. В первой половине 1990-х годов большую роль начинают играть средства массовой информации. Формируется новая социальная журналистика, для которой характерна определенная оппозиция органам власти во взглядах на то, как должны решаться эти проблемы и кто несет ответственность за их появление, поэтому, предметное поле «повестки дня» социальной журналистики значительно сужается.

Список литературы:

- 1. Бориснев С.В. Социология коммуникации / С.В. Бориснев. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 270 с.
- 2. Дзялошинский И.М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезные людям / И.М. Дзялошинский. М.: Престиж, 2006. 104 с.
- 3. Концептуализация социальных проблем // Социальная политика и социальная работа / Под ред. Е.Ярской-Смирновой.М.: ЮНИОН РАН, 2002. С.28
- 4. Куда пришла Россия?...Итоги социентальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской, М.: МВШСЭН, 2003.
- 5. Волжская правда. 1980. 27 декабря. №138.

- 6. Волжская правда. 1980. 28 октября. №116.
- 7. Волжская правда. 1989. 24 апреля. №51.
- 8. Волжская правда. 1989. 12 января. №9.

ПОТОМКИ КУЧУМА В XVII В. И ИХ РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ АНТИРУССКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ И В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Васьков Дмитрий Александрович

старший преподаватель, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

E-mail: dvaskov@mail.ru

Одной из особенностей начального этапа колонизации Сибири было противостояние русских с кочевым миром. Как отмечали известные историки-сибиреведы С.В. Бахрушин и В.И. Шунков, освоение южных, пограничных со степью районов было сразу и надолго остановлено вследствие противодействия «немирных орд» кочевников [4, с. 147; 30, с. 237-239]. На рубеже XVI – XVII вв. в степных районах урало-сибирского региона доминировали ногаи. В 1610-х гг. их вытеснили более многочисленные и агрессивные калмыки (ойраты), переселявшиеся из степей Западной Монголии. Последних к концу XVII столетия потеснили казахи. Отношения между русскими колонизаторами и кочевниками отличались противоречивым и нестабильным характером, варьируясь от мирных посольских и торговых связей до различного рода конфликтов вплоть до открытых вооруженных столкновений, что в целом всегда было типично для отношений «леса» и «степи». Постоянное присутствие кочевого мира на южном фронтире было существенным фактором, определявшим специфику протекания социально-экономических, политических и этнодемографических процессов в регионе.

Важное место в истории непростых взаимоотношений русских и кочевников принадлежит царевичам Кучумовичам. Вплоть до конца XVII в. сыновья, внуки и правнуки последнего сибирского хана представляли опасность для русского и ясачного населения Уфимского, Туринского, Верхотурского, Тобольского, Тюменского, Тарского и западной части Томского уездов. В военном отношении они не представляли слишком серьезной угрозы — численность их отрядов редко превышала две-три сотни человек, а иногда

насчитывала всего несколько десятков воинов (хотя и этого порой было достаточно, чтобы совершить внезапный разорительный набег).

Кроме того, важно отметить, что враждебная деятельность Кучумовичей вряд ли была бы возможна без поддержки внешних сил. В частности, старшие сыновья Кучума Алей и Канай ориентировались на традиционный союз с ногаями — они оба были женаты на дочерях видных ногайских мурз. Еще в 1601 г. силы Кучумовичей в совокупности насчитывали 450 воинов, в основном из башкиртабынцев и сынрянцев. После присоединения в 1603 г. к Алею ногайского мурзы Уруса их соединенный отряд стал насчитывать уже 1100 человек

В 1604 г. в непосредственной близости от Тарского уезда стали кочевать калмыки, представленные поначалу торгоутами во главе с тайшей Хо-Урлюком и дербетами, которых возглавлял тайша Далай-Богатырь. Несмотря на то, что у самого хана Кучума с калмыками были достаточно напряженные отношения [25, с. 160–161, 305, 352; 13, с. 297] (царевич Канай даже был уверен, что их отца «заманив в Колмаки оманом убили»), между Кучумовичами и ойратскими князьями сразу же стали устанавливаться союзнические отношения. До сибирской администрации доходили сведения о том, что «Алей царевич с братьею ссылаютца с послы и сватаютца с колмаками и дары меж себя посылают многие и тем чают вперед у них меж собя одиначества и свойства ближнева» [6, с. 232]. Ведущую роль в установлении тесных связей между калмыками и наследниками Кучума сыграло, видимо, то, что последние были потомственными Чингизидами, а авторитет Чингисхана в тюрко-монгольском мире, как известно, никогда не подвергался сомнению. В частности, в источниках отмечается, что «колмацкие люди почитали» царевича Ишима, даже не взирая на то, что у последнего в «свите» в 1608 г. было всего 15 человек. Ишим был женат на дочери главы торгоутов Хо-Урлюка, что свидетельствует о его высоком положении среди ойратской кочевой знати. В последствии, правда, по каким-то причинам жена ушла от царевича, но это никак не сказалось на его отношениях с Хо-Урлюком. Более того, он сумел упрочить свои связи с калмыками, женившись на сестре видных чоросских (джунгарских) тайшей Байбагиша и Чокура. После смерти Ишима в 1624 г. [14, с. 57-58] союз с калмыками, можно сказать, по наследству перешел к его сыновьям (царевичи Аблай, Тевка и Бугай) и внукам (царевичи Кучук, Чучелей, Кансувар и Дюдюбек).

По косвенным данным можно установить, что связаны с калмыкаими были также царевичи Алтанай и Чувак. В частности, сын

последнего Девлет-Гирей находился «в ближнем племянстве» с тайшей Мергеном [15, с. 572]. Используя помощь калмыков, царевич зарекомендовал себя злейшим врагом русских в 1630 — начале 1660-х гг. В 60 — 80-х гг. XVII в. в набегах на ясачное население проявил себя сын Девлет-Гирея царевич Асан.

Таким образом, в течение всего XVII в. Кучумовичи при активной поддержке со стороны калмыков «всчинали многую ссору и войну» на степных границах бывшего Сибирского юрта. Так, в 1607 г. царевичи Азим, Ишим и сын Алея Кансувар вместе с «колмацкими воинскими людьми» совершили набег на Тюменский уезд, где был разгромлен Кинырский городок. Спустя десять лет царевич Ишим вместе с калмыками громил Уфимский уезд. Пожалуй, пик враждебной деятельности Кучумовичей пришелся на 1629 – 1635 гг., когда Аблай и Девлет-Гирей систематически опустошали южные районы Тюменского, Тарского и Томского уездов, причем осаде подвергались Тюмень и Тара. В 1640 г. Девлет-Гирей громил ясачных татар в Тюменском уезде. Его двоюродный брат Бугай и племянник Кучук весной 1648 г. разоряли уфимские волости ясачных башкир. В 1651 г. царевичи с отрядом в 300 человек устроили дикий погром в Далматовском Успенском монастыре [16, с. 353]. В конце 1659 г. царевичи совместно с торгоутами и дербетами разгромили Барабинские волости, причем убит был 61 человек и 733 угнаны в плен [16, c. 408-410].

В столкновениях с русскими Кучумовичи и их сторонники также несли потери. В 1607 – 1608 гг. после ряда успешных операций служилых людей и казаков в плену оказались царевичи Алей, Азим, Алтанай и Кансувар. Об Алее известно, что он прожил в почетной ссылке в Ярославле до царствования Алексея Михайловича. Царевич Алтанай, сдавшийся добровольно, стал основателем рода Сибирских царевичей (с 1718 г. – Сибирских князей) в составе русской служилой аристократии [7, с. 164]. В 1635 г. большой удачей завершился поход уфимских служилых людей, когда в плен были взяты Аблай и Тевка [23, с. 27; 18, с. 155-162; 29, с. 46]. При этом вместе с ними в плен попали 54 калмыка, а «достальных колмацких людей побили наголову». В 1661 г. отряд служилых людей из Тобольска разгромил улусы Девлет-Гирея, причем было захвачено свыше 2,6 тыс. голов разного скота, а сам царевич едва не попал в плен [20, л. 75-76].

Однако решить проблему набегов Кучумовичей военным путем было очень сложно. Во-первых, царевичи часто успевали откочевать достаточно далеко в степь. Во-вторых, серьезной проблемой была хроническая нехватка служилых людей в Сибири. Поэтому русская

администрация чаще всего пыталась нейтрализовать угрозу с их стороны дипломатическим путем. Первые попытки договориться с сыновьями Кучума и перетянуть их на свою сторону предпринимались еще в 1600 г., когда тюменские служилые люди и юртовские татары, прибыв в ставку к царевичам, объявили, что «государь царь ... хочет их держать под своей государевой царской высокой рукой»[22, стлб. 274-275]. Посольства к Кучумовичам были отправлены из Тобольска, Уфы и Тюмени. Однако из-за ошибок тобольской администрации (царевич Кубей-Мурат был отправлен из Тобольска в Москву без согласия старших братьев, «и тем де их ожесточили, и они де ехати боятся») договориться с ними тогда не удалось. После установления тесных связей с калмыками Алей прекратил переговоры и с 1606 г. перешел к враждебным действиям. В последствии безрезультатные переговоры велись с Ишимом, а в 1630 – 1640-х гг. – с Девлет-Гиреем.

Вопрос о выдаче Кучумовичей русским неоднократно ставился во время переговоров с калмыцкими тайшами. Последние иногда давали обещание выдать кого-либо из царевичей, по всей видимости, желая извлечь из этого политическую выгоду. Несмотря на частые обещания в течение всего XVII в. никто из представителей рода Кучума калмыками выдан не был.

Тем не менее, положение потомков Кучума среди калмыцкой знати, как отметил Н.В. Устюгов, было достаточно шатким и полностью зависело от политической обстановки в степи. Так, в 1648 г. глава дербетов тайша Даян-Омбо предлагал русским свои услуги в случае враждебных действий со стороны Девлет-Гирея. Он даже обещал выдать царевича русским властям, благо что тот у него «за холопа место» [23, с. 325; 29, с. 48]. В 1667 г. хошеутовский тайша Аблай, который вел переговоры с сибирскими воеводами, взял у царевича Кучука аманатов, «чтобы де, он без его указу воевать никуды не ходил» [2, с. 374]. В 1669 г. хошеутовский Очирту-Цецен-хан грозил царевичу Кучуку «выдать его с головою» русским, если он не прекратит своих набегов и не вернет русских пленных. При этом Кучук, «убоясь его, воевать перестал и государевых пленных людей», которых он еще не успел продать, отпустил. После этого, напуганный угрозами Очирту-хана, царевич отправил посольство к тарскому воеводе князю Ф. Мещерскому с обещанием «служить вечна» [24, с. 213]. Так, во второй половине XVII в. потомки Кучума попали в большую зависимость от более могущественной ойратской знати, что объяснялось недостаточными собственными силами.

Наибольшая же опасность от присутствия Кучумовичей на южных «украинах» Сибири заключалась в том, что ряды их

сторонников могли пополняться всеми недовольными русской властью. Тяжесть ясачного обложения, злоупотребления воевод и ряд других причин приводили к различного рода «шатостям» и «изменам» среди ясачного населения. Идея альтернативного подданства Кучумовичам как прямым наследникам последнего сибирского хана иногда проявлялась среди некоторой части башкир, сибирских татар, хантов и манси. Это обстоятельство было настоящей головной болью для русской администрации Сибири, т.к. протестные настроения порой перерастали в открытое неповиновение, отъезды в степь и восстания. Выход из такой ситуации ясачные люди обычно видели в смене русского подданства. В таких случаях новых сюзеренов обычно искали в лице калмыков, либо Кучумовичей, причем последние в глазах всех недовольных русскими в Сибири для этой роли подходили как нельзя лучше.

Первые тревожные вести подобного рода относятся еще к началу XVII в. и обычно связываются с событиями Смуты. Так, в 1604 г. подозрительно для русских властей вели себя тюменские, туринские и верхотурские ясачные татары и вогулы. Верхотурскому воеводе Н. Плещееву «торговые люди пермичи Ондрюшка Негодяев с товарыщи» рассказывали в съезжей избе о том, что татары и вогулы расспрашивали их: «Тихи ли деи в сибирских городех вести, и где ныне кочует Кучумов сын Алей царевич с братьею». При этом торговые люди свидетельствовали, что «ездят деи тотаровя и вогуличи на конех, а иные пеши ходят в доспехах и пансырех неведомо для чего» [7, с. 146]. Однако тогда ничего страшного не случилось, т.к. до 1606 г. Алей воздерживался от открытого выступления против враждебных действий сильно русских, хотя его Объясняется это тем, что царевичи тогда вели переговоры с русской администрацией о возвращении из Москвы родственников («царевичев и цариц»), плененных еще отрядом А. Воейкова во время Ирменской битвы с Кучумом в 1598 г. Уже позднее, в разгар Смуты в 1609 г., когда туринские и тюменские татры и верхотурские вогулы, узнав о том, что «на Москве русские люди меж собою секутся» [15, с. 246], стали склоняться к восстанию, Алей ничем не мог им помочь, т.к. силы Кучумовичей были разгромлены в 1607 – 1608 гг. В целом же, как известно, период Смутного времени Сибирь пережила сравнительно благополучно.

По-настоящему опасные события, связанные с массовыми выступлениями коренного населения, произошли в южной части Западной Сибири на рубеже 1620-1630-х гг. Крупное восстание ясачных татар в Тарском уезде в 1628-1631 гг. современники назвали

«барабинской смутой». Как отмечала К.В. Волкова, специально изучавшая этот вопрос, основными причинами выступления послужили усиление ясачного гнета при вопиющих злоупотреблениях тарских воевод Ю. Шаховского и М. Кайсарова, а также явная неспособность русских властей прекратить вторжения калмыков в ясачные волости [10, с. 118-119]. Основную массу восставших составляли татары барабинских волостей, к ним также примкнули некоторые группы тюменско-туринских и томских татар. С самого начала активную поддержку повстанцам оказывал телеутский князь Абак [28, с. 46]. Утверждение, что Кучумовичи выступили активными «вдохновителями и организаторами вооруженных нападений на русских» [17, с. 128], представляется не совсем корректным, т.к. Аблай и другие царевичи приняли руководство восстанием только в 1629 г. Причем, инициатива привлечения их к восстанию изначально исходила от самих восставших.

Бунт плательщиков ясака принял стихийный характер и сопровождался погромами и массовыми отъездами в степь. В 1628 г. восставшие сожгли Барабинский острожек и предприняли неудачную осаду Тарского города [28, с. 119]. Весной 1629 г. «тарские изменники», с которыми русская администрация изначально хотела договориться мирным путем, концентрировались в районе озера Чаны. Однако, узнав об активных переговорах татар с Аблаем, воеводы поняли, что дело принимает слишком опасный оборот, и перешли к решительным мерам. В июне 1629 г. тобольский отряд разгромил «изменников» «на Чане озере». В конце лета 1629 г. «государевыми изменниками» и калмыками была предпринята вторая попытка осады Тары, на этот раз под общим руководством царевича Аблая [28, с. 122]. Гарнизону города с трудом удалось отбиться. Пограбив окрестности и отогнав скот, восставшие вынуждены были отойти. После этого Аблай переместился восточнее и планировал осадить Томск.

Восстание как таковое закончилось в 1631 г., т.к. Кучумовичи и калмыки с откочевавших к ним татар стали собирать албан (дань) в гораздо большем объеме, чем русские ясак. Среди восставших стали зреть настроения вернуться обратно в пределы России. К концу года большинство бунтарей пришли к воеводам с повинной, умоляя защитить их от недавних сюзеренов.

Также в начале 1631 г. русские служилые люди одержали ряд военных побед. Ранней весной томский отряд Я. Тухачевского взял штурмом городок чатского мурзы Тарлава. На помощь последнему подошли царевичи Аблай и Девлет-Гирей, но Тухачевский смог от них

отбиться. В результате Тарлав погиб, а Кучумовичи снова ушли на запад в район Тары. Их коалиция фактически развалилась, т.к. Абак к этому времени разорвал свои отношения с царевичами, а большая часть татар прекратила восстание. Последующие набеги царевичей на южные районы сибирских уездов осуществлялись в основном при поддержке калмыков и лишь некоторой части татарских «изменников», не желавших возвращаться обратно на прежние места жительства.

Первая половина 60-х гг. XVII в. характеризовалась очередным крупным потрясением, связанным с башкирским восстанием 1662 – 1664 гг. и рядом антирусских выступлений в Западной Сибири. Один из спорных моментов историографии этих движений заключается в вопросе о руководящих и движущих силах в восстании. Так, некоторые исследователи ставят под сомнение корректность самого выражения «башкирское восстание», считая, что движение башкир «было лишь частью скоординированных действий широкой коалиции антирусских сил», в которой сами башкиры играли далеко «не руководящую роль» [11, с. 329], а главными инициаторами восстания были Кучумовичи и некоторые калмыцкие тайши. Не вдаваясь в историографические тонкости, укажем только, что историки в основном сходятся на том, что причины, подтолкнувшие башкир к выступлению заключались в усилении ясачного гнета, произволе местной русской администрации, а также в категорическом запрете царского правительства на набеги башкир в калмыцкие улусы [29, с. 61; 19, с. 108; 1, с. 67]. Все это вызвало острое недовольство башкир и спровоцировало их искать выход из ситуации в смене подданства и сотрудничестве с калмыками и Кучумовичами. Последние же, как правило, всегда были там, где возникала угроза русским порядкам, т.к., по словам С.М. Соловьева, в течение всего столетия они не отказывались от «притязаний на отчину и дедину» [26, с. 624] и выступили активными участниками восстания.

Прямых указаний о подстрекательской деятельности Кучумовичей в источниках нет. Хотя в этом плане весьма оригинальным и небезосновательным представляется предположение Н.В. Устюгова о хитроумном плане царевичей по переброске своих сторонников в башкирские кочевья, когда последние уже начали роптать и проявлять недовольство. Дело в том, что в 1661 г. состоялся поход тобольских служилых людей на кочевья Девлет-Гирея и Бугая. После этого погрома в русские пределы вернулось 8 татарских семей и 214 семей башкир [15, с. 635]. Среди них были как когда-то насильно захваченные Кучумовичами, так оказавшиеся у них по собственному

желанию «государевы изменники». Вполне вероятно, что последние как раз по указанию Кучумовичей и начали вести «подрывную работу» среди башкирского населения. Впрочем, башкиры и сами проявили инициативу, «забыв бога, шерть свою и прадедов, и дедов, и отцов своих преступили и нарушили, великому государю изменили ... и пристали к Сюлтюку х Кучуку салтану, иные и отъехали к нему» [12, с. 184].

Помимо башкир в восстании приняли участие и другие народы. В частности, это мари, сибирские татары и вогулы (манси), которые «подавали руки» царевичам Кучумова рода [26, с. 625; 1, с. 73]. В связи с этим заслуживает внимания выступление обдорского князя Ермака Мамрукова в 1662 г. Заговор хантов Березовского уезда предполагал захват власти местными князьками и изгнание русских из Сибири. Сам Ермак должен был сидеть в Березове и собираемый с местных племен ясак отправлять в Тобольск, где должен был находиться один из Кучумовичей, выступавший, видимо, в роли своего рода «верховного правителя» всей Сибири. Реализации этих планов «помешал» березовский воевода А.П. Давыдов, по указанию которого Ермак и еще 17 его соратников были схвачены и повешены [5, с. 136; 9, с. 124].

Таким образом, как башкиры, так и другие повстанцы Кучумовичам отводили особую роль в восстании, т.к. одним из лозунгов был клич: «Поднялся де на Русь наш царь». Причем под этим «царем» подразумевался обязательно кто-то из потомков Кучума.

Следует отметить, что во время восстания царевичи стали меньше зависеть от калмыцкой помощи, т.к. их отряды заметно пополнились башкирскими перебежчиками. В этом плане достаточно любопытные записки оставил неизвестный иностранный офицер, побывавший в это время в Сибири. Видимо, весьма наслышанный об одном из Кучумовичей (скорее всего, о Кучуке), он писал: «Этот царевич выдает себя за наследника этого края и никогда не отдаст себя добровольно. Иногда ему удается перетянуть на свою сторону башкиров, тогда он делает из этого большой шум» [3, с. 333]. Действительно, после окончания восстания в 1664 г. и возвращения большей части повстанцев на прежние места жительства в отрядах Кучумовичей еще оставалось достаточно много башкирских воинов.

Активное участие в антирусском движении приняли также калмыцкие тайши. Это, враждебно относившийся к русским в данный период, торгоут Дайчин, а также его зять — тайша Аюка. Кроме них восставшие вели переговоры с дербетским тайшей Малаем, который в 1660 — 1661 гг. совершал набеги на ясачных татар Тарского уезда.

Однако о его участии в столкновениях с русскими в период восстания 1662- 1664 гг. ничего не известно. В известных источниках также нет никаких упоминаний о совместных операциях Кучумовичей с калмыцкими отрядами. Считается, что сфера влияния Дайчина и Аюки была в Западной Башкирии (Казанская и Ногайская дороги), а Кучумовичей – в ее зауральской части (Сибирская и Осинская дороги), т.е. и те и другие действовали в целом самостоятельно. Однако Кучумовичи продолжали сохранять подчиненное положение по отношению к калмыцким тайшам. Так, в 1664 г. царевич Кучук рассылал башкирской знати ярлыки, в которых предписывал ей подвластное стараться обижать население при не сборе продовольствия. В одном из таких ярлыков царевич называл себя «салтаном», а тайшу Дайчина своим «отцом», признавая тем самым главенство последнего над собой и своими братьями [12, с. 180].

В литературе по истории движения 60-х гг. XVII в. более чем подробно рассмотрена событийная канва самого восстания. Поэтому, не останавливаясь на ходе событий, отметим только, что «сценарий» развития движения 1662 — 1664 гг. во многом аналогичен «барабинской смуте» 1628 — 1631 гг. Причины, побудившие ясачных людей к протесту, также во многом сходны в обоих случаях. Как сибирские татары в 1628 — 1631 гг., так и башкиры в 1662 — 1664 гг. в знак протеста уходили из пределов влияния русской администрации к Кучумовичам и калмыкам, но после этого, не выдержав гнета новых сюзеренов, возвращались обратно, каясь в своих «многих неправдах» и «воровстве». Движение 1660-х гг. отличается от Тарского восстания, скорее всего, только более грандиозными масштабами как по количеству и составу участников, так и по ожесточенности и кровопролитности военных действий.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что ни Кучумовичи, ни калмыки, несмотря на свое активное участие в восстании не оказали на его ход существенного влияния, т.к., по справедливому замечанию Н.В. Устюгова, «достаточных сил для борьбы с русским государством у них не было» [29, с. 109]. Оказывая поддержку повстанцам, они не оправдали их надежд. Дайчин в 1663 г. неожиданно рассорился с башкирами и совершил на их кочевья набег. А Кучук сорвал общее выступление восставших всех четырех дорог осенью 1663 г., не появившись в месте общего сбора в районе болота Кочевань [12, с. 168-169; 29, с. 96; 1, с. 76]. В середине марта 1664 г. против «изменников башкирцев» двинулся карательный отряд полковника Д. Полуектова, который жестоко начал подавлять повстанцев. Царевичи Кучук, Асан и Чучелей с отрядом в 300 человек,

только услышав о погроме, учиненном Д. Полуектовым в башкирских кочевьях, спешно бежали на юг в район Яика, показав тем самым свою полную несостоятельность. После этого многие разочаровавшиеся в них башкиры с повинной вернулись обратно в российские пределы.

Таким образом, основная роль Кучумовичей в антирусских движениях в XVII в. сводилась к тому, что в глазах народов уралосибирского региона они выступали в качестве законной альтернативы российскому подданству. На их сторону порой склонялись традиционные симпатии коренного населения, уже имевшего опыт собственной государственности до прихода русских [См.: 27, с. 184]. Практически перманентная борьба наследников Кучума с русскими, их нежелание отдаться под власть московского царя порой подогревала сепаратистские устремления среди всех недовольных. Также их враждебная деятельность была тем фактором, который во многом способствовал эскалации конфликтов на южных границах русского влияния в Сибири. Тем не менее, несмотря на определенную «царственную харизму» Кучумовичей, как уже отмечалось, у них не было достаточных сил и средств, чтобы оказывать повстанцам существенную помощь.

В заключение представляется возможным внести некоторую ясность в вопрос о стремлении Кучумовичей во что бы то ни стало «возвратить в Сибирь дорусские порядки», «воссоздать былое могущество» путем «восстановления Сибирского юрта», как иногда утверждается в сибиреведческой литературе. Косвенным аргументом в пользу этих суждений может быть тот факт, что Кучумовичи всегда действовали на пространстве от Уфы до Томска, что в общих чертах границами Сибирского совпадает иминжо Поддерживавшие их калмыцкие группировки обычно надолго не задерживались в степях Южного Урала и Западной Сибири и, постоянно сменяя друг друга, перемещались либо на запад в сторону Приуралья и Поволжья, либо обратно на восток в джунгарские степи. Вполне вероятно, что Кучумовичи, оставаясь в этих районах, могли мечтать о восстановлении прежней государственности. Однако в известных источниках этому нет прямых подтверждений. Так, в 1624 г. царевич Ишим «хвалился» перед русским полоняником Филькой во время его совместного похода с калмыками «на трухменцов», что «сибирские де казаки отца его Кучюма извели, а братью его, Алия и Азия, тюменские служилые люди разорили, и ему де Ишиму приходити за то на государевы городы войною» [22, стлб. 456]. Его сын Аблай на пике своих успехов в 1634 г. грозился совершать набеги «покаместа он и жив будет». Очевидно, что кроме мотива мести в этих

заявлениях больше ничего не содержится. В 1639 г. послы Девлет-Гирея, Капланда и Ишей, будучи в Москве, приводили другую причину набегов Кучумовичей. Они откровенно объясняли служащим Посольского приказа, что царевичи «приходят войною на государевы украины», «хотя тем свою бедноту пополнить» [21, л. 8]. Нестабильность и превратности кочевого образа жизни вынуждали Кучумовичей и их сторонников совершать набеги, главная цель которых заключалась в наживе и получении добычи. При этом в наибольшей степени от их грабительских набегов страдало ясачное население сибирских уездов. Для решения более амбициозных задач силы потомков последнего сибирского хана были слишком малы, что делало их борьбу с русскими в XVII в. бесперспективной.

Список литературы:

- 1. Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII первой половине XVIII в. Свердловск, 1991.
- 2. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 4.
- 3. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. 1.
- 4. Бахрушин С.В. Научные труды. M., 1955. T. 3. Ч. 1.
- Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2
- 6. Бахрушин С.В. Восстание в Западной Сибири в 1662 1665 гг. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII XX вв. Брянск, 1999.
- 7. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1887. Ч. 4.
- 8. Верхотурские грамоты конца XVI начала XVII вв. Сб. документов. М., 1982. Т. 1. N 91.
- 9. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
- 10. Волкова К.В. Восстание татар Тарского уезда 1628 1631 гг. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2.
- 11. Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII в. из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662 1667 гг. в Южном Зауралье // Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2000.
- 12. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. М.; Л., 1936.

- 13. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI XVII вв. Л., 1932.
- 14. Международные отношения в центральной Азии. XVII XVIII вв.: Документы и материалы. М., 1989. Кн. 1.
- 15. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 2000. Т. 2.
- 16. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3.
- 17. Народы Сибири. М.; Л., 1956.
- 18. Ница А. Предание о нападении на Уфу сибирских царевичей Аблая и Тевкеля // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1912. № 5.
- 19. Очерки истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1. Ч. 1.
- 20. РГАДА. Ф. 1111 (Верхотурская приказная изба). Оп. 1. Ч. III. Д. 134. Ч. 2.
- 21. РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). Оп. 1639 г. Д. 2. Ч. 1.
- 22. Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2.
- 23. Русско-монгольские отношения. 1636 1654. Сб. документов. М., 1974.
- 24. Русско-монгольские отношения. 1654 1685. Сб. документов. М., 1996.
- 25. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008.
- 26. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VI. Т. 11 12. История России с древнейших времен. М., 1995.
- 27. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV XVIII вв. М., 2007.
- 28. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII XVIII вв. Новосибирск, 1980.
- 29. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 1664 гг. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24.
- 30. Шунков В.И. Очерки по истории освоения Сибири (XVII в.). М., 1956.

ОБРАЗ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЛИФОНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «РОССИЙСКОМ ИМПЕРИАЛИЗМЕ» И ЕГО ПЕРСПЕКТИВАХ

Волошин Дмитрий Алексеевич

к. и. н., старший преподаватель, Армавирская государственная педагогическая академия, г. Армавир E-mail: <u>voloschindim@mail.ru</u>

Слово «империя» в последнее время стало модным: несомненно, мы живем в эпоху очередного взлета «имперских орлов». Понятие «империя» генетически восходит к Риму, однако даже после обретения им символического смысла мы по-прежнему за каждым сильным (подчас просто большим) государством видим или пытаемся разглядеть Imperium Romanum [2, с. 203]. И сегодня, когда заканчивается современность, заканчивается модерн, мы переходим к постмодерну, где империя опять заявляет о себе — так как «имперская стадия это естественная стадия развития мировых глобальных проектов» [1, с.44]. При этом степень близости того или иного государства к уровню идеал-типической Римской империи определяется по ряду положений.

- Настоящая империя целенаправленно экспортирует свою культуру и общественные институты по всему миру иногда с применением силы, иногда без оного.
- Имея огромное преимущество перед другими странами, настоящая империя может позволить себе действовать на основе долгосрочных интересов.
- Настоящая империя (определение, данное Е. Чудиновой) всегда несет на штыках цивилизацию. Такая империя стремится не к региональному, а к мировому господству.
- В центре настоящей империи стоит глобальный проект именно им империя обосновывает свое существование, неся всем народам и культурам, которые входят в ее состав, нечто могущественное и объединяющее, чего не хватает ни одной из ее частей в отдельности.

Учитывая все эти (и еще некоторые) признаки, многочисленные современные авторы называют «Вторым Римом» — Византию; «Третьим Римом» — или Москву, или Лондон (где идеи республики и народовластия развивались с опорой на протестантизм); «Четвертым Римом» — Париж (до установления Наполеоном диктатуры); «Пятым Римом» — Вашингтон.

Зарубежные исследователи отмечают, что престиж римской цивилизации в западном мире сегодня низок как никогда: торжество римской символики во времена американской революции стало прощальным приветом Рима Западу — сейчас Рим стал символом отупляющей цивилизации [6]. Несмотря на это, тема «Вашингтон — Новый Рим» в настоящее время особо не оспаривается. Американцы после крушения СССР почувствовали себя планетарной силой № 1, каковой была в свое время Римская империя, и актуализировали слой «римских» реалий, заложенных в конструкцию североамериканской державы при ее рождении [7]. История, география и экономика дала Вашингтону шанс, который прежде имели лишь Рим и Лондон [13]. Поэтому США — это новая Римская империя, только осуществляет она не столько военное, сколько «финансово-информационно-культурное доминирование» [12, с. 3].

Мнения по вопросам «Каким по счету Римом является Москва?» и «Можно ли вообще Россию считать преемником какихлибо традиций Римской империи?» представлены в несравненно более широком диапазоне.

Есть точка зрения, согласно которой связь России и Римской империи долгое время была исключительно надуманной, — у России, в отличие от стран Западной Европы, не было ничего, что роднило бы ее с этим политическим и духовным феноменом. Россия никогда не была «Третьим Римом», в случае с Россией влияние римского опыта и римских обычаев можно считать минимальным. Как ни странно, эта связь начала появляться только после революции 1917 года, когда в России попытались установить одну из форм народовластия [5].

У нас смыслы имперской темы большей частью вращаются не в плоскости рассуждений о прямой трансляции Римской империи. А.И. Любжин [7] говорит о двух мощных ассоциативных рядах, вызываемых словом «Империя» (с одной стороны, «тюрьма народов» и беспросветный гнет правящей верхушки, с другой — русские орлы на альпийских высотах и за Балканами у стен Константинополя). Закономерно побеждать стал второй.

Споры о том, нужна ли русским Империя, слышатся в последнее время все чаще и чаще. В обществе дискуссии ведутся не о том, проводить или не проводить имперскую политику, а о том, какой она должна быть.

Наметилась даже парадоксальная тенденция, когда идея «российского империализма» используется, по сути, как оружие против столь же активно развивающегося в последние годы русского национализма. В Империи видят «здоровую альтернативу» идее

Нации. Распространен, впрочем, и обратный ход мысли — «имперские замашки» и имперское бремя воспринимаются как дополнительная и ненужная нагрузка для русской нации, лишь препятствующая национальному усилению и распыляющая силы [16].

А.М. Малер [8] замечает: радикальные имперцы упрекают государство РФ в том, что оно фактически копирует «неорганичную» для России модель национальных демократий Запада, а националисты, наоборот, видят в «ЭрЭфии» воплощение интернациональной евразийской империи. Имперское движение в современной России испытывает жестокое морально-политическое давление с двух сторон, требующее от него самоопределения. Сложившаяся историческая ситуация требует от имперского движения в России окончательного внутреннего размежевания по линии «византизм – евразийство». Либо Россия – христианская страна, либо «многоконфессиональная» страна; либо Россия — страна конкретной европейской идентичности, либо абстрактной «евразийской идентичности»; либо Россия начинается с Киевского княжества, либо с монгольской Орды; либо Москва – Третий Рим, либо Третий Сарай.

О «Третьем Риме» сегодня говорят очень многие, это

О «Третьем Риме» сегодня говорят очень многие, это словосочетание часто употребляют как сторонники русского духовного и политического укрепления, так и его противники [10]. Римско-ромейский имперский комплекс традиционно именуется идеологией «Третьего Рима» и считается ведущей «идеей» русской геополитики [14]. Так исторически сложилось, что в данном комплексе внимание сосредоточено не столько на «римлянах» и Римской империи, сколько на «ромеях» и Византии:

- 1) Христианская Римская империя это основа христианской европейской цивилизации и, вместе с этим, ее идеал. Однако западная часть Римской империи пала, а сами латиняне ушли в католическую ересь, и поэтому православным «Катехоном» стал Новый Рим, Константинополь.
- 2) Смысл идеи Третьего Рима состоит в том, что Россия как наследник Византии обладает универсальной, вселенской миссией православной империи, которая должна, с одной стороны, быть оплотом православной веры, а с другой стороны, способствовать распространению этой веры по всему миру [10]. Россия вместе с религиозной миссией наследовала всю византийскую культуру, основанную на антично-христианском синтезе [9].
- 3) Россия воспринимала себя как «Катехона», «Удерживающего», то есть военную силу, способную сдержать наступление в мире «беззакония» и скорый приход антихриста [15].

Именно в этой идее преемства Римской Империи и Византии в метаисторической функции и заключен смысл концепции «Третьего Рима». Отсюда и задача не победить всех любой ценой, а осадить того, кто претендует на победу над всеми.

- 4) Не оформившись сама в какой-то ясный и законченный образ, как это сделала та же Римская Империя, Россия, однако, препятствует оформлению любого другого глобального политического образа будь то фашизм, либерализм, исламизм или какая-то иная из конкурирующих мировых сил [14].
- 5) В этом смысле Россия является прямым наследником первой европейской империи и как «катехоническая» держава несет то тяжкое бремя, которое позволило марксистам и либералам в XIX веке назвать Российскую Империю «жандармом Европы» [9].
- 6) Еще один характерный идеологический мотив это «внеисторичность» России, ее «выпадение» из общего потока мировой истории [14]. И даже более: самым необычным утверждением в формулировке идеологии «Третьего Рима» было утверждение, что «Четвертому не бывать», что сразу ставило Россию в положение «замыкающего истории» [15].
- В. Штепа не настолько уверен в вечности «Третьего Рима». Автор напоминает, что Леонтьевская «цветущая сложность» наступает лишь в постимперский период: Европа, к примеру, стала многообразным континентом лишь с крушением Римской империи. То же по циклической логике ожидает и Третий Рим [18]. Третий Рим неуклонно повторяет судьбу Первого тот, как известно, начал рушиться именно с нарастания контраста между верными, но задавленными налоговым гнетом диоцезами и сибаритской эйфорией, свойственной патрициям самого «вечного города».

Нигде в мире нет такой чудовищной гиперконцентрации общественной и культурной жизни, как в России: вся жизнь огромного континента крутится вокруг одной географической точки [4]. Современное обособление Москвы от «остальной России» куда глубже, чем даже в советскую эпоху — тогда из Кремля исходили какие-никакие общенациональные приоритеты и историческое целеполагание для всей страны. Но сегодняшний социокультурный разрыв — это уже явление совсем иного порядка, нежели нормальный для любой страны повышенный ритм столичной жизни. Речь идет о появлении в этом городе-государстве со своим правительством совершенно особой цивилизации с «постисторическим» менталитетом и «постмодернистским» стилем жизни. Где-то идут забастовки, падают самолеты, взрываются шахты, — а отсюда все это воспринимается как

некий потусторонний перформанс, увлеченно и наперебой комментируется, а порой и обстебывается. В различных кругах, называющих себя «московской элитой», возникла странная тенденция к обособлению, и в пределе – противопоставлению себя остальным «россиянам». И эта ситуация уже оборачивается злой иронией – переставая быть столицей России, Москва становится глухой провинцией Европы [17]. Таким образом, сегодня доктрина «Москва – Третий Рим» уже устарела: Москва как центр политической экспансии и духовного консерватизма выполнила свою миссию и теперь должна уступить место новой столице, столице российского пробуждения [4].

предсказуемая Совсем вполне иная. котя «молодогвардейского» автора) картина – в статье Д. Ершова «Когда закончится Рах Romana»[3]: де-юре преемником античного Рима сегодня может выступать лишь только Россия. Автор статьи пишет: «Современный мир... Как сильно он по своей сути отличается от Римской Империи? Насколько далеко продвинулось человечество более чем за 1 500 лет со дня падения Рима? Уже почти две тысячи лет, как Августа не стало, но зато вокруг глобальная Pax Romana! Нового ничего с тех времен нет. Разве что социализм. Но под красивым названием в этом слове на самом деле скрывается одна из самых жестоких моделей устройства Римской Империи – абсолютная императорская власть. Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко... Кто они?! Абсолютные вожди! Ленин и Сталин сродни бесноватым Калигуле и Нерону. Брежнев – слабая копия Траяна и т.д. Исторически Россия имеет полное право на создание новой идеи мирового порядка – так как на ее территории появились первые демократии со времен республиканского Рима... Однако на сегодняшний день это пока лишь только слова. И идея Pax Romana co всеми вытекающими от этого проблемами не закончится до того момента, пока в этом направлении не будет реальных дел!»[3].

Таким образом, Римская империя — первая по-настоящему классическая империя, продемонстрировавшая всему миру широчайший спектр идеологических, политических, военных и управленческих стандартов. «Реабилитация» империи в российском прошлом и настоящем становится важнейшей научно-теоретической и практической задачей. XXI век приведет к расцвету имперских идеологий — и это делает империи интересным объектом для исторических исследований, актуализирует выработку теорий, направленных на содержательное и сравнительное изучение империй. В этой связи неизбежны взаимоисключающие интерпретации: от приведенной в книге А.П. Никонова фразы «Что за чепуха? Римляне

никогда не были на территории СССР» [11, с. 279] до утверждений о том, что актуальность теории Филофея о Третьем Риме будет только возрастать; от заявлений «Россия никогда не была «Третьим Римом», как бы этого ни хотелось!» до попыток скрещения средневековой имперской мифологии Третьего Рима с великодержавными амбициями нынешней власти.

Список литературы:

- 1. Волошин Д.А. Есть ли место Третьему Риму в третьем тысячелетии? (о правомерности некоторых исторических аналогий) [Текст] / Д.А. Волошин // История и обществознание: научный и учебно-методический ежегодник исторического факультета АГПА / гл. ред. А.А. Панарин. Армавир: РИЦ АГПА, 2010. Вып. VIII. 188 с. С.39—44.
- 2. Волошин Д.А. «Римской тип» имперской организации общества и государства как теоретическая проблема сравнительной империологии [Текст] / Д.А. Волошин // Исторические записки: Международный сборник научных трудов / под ред. А.В. Первушкина. Пенза: ГУМНИЦ, 2010. Вып.14. 297 с. С.194–203.
- 3. Ершов Д. Когда закончится Pax Romana?! // ВОО «Молодая Гвардия Единой России» [электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://www.molgvardia.ru
- 4. Корнев С., Штепа В. После Третьего Рима Китеж // ЗАВТРА [электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://www.zavtra.ru
- 5. Лавров В.Г. Уроки Римской империи // Литсовет [электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://www.litsovet.ru
- 6. Линдт М. Второе падение Рима // Интеллектуальный форум. 2002. Вып. 9 [электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://if.russ.ru
- 7. Любжин А. И. Что такое империя? // Россия в глобальной политике. 2004. №5 (сентябрь/октябрь) [электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://www.globalaffairs.ru
- 8. Малер А.М. Византизм против евразийства // КАТЕХОН: Христианский интеллектуальный клуб [электронный ресурс] — Режим доступа. – URL: http://www.katehon.ru
- 9. Малер А.М. Европейская миссия России // КАТЕХОН: Христианский интеллектуальный клуб [электронный ресурс] — Режим доступа. – URL: http://www.katehon.ru

- 10. Малер А.М. Инок Филофей идеолог Третьего Рима // Русский обозреватель [электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://www.rus-obr.ru
- 11. Никонов А.П. Судьба цивилизатора. Теория и практика гибели империй [Текст] / А.П. Никонов. М.: ЭНАС; СПб.: Питер, 2010. 360 с.
- 12. Радзиховский Л. Второй Рим [Текст] / Л. Радзиховский // Российская газета (Федеральный выпуск) 2005. №3884 (27 сентября). С. 3.
- 13. Уткин А.И. Единственная современная империя США // Журнал «Золотой лев» издание русской консервативной мысли. №77—78 [электронный ресурс] Режим доступа. URL: www.zlev.ru
- 14. Холмогоров Е. Бескрайняя равнина конца времен // Перспективы: Фонд исторической перспективы [электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://www.perspektivy.info
- 15. Холмогоров Е. Реставрация будущего // АПН: Агентство политических новостей [электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://www.apn.ru
- 16. Холмогоров Е. ТОП Империя: реставрация // Империя: Информационно-аналитический портал [электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://www.imperiya.by
- 17. Штепа В. Второе падение Третьего Рима // КИТЕЖ: Традиция в мире постмодерна [электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://kitezh.onego.ru
- 18. Штепа В. RUтопия // АПН: Агентство политических новостей [электронный ресурс] Режим доступа. URL: http://www.apn.ru

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТУДИЙ КИНОХРОНИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ДУХОВНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ НАРОДА НА РАЗГРОМ ВРАГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Заводчиков Василий Васильевич

аспирант кафедры отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г.Самара E-mail: vzavod69@gmail.com

22 июня 2011 года исполняется 70 лет с начала Великой Отечественной войны, которая стала для нашего народа одним из самых суровых испытаний. С первых ее дней главной задачей кинодокументалистов страны стала духовная мобилизация народа на сопротивление и разгром фашистских захватчиков.

Документальная кинематография в предвоенные годы получила значительное развитие. Центральная студия кинохроники в Москве выросла, стала производить множество фильмов и журналов. Она стала организационным и творческим центром системы кинохроники, охватывающей корреспондентскими пунктами, студиями всю нашу страну. Регулярно выходили киножурналы. Кроме основного – «Союзкиножурнала», выпускались киножурналы для детей, для Красной Армии, журнал «Советское искусство»[1].

К июню 1941 года кинохроника страны имела уже почти четвертьвековой опыт работы по созданию различных произведений в жанре документального кинематографа. Сформировались творческие кадры студий кинохроники, ими был накоплен немалый опыт работы [2, с.3.].

Кинокамеры хроникеров фиксировали эпизоды трудовых будней страны. На экране находили отражение важные исторические вехи ее истории со съемками первых колхозов, совхозов, МТС, слетов ударников промышленности и передовиков колхозных полей.

В годы первых пятилеток развивалось мастерство кинодокументалистов, которые создавали новые жанры, позволявшие более полно отражать действительность. Создавались киноочеркиобзоры о крупных промышленных центрах, областях и республиках, о развитии в них науки и культуры. В документальных фильмах региональных студий кинохроники, выпущенных незадолго до войны, была показана мирная жизнь народа, его трудовые будни и праздники. Об этом свидетельствует, в частности, таблица 1, в которой

представлены документальные фильмы, выпущенные отдельными региональными студиями кинохроники накануне войны [3].

О трудовых достижениях людей в разных регионах страны рассказывали такие фильмы как киноочерк «День в колхоз» (Куйбышевская студия кинохроники — ныне Самарская студия кинохроники), который был посвящен успехам колхоза «Красный меринос» Матвеевского района Чкаловской (ныне Оренбургской) области по выращиванию тонкорунных породистых овец. Очерк «Величайший в мире» (Куйбышевская студия кинохроники) рассказывал о строительстве Куйбышевского гидроузла.

Достижениям стахановского звена колхозницы Ф.М.Кондратенко из колхоза «Поход» Матвеевского района Чкаловской области был посвящен киноочерк «Звено победителей» (Куйбышевская студия кинохроники). Пропаганде насаждения лесов, как защитных полос от суховея и ветров в борьбе за высокий урожай колхозных полей Поволжья был посвящен фильм «За высокий урожай» (Саратовская студия кинохроники).

К пятилетию со дня пуска Челябинского тракторного завода был показан очерк «ЧТЗ имени товарища Сталина» (Свердловская студия кинохроники). О магнитогорском комбинате и его людях рассказывал очерк «Магнитка» (Свердловская студия кинохроники). О рыбных промыслах на северном побережье Каспийского моря повествовал фильм «Северный Каспий» (Саратовская студия кинохроники).

О результатах работы сельскохозяйственного института в совхозе «Гигант» Ростовской области рассказывал фильм «Инженеры урожая»

Таблица 1. Документальные фильмы, выпущенные региональными студиями кинохроники в предвоенные годы.

Региональная	Год	Название		Съемочная группа
студия	выпуска	фильма		
кинохроники	фильма			
Куйбышевская	1937 г.	«Закон	0	Режиссер М.И.Юров,
студия		счастье»		оператор М.И.Ципорин,
кинохроники				музыкальное
	1938 г.			оформление –
		«День	В	Д.С.Штильман,
		колхозе»		звукооператор
	1939 г.			А.М.Камионский.
				Режиссер М.И.Юров,

<u>r</u>	1000	T	
	1939 г.	«Величайший	оператор Н.П.Киселев,
		в мире»	музыкальное
			оформление –
			Г.С.Гамбург,
	1936 г.	«Звено	звукооператор
		победителей»	Д.Н.Овсянников.
	1938 г.		Режиссер М.И.Юров,
			операторы Н.П.Киселев,
	1938 г.		П.И.Пак, М.И.Ципорин.
Саратовская			музыкальное
студия	1938 г.	«Город имени	оформление –
кинохроники		Сталина»	Г.С.Гамбург,
киномроники	1939 г.	Crashinan	звукооператор
	1/3/1.	«За высокий	Д.Н.Овсянников.
	1938 г.	урожай»	Режиссер
	19361.	урожан//	О.Д.Покорский,
	1939 г.	"Cononvervi	
	1939 F.	«Северный Каспий»	оперетор М.И.Ципорин,
		Каспии»	музыкальное
	1020	11	оформление –
	1939 г.	«Чудесный	Г.С.Гамбург,
	1020	край»	звукооператор
	1939 г.	_	Д.Н.Овсянников.
		«За	
		устойчивый	
	1939 г.	урожай»	Режиссер и оператор
Ростовская			А.М.Булдаков,
студия		«Чудесные	музыкальное
кинохроники	1938 г.	дни»	оформление –
			Г.С.Гамбург,
			звукооператор
	1938 г.		И.С.Ренков.
		«Горянки»	Режиссер и оператор
		1	А.М.Булдаков,
	1938 г.		музыкальное
			оформление –
		«Жемчужина	Г.С.Гамбург,
	1939 г.	гор»	звукооператор
	1/3/1.	1 op.,,	В.А.Нестеров.
		«Инженеры	Режиссер
	1940 г.	-	Л.Н.Задворчанов,
	19401.	урожая»	_
			оператор А.М.Софьин,

	1020 -		T
	1939 г.		музыкальное
	1020	T.C.	оформление –
	1938 г.	«Колхоз	Евдокимов,
		«Красный	звукооператор
Свердловская		Октябрь»»	И.Красиков.
студия	1939 г.		Режиссер и оператьор
кинохроники		«Магнитка»	А.М.Булдаков,
	1939 г.		музыкальное
			оформление –
			А.С.Ройтман,
			звукооператор
		«ЧТЗ имени	Д.Н.Овсянников.
		товарища	Оператор А.А.Гран.
Уфимская		Сталина»	Звукооператор
студия			Д.Н.Овсянников.
кинохроники		«Цветущая	
•		Башкирия»	Сценарист и режиссер
		1	О.Б.Подгорецкая,
			оператор А.Я.Шнирман,
			музыкальное
		«Славный	оформление Н.Гольм,
		юбилей»	звукооператор
			А.А.Соловьев.
			Режиссер и оператор
		«Второе Баку»	Я.П.Авдеенко,
Воронежская		MB Topot Buily "	музыкальное
студия		«Колхозные	оформление
кинохроники		будни»	И.К.Шапошников,
кипохропики		Оудии//	звукооператор
Горьковская			В.Н.Харькевич.
студия		«Наш город	Режиссер
		Горький»	В.П.Василенко,
кинохроники		т орькии//	оператор Г.Ф.Попов,
Хабаровская			музыкальное
студия		«Золото»	оформление – П.Гутин,
_		((JUHU1U))	
кинохроники			звукооператор А.А.Соловьев.
		«Сахалин»	
		«Сахалин»	Режиссер
			Я.П.Авдеенко, оператор
			Пойченко, музыкальное
			оформление

И.К.Шапошников, звукооператор А.А.Соловьев. Режиссер Б.В.Вейланд. Д.А.Сода, оператор музыкальное оформление И.К.Шапошников, звукооператор А.А.Соловьев. Режиссер А.И.Евсиков, операторы И.М.Косицин, Г.Родниченко, музыкальное оформление И.К.Шапошников, звукооператор В.Н.Харькевич. Сценарист и режиссер А.И.Евсиков, оператор И.М.Косицин. музыкальное оформление А.С.Ройтман, звукооператор Д.Н.Овсянников. Режиссер А.И.Литвинов, оператор Г.Г.Амиров, музыкальное оформление Г.С.Гамбург, звукоопертор Д.Н.Овсянников. Режиссер А.И.Литвин, операторы Г.Г.Амиров, А.Я.Сухов,

музыкальное
оформление –
Г.С.Гамбург,
звукооператор
Д.Н.Овсянников.
Режиссер Н.Вейланд,
оператор Г.Амиров.
Режиссер И.И.Егоров,
оператор К.Н.Сидоров,
музыкальное
оформление –
И.К.Шапошников,
звукооператор
А.А.Соловьев.
Режиссер Р.И.Фощенко,
оператор К.Ф.Мотков,
музыкальное
оформление - А.А.Гран.
Режиссер
Л.И.Матусевич,
оператор
А.З.Кушешвили,
музыкальное
оформление
Г.С.Гамбург,
звукооператор
А.М.Камионский.
Режиссер и оператор
Лыткин, И.И.Чешев.
музыкальное
оформление –
Ланцетти,
звукооператор
Б.Д.Морозевич,
В.Д.Морозевич.
ъ.д.морозсвич.

(Ростовская студия кинохроники). Достижениям колхоза имени Ленина Кирсановского района Тамбовской области был посвящен очерк «Колхозные будни» (Воронежская студия кинохроники). Об истории Сахалина, его экономическом потенциале

рассказывал очерк «Сахалин» (Хабаровская студия кинохроники). О возникновении и развитии нефтяной индустрии Башкирии в предвоенные годы рассказывала кинолента «Второе Баку» (Уфимская студия кинохроники).

Рост и благоустройство городов и сел, развитие системы образования, научная и культурная жизнь страны находила яркое отражение на экране. Так, киноочерк «Закон о счастье» рассказывал о культурном и хозяйственном развитии Мордовской АССР (Куйбышевская студия кинохроники).

О Башкирской АССР повествовал очерк «Цветущая Башкирия» (Уфимская студия кинохроники.) К двадцатилетию образования башкирской автономии был снят фильм «Славный юбилей», в котором были запечатлены юбилейные собрания и демонстрация трудящихся в Уфе, народное гулянье и праздник сабантуй (Уфимская студия кинохроники).

Культурная жизнь колхозников Кубани — жителей колхоза «Красный Октябрь» Темрюкскского района Краснодарского края была показана в фильме «Колхоз «Красный Октябрь»» (Ростовская студия кинохроники). О развитии экономического и культурного потенциала города Горького повествовал фильм «Наш город Горький» (Горьковская студия кинохроники).

Жизнь в донской станице Нижне-Чарской Сталинградского края была показана в фильме «Чудесный край» (Саратовская студия кинохроники). Об отдыхе детей в пионерском лагере Пятигорска на склоне горы Бештау рассказывалось в фильме «Чудесные дни» (Ростовская студия кинохроники). О горно-лыжной школе в Домбайской долине у Кавказского хребта шла речь в фильме «Жемчужина гор» (Ростовская студия кинохроники).

В 1940 году советская документальная кинематография создала крупное полотно «День нового мира», в работе над которым участвовали операторы разных региональных студий. Отмечая значение этого фильма, известный кинорежиссер Р.Григорьев писал: «Картина «День нового мира» рассматривается нами как коллективное произведение советских киножурналистов. Значение этой картины в том, что она особенно ярко демонстрирует силу кинорепортажа, мастерства художественной документации нашей жизни и стройки»[4].

Опыт, накопленный творческими коллективами студий в предвоенный период, послужил хорошей основой для кинодокументалистики военного времени. Однако старого опыта было

мало, в суровой военной обстановке необходимо было освоение нового опыта.

По воспоминаниям известного кинооператора и режиссера Р.Л.Кармена, «навсегда в памяти кинохроникеров останется день 22 июня 1941года. Известие о начале войны было встречено на киностудиях как призыв к мобилизации. Образовывались фронтовые группы. Операторы получали направление в воинские части» [5].

Война с фашистской Германией поставила перед региональными студиями кинохроники новые задачи. В их пропагандистской работе важно было, чтобы потрясение, которое испытал наш народ в начале войны, вызывало не страх, а порождало такие чувства, которые сделали каждого гражданина участником общей борьбы с врагом.

Деятельность региональных студий способствовала осознанию народом наступившей опасности и жизненной необходимости защиты Отечества, мощному подъему народного патриотизма, укреплению воли к победе. Их работа была направлена на обеспечение оперативной информацией о положении дел в действующей армии и различных регионах страны с целью укрепления морального духа народа и армии.

Так, например, каждый номер журнала «Средняя Волга», который выпускала Куйбышевская студия кинохроники, начинался с фронтового репортажа, материал для которого брался «Союзкиножурнала». Всесоюзный киножурнал поступал Куйбышевскую область в ограниченном количестве - только в одном экземпляре. Для того, чтобы фронтовые сюжеты мог видеть широкий зритель, материал брался из «Союзкиножурнала», перемонтировался, переозвучивался и помещался в журнал «Средняя Волга». Этот ценный опыт был передан двум соседним студиям кинохроники – Казанской и Уфимской, которые в 1941 году обслуживала Куйбышевская студия кинохроники [6].

Уже 8 июля 1941 года на экранах страны демонстрировался «Союзкиножурнал» № 63, в котором зрители увидели первый сюжет, созданный на материале операторов С.Когана и В.Ешурина о действиях наших войск на румынской границе, увидели конкретный результат боевой деятельности зенитчиков — сбитый фашистский самолет, увидели первых пленных гитлеровцев. Начиная с этого номера киножурнала, в каждом выпуске кинохроники, вплоть до последнего — о победе советского народа над фашистской Германией, документальные киноматериалы о боевых действиях Красной Армии

помещались под рубрикой «Репортаж с фронтов Отечественной войны» [7, с.3-4.].

Задачам военного времени была подчинена вся деятельность региональных студий кинохроники. Об этом, в частности, можно судить по тем фильмам, которые они выпускали в чрезвычайно сложных условиях военного времени. В таблице 2 представлены документальные фильмы, созданные в этот период основными региональными студиями страны [8].

Великая Отечественная война поставила Куйбышевскую студию кинохроники в особое положение по сравнению с другими региональными студиями. Она стала базой Центральной студии кинохроники, эвакуированной из Москвы [9].

На студии в предвоенные годы был сформирован творческий коллектив. Здесь успешно работали режиссеры и операторы – М.И.Юров, Э.А.Файк, О.Д.Покорский, Н.Б.Жданова, Е.Я.Баллод, А.Ф.Казначеев, Н.П.Киселев, М.И.Ципорин, П.И.Пак, К.Степанов, С.И.Авлошенко, С.Давидсон, В.Косицин, Таганцев и другие [10].

В конце 1941 года кадровый состав студии был усилен за счет квалифицированных работников Центральной студии кинохроники в связи с ее эвакуацией в Куйбышев. В приказе Председателя Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И.Г.Большакова «Об упорядочении работы

Таблица 2. Документальные фильмы, выпущенные региональными студиями кинохроники в годы Великой Отечественной войны

Региональная студия	Год выпуска	Название фильма
кинохроники		•
Ленинградская студия	1941 г.	«Все на защиту Ленинграда»; «Инженеры лесной промышленности»;
кинохроники	1942 г.	«Комсомол в эти дни»; «Ордена Ленина Семидесятая»; «Первомайский смотр»; «Эстонская земля»;
	1943 г.	«Ленинград в борьбе»; «Мсти, боец!»; «Город переднего края – Колпино».
	1944 г.	«Балтика»; «Боевой путь»; «Воркуты»; «В тылу врага»; «Ленинградский комсомол»; «Народные мстители»;

	1945 г.	«Снайперы»; «Топливо Ленинграду».
	19431.	«Снаинеры», «Тонливо ленинграду».
		«Боевые резервы»; «Камни вопиют»;
		«Лагерь смерти Клоога»;
		«Партизаны Ленинграда»; «Праздник
	1942 г.	Дивизии»; «42 Армия»
		«Строительство мостов».
	1942 г.	
		«XXVIII годовщина Октября»; «220 лет
Лентехфильм	1943 г.	Академии наук»;
1	1944 г.	«Девушки Ленинграда»; «Инта»;
	1945 г.	«Ленинград встречает победителей»;
Новосибирская		«На смотре художественной
студия	1942 г.	самодеятельности Ленинградской
кинохроники		области»; «Солнечное затмение»;
		«Физкультурный парад».
		«Балтийская походная»; «Герои
	1943 г.	торпедного удара»; «Клятва
Куйбышевская		балтийцев»; «Клятва ленинградцев»;
студия		«Песнь о Бринько».
кинохроники		
	1944 г.	«Красноармейский кукольный театр»;
	1945 г.	«Крылья победы»; «Сибиряки-
	1941 г.	добровольцы»; «Сибиряки – фронту».
	1944 г.	«Шефство над Воронежем».
		«Строительство алюминиевого завода в
	1945 г.	Сибири».
	10.40	«Покрышкин».
	1943 г.	
	1944 г.	«Боевая пехотная»; «В бой за Родину»;
	1045 -	«В бой, сыны народа»; «Иран»;
Dages	1945 г.	«Летчики» и «Два Максима»; «Мастера
Ростовская	1041 -	эстрады – фронту»; «Материнский
студия	1941 г.	наказ» и «Песня смелых»; «На новом
кинохроники	1942 г. 1944 г.	месте»; «На Родине Ленина»; «Нефть
	1944 г. 1945 г.	фронту»; «Под белыми куполами»; «По Ирану»; «Самолеты идут на фронт»;
	19431.	прану»; «Самолеты идут на фронт»; «Священная война»; «Сталинская
Свердловская		«Священная воина», «Сталинская конница»; «Хлеб фронту»;
*	1942 г.	«Чехословацкая часть в СССР».
студия	17441.	«полословацкая часть в СССГ».

кинохроники	1943 г.	«Дорогой Гость»; «Концерт татарского
in in the second	17.01.	искусства»; «Магистраль страны»; «Мы
	1942 г.	сталинградцы»; «На боевом посту»
		«Урал кует победу» (совместно со
Хабаровская	1943 г.	Свердловской студией кинохроники);
студия		«Ферапонт Головатый».
кинохроники	1944 г.	«Возрожденный завод»; «Каспийские
		рыбаки»; «Поток».
		«Возрождение Сталинграда» (совместно
		с Центральной студией документальных
	1943 г.	фильмов); «Гордость страны»;
	1944 г.	«Орденоносная Чувашия».
Иркутская		«На Ростсельмаше»; «По Дагестану»;
студия		«Шахтеры».
кинохроники	1943 г.	«Возрождение Кубани».
1		
		«Крым»; «Северная Осетия»;
Тбилисская	1942 г.	«Севкавтяжстроевцы»; «Советский
киностудия	1943 г.	Дагестан».
(сектор		
кинохроники)	1942 г.	«За здорового бойца»; «Столица
	1944 г.	Урала»; «Урал кует победу»(Совместно
	1945 г.	с Куйбышевской студией кинохроники);
		«Будь осторожен с огнем»; «60-я
		параллель».
		«В горах южного Урала» (совместно с
Бакинская		Центральной студией документальных
студия		фильмов); «В таежном краю»;
кинохроники		«Удмуртия».
		«Амур».
		«Амурсталь».
Алма-Атинская		«Путь к океану»
студия		«Военный заем»; «День победы над
кинохроники		Германией»; «День победы над
Та		Японией»; «К севу готовы»; «Люди
Ташкентская		горной Умальты»;
студия		«Октябрьский праздник»; «Районная
кинохроники		сельскохозяйственная выставка»; «3
U.v.anma4		олимпиады Дальневосточного фронта».
Киевтехфильм	1	

Украинская	«Гвардейцы тыла».
кинохроника	«Двадцатилетие».
	«На защиту Кавказа"; «На линию фронта»; «Филипп Махарадзе»; «Фронтовая весна в Грузии». «Герой Севастополя»; «Конец гитлеровской авантюры на Кавказе»; «По следам фашистского зверя»; «Рыбаки-патриоты»; «Удар наших войск на подступах к городу Орджоникидзе»; «Что ты сделал для фронта?». «Гвардейцы генерала Чанчибадзе»; «Кавалеристы»; «Страницы нашей славы»; «Кавказ»; «В боях за Севастополь».
	«Двадцатая весна»; «Азфан –центр научной мысли»; «Забота о семье фронтовика»; «За Родину». "Баку борется".
	«Патриотки»; «Подарок»; «Самое дорогое». «Айтыс»; «В предгорьях Ала-Тау»; «Знамя победы»; «Олимпиада»; «Тебе, фронт».
	«В горах Тянь-Шаня»; «Мы с тобой, фронт!»; «Цвети, земля»; «Джон Андижан»; «Памяти Ахун-Бабаева»; «Съезд мусульман и выборы духовного управления Средней Азии и Казахстана». «Таранный удар». «Похороны Ватутина»; «Победа на правобережной Украине и

	пределы Украинских советских земель» (совместно с Центральной студией документальных фильмов).
--	--

студий кинохроники» (31 декабря 1941 г.) отмечалось: «Зачислить в штат Куйбышевской студии кинохроники работников Центральной студии кинохроники, переведенных в г. Куйбышев» [11, с.274.].

Согласно этому приказу директором Куйбышевской студии кинохроники был назначен Г.М.Кацнельсон, а его заместителем – Ю.М.Дубман. Новому руководству студии было дано указание в месячный срок смонтировать и установить на студии вывезенное из Москвы лабораторное и звукозаписывающее оборудование, а также обеспечить выпуск следующей кинопродукции: «Союзкиножурнал» (4 номера в месяц), «СССР на экране» (3 номера в месяц), а также фильмопесни и короткометражные фильмы.

Центральная студия кинохроники, согласно данному приказу, кроме еженедельных выпусков «На защиту родной Москвы» должна выпускать 5 номеров в месяц «Союзкиножурнала» специальные выпуски для всех экранов страны. Кроме того, на нее была возложена обработка всего военного киноматериала, изготовление и рассылка «лаванд военных сюжетов в Алма-Атинскую, Куйбышевскую и Новосибирскую студии кинохроники в количестве не менее 8 сюжетов в месяц по каждой студии», а также установление Алма-Атинской Новосибирской студий для И кинохроники периодичность выпуска «Союзкиножурнала» – 4 номера в месяц [12].

Поскольку Куйбышевская студия кинохроники стала базой Центральной студии, то сюда поступали боевые репортажи с фронтов. Здесь было сосредоточено производство оперативных сборников фронтовой кинохроники и военно-патриотических фильмов. Уже в 1942 году были выпущены на экраны такие фильмы, как «В бой за Родину бой», «Священная война», «В бой, сыны народа», «Самолеты идут на фронт», «Нефть фронту», «Хлеб фронту» и другие (таблица 2). Эти фильмы вдохновляли советских людей на фронте и в тылу. Продукция Куйбышевской студии была известна в годы войны не только в нашей стране, но и за рубежом. Для зарубежного зрителя на студии создавались специальные киножурналы «СССР на экране», которые отправлялись в Англию и США. Эти киножурналы несли нашим союзникам, широкому зарубежному зрителю правду о

героической борьбе советского народа с германским фашизмом [13]. В 1942 году на студии были произведены фильмы на экспорт – «Героический Севастополь», «Парад польской части»[14].

Живой интерес у английской аудитории вызывали советские выпуски кинохроники, документальные фильмы, такие, как «Разгром немцев под Москвой», «День войны», «Ленинград в борьбе» и другие [15, с.421].

За годы войны советской документальной кинематографией были созданы свыше 400 номеров киножурнала «Союзкиножурнал», 65 номеров журнала «Новости дня», 24 различных фронтовых выпуска и около 100 короткометражных и полнометражных фильмов [16]. Главной темой кинодокументалистов в суровые военные годы был патриотизм тружеников тыла, вера людей в разгром врага, их героический труд во имя Победы. Кинохроника сыграла неоценимую роль в воспитании у людей патриотизма, решимости выстоять и победить врага.

Список литературы:

- 1. РГАЛИ.Ф.2989. ОП.1. Д.131. Л.37.
- 2. Родионов О.А. Оператор кинодокумент фильм. М. 1970.
- 3. РГАЛИ. Ф.966. ОП.2. Д.804. Л.75-148.
- 4. Иванов К. Волга на экране. Из истории документального кинематографа в Поволжье // Волжская коммуна. 24 ноября. 1972.
- 5. РГАЛИ. Ф.2989. ОП.1. Д.177. Л.13.
- 6. СОГАСПИ. Ф.656. ОП.33. Д.54. Л.146.
- 7. Родионов О.А. Работа фронтовых операторов над боевым репортажем. М. 1968.
- 8. РГАЛИ. Ф.966. ОП.2. Д.806. Л.328-329.; РГАЛИ. Ф.966. ОП.2. Д.805. Л.171-245.
- 9. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.1. Д.18. Л.22,24.
- 10. СОГАСПИ.Ф.656. ОП.32. Д.144. Л.114.
- 11. Цена кадра. Советская фронтовая кинохроника 1941-1945 гг. Документы и свидетельства/Авт.-сост. В.П.Михайлов, В.И.Фомин. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация». 2010.
- 12. Там же.
- 13. Спевачевский Г. Полвека в строю. Волжская Заря. 2 сентября. 1977.
- 14. ЦГАСО. Ф.4095. ОП.1. Д.22. Л.2.
- 15. Храмкова Е.Л. Культура России 1941-1945гг.: Отечественная историография рубежа XX-XXI веков. Самара. 2006.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-Х ГОДОВ О ПОЛОЖЕНИИ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ В УССР ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Крайник Роман Николаевич

к. и. н., доцент, Николаевский национальный университет имени В.А. Сухомлинского, Украина, г. Николаев E-mail: ro.man2009@yandex.ru

Сегодня актуальной проблемой исторической науки является необходимость всестороннего исследования системы советского Отечественной образования после окончания Великой Весомый вклад в характеристику положения школ и высших учебных заведений сделали исследователи Союза Советских Социалистических Республик (СССР), которые дали научную оценку состояния послевоенных отечественных заведений образования во второй половине 1950-х годов. В это время советская литература достаточно рассматривала разнообразные вопросы, связанные образования в Украинской Советской процесса положением Социалистической Республике (УССР) после окончания Великой Отечественной войны

Подавляющее большинство профессиональных публикаций, связанных с характеристикой системы социалистического образования, посвящались обоснованию правильности курса правящей партии в процессе восстановления учебных заведений и дальнейшего коммунистического воспитания молодежи. Актуальность освещения широкого круга проблем предопределялась наличием стойких и глубоких убеждений среди западноукраинского населения, которые противоречили официальной марксистско-ленинской идеологии.

элементы массовой идеологизации отечественного образования продолжали использоваться разнообразные психологические методы влияния на общество. Одним из самых вмешательства оставался распространенных процесс грубого партийной идеологии в научную жизнь. При этом, литература не противоречила партийным постулатам, а наоборот, полностью подтверждала и всячески обосновывала идеи дальнейшего построения коммунистического общества.

О значимости и актуальности исследования состояния системы образования свидетельствует большое количество написанных и защищенных диссертационных работ, в которых ряд советских научных работников рассматривают состояние образования в УССР по окончанию Великой Отечественной войны, но исключительно в пределах жесткой цензуры, что снижает их научную ценность.

Особое внимание привлекают диссертационные исследования, региональный характер. них летально рассматривается западноукраинских положение заведений образования в послевоенный период [2]. Научной ценности исследованиям добавляет то, что после резкого изменения социальноэкономических и политических основ жизни западной Украины присоединения к СССР, население неоднозначно воспринимало нововведения. Характерной особенностью работ стала сравнительная характеристика учебно-воспитательного процесса при капиталистической и социалистической формации на западе Украины. Примечательно то, что во всех диссертациях авторы сошлись во мнениях о весомых преимуществах советской системы образования.

Часть научных работ посвящена общей характеристике развития учебно-образовательного процесса в республике, при этом, акцентировалось внимание на общих тенденциях восстановления и возобновления деятельности заведений образования после Великой Отечественной войны [3].

Невзирая на однобокость изложения научных фактов, диссертации дали возможность накопить большой фактический материал и глубоко проанализировать отдельные аспекты учебного процесса послевоенной Украины.

В дальнейшем попытку обоснования целесообразности применения широкого круга методов государственного влияния на процесс воспитания молодежи находим в публикации Г.П. Ростикуса [6]. На ее страницах значительное место отведено не только особенностям становления процесса образования в высших учебных заведениях западной Украины, но и вопросам необходимости дальнейшего распространения борьбы с религиозными взглядами в студенческой среде.

Значительное количество научных работ посвящалось непосредственно проблемам молодежи в послевоенное время. Сосредоточивалось внимание на подготовке студента к социальным процессам в обществе, идеологической и партийной подготовке. В трудах советского времени создавался образ высоконравственного

студенчества в пределах жесткого контроля партии над повседневной жизнью советской молодежи.

Общие тенденции восстановления учебно-воспитательного процесса в Украине и особенности его развития в годы первой послевоенной пятилетки, раскрыты в труде О.М. Филиппова [7]. На страницах публикации освещена роль советской власти в процессе построения отечественной научной отрасли, преимуществ социалистической системы образования, определенные акценты делаются на ее общедоступности и бесплатности.

Привлекает внимание пособие М.М. Лисенко, Г.Г. Пидлуцкого и А.В. Санцевича в котором указывается острая необходимость усиления атеистического воспитания в школах [5]. Публикация стала своеобразным руководством для педагогов в борьбе с религиозными проявлениями в системе школьного образования.

Особенностью советских публикаций второй половины 1950-х годов о положении высшей школы стало недостаточное освещение социально-экономического и политического положения профессорскопреподавательских кадров из-за массового политического террора власти против научно-технической интеллигенции. Свидетельством не приоритетности исследований положения работников высшего образования есть фактическое отсутствие отдельных трудов об их положении.

В 1957 году вышла солидная публикация Академии педагогических наук СССР, посвященная анализу развития и состояния советского образования [4]. Труд стал своеобразным итогом научной и идеологической характеристики сорока лет существования образования в Советском Союзе.

Характерной чертой отечественной историографии второй половины 50-х годов прошлого века стало то, что главное внимание историков сосредоточивалось на научных и творческих разработках работников системы народного образования, при этом обобщалась роль изобретений, в литературе не освещались вопросы обыденности, духовных ориентиров учителей и преподавателей.

Служить примером этому может труд К.Т. Галкина, в котором нивелируется личный вклад ученых в развитие науки, при этом руководящая роль в прогрессе отводилась исключительно Коммунистической партии и государству [1].

Таким образом, своеобразной особенностью освещения положения советского образования второй половины 1950-х годов стало то, что авторами публикаций являлись, в большинстве, партийные и государственные работники. Очевидно, значительная

часть опубликованных материалов не имела научной почвы, а служила крепкой идеологической опорой для руководства СССР в будущем построении коммунистического строя.

Во второй половине 1950-х годов публикуются труды, характерной особенностью которых стала избыточная заполитизированность изложенного материала. Освещая разные стороны образовательного процесса послевоенного времени, эти научные разработки вносят большой вклад в исследование проблемы положения послевоенного образования в УССР, но, в дальнейшем, объективном фактический материал нуждается новом, переосмыслении современными правдивой историками ДЛЯ характеристики прошлого советской школы.

Список литературы:

- 1. Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР / К.Т. Галкин [под ред. Н. А. Константинова]. М. : Советская наука, 1958. 176 с.
- 2. Ігнат А.М. Нариси з історії народної освіти в Закарпатській області (1944–1954): дис... канд. іст. наук / А.М. Ігнат. Ужгород, 1955. 286 с.; Павлюк І.С. Розвиток народної освіти в західних областях УРСР (1939–1950): дис... канд. іст. Наук / І.С. Павлюк. Львів, 1956. 267 с.; Кондратюк О.П. Розвиток школи і освіти на Тернопільщині (1900–1957 рр.): дис... канд. пед. наук / О.П. Кондратюк. К., 1958. 384 с.; Літнянський В.В. Розвиток загальноосвітньої школи на Дрогобиччині (1939–1959).: дис... канд. пед. наук / В.В. Літнянський. К., 1959. 253 с.
- 3. Міщенко С.О. Розвиток освіти Української РСР в роки четвертої п'ятирічки (1946–1950): дис... канд. іст. Наук / С.О. Міщенко. К., 1955. 293 с.; Шачнева Е.В. Борьба партийных организаций Украины за восстановление и развитие высшей школы УССР в период 1943–1950 гг.: дис... канд. ист. Наук / Е.В. Шачнева. К., 1955. 286 с.
- 4. Народное образование в СССР / [Под. ред. И.А. Капрова и др.]. М. : Академия педагогических наук, 1957. 704 с.
- 5. Лисенко М.М. Атеїстичне виховання на уроках історії в школі: Метод. посіб. / М.М. Лисенко, Г.Г. Підлуцький, А.В. Санцевич. К.: Рад. шк., 1957. 172 с.
- 6. Ростикус Р.П. Розвиток і зміцнення вищої школи в західних областях України в післявоєнний період / Р.П. Ростикус. Чернівці : Вид-во ЧДУ, 1957. 218 с.

7. Філіппов О.М. Розвиток радянської школи УРСР в період першої післявоенної п'ятирічки / О.М. Філіппов. – К : Радянська школа, 1957. – 151 с.

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ»

Часть І

Материалы международной заочной научно-практической конференции

10 марта 2011 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 24.03.11. Формат бумаги 60х84/16. Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать RISO. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 550 экз. Заказ 15.

Издательство ЭНСКЕ 630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270. E-mail: enske@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригиналмакета в типографии ЭНСКЕ 630049, г. Новосибирск, Дуси Ковальчук, 270.